

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2019 Том 19 № 2

В номере: Наука о международных отношениях
в странах «Глобального Юга»

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Научный журнал
Издается с 2001 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61203 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главный редактор

А.В. Шабазга,

доктор философских наук,
профессор, РУДН, Россия
ir@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Д.А. Дегтерев,

кандидат экономических наук,
доцент, РУДН, Россия
degterev-da@rudn.ru

Заместитель главного редактора

К.П. Курьлев,

доктор исторических наук,
профессор, РУДН, Россия
kurylev-kp@rudn.ru

Ответственный секретарь

О.С. Чикризова,

кандидат исторических наук
старший преподаватель,
РУДН, Россия
chikrizova-os@rudn.ru

Научные редакторы: кандидат политических наук Е.Н. Грачиков (политика), кандидат экономических наук Ю.А. Коновалова (экономика), кандидат исторических наук О.С. Чикризова (история)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Бажанов Евгений Петрович, доктор исторических наук, директор Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России

Ларионова Марина Владимировна, доктор политических наук, директор Центра исследований международных институтов РАНХиГС, профессор Департамента мировой экономики факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ

Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, руководитель Центра изучения стран Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения РАН

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока»

Сапронова Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД России

Хейфец Виктор Лазаревич, доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге

Фитуни Леонид Леонидович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, заместитель директора Института Африки РАН, заведующий Центром глобальных и стратегических исследований

Адилханулы Нурлан Адилханович, кандидат политических наук, проректор Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылайхана, Казахстан

Агрян Ваагн Робертович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой факультета международных отношений Ереванского государственного университета, Армения

Ван Гуанчжэнь, доктор исторических наук, профессор Школы истории и культуры Шаньдунского университета, Китай

Гутьеррес Дель Сид Ана Тереза, профессор международных отношений Столичного автономного университета, Мексика

Кёхлер Ханс, профессор философии Университета Инсбрука, Австрия

Моргунова Оксана, доктор философии, Центр по изучению России, Центральной и Восточной Европы Университета Глазго, Великобритания

Такахаши Мотоки, профессор Высшей школы исследований в области международного сотрудничества Университета Кобе, президент Японского общества по международному развитию, Япония

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 выпуска в год.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям «История», «Политические науки», «Экономика».

Включен в каталог периодических изданий Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>), базу данных Erih Plus (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>), EBSCO.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu и Mendeley.

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский.

Официальный сайт журнала: <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

Цель и тематика

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения» — ведущий российский научный журнал, созданный в 2001 г. По своему содержанию это классический журнал по международным отношениям с особым акцентом на сотрудничество со странами СНГ, странами «Глобального Юга» (Азии, Африки, Латинской Америки), а также на международное образовательное сотрудничество и историю международных отношений. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских исследований по политическим наукам, истории и экономике. Журнал распространяется по подписке, а также рассылается в ведущие вузы РФ по международным отношениям и институты РАН. Электронный дайджест рассылается в ведущие зарубежные исследовательские центры.

Каждый из номеров имеет определенную тематическую направленность, которая задается заранее (не менее чем за 1 год). Статьи по тематике номера составляют его ядро. При этом публикуются статьи и по другим темам, в частности в постоянных рубриках журнала, к которым относятся «История международных отношений», «Прикладной анализ», «Политические портреты», «Международное образовательное сотрудничество». Журнал приветствует публикацию рецензий. В каждом номере в рубрике «Научные школы» размещаются академические интервью с ведущими исследователями-международниками, работающими в одной сфере, но в разных странах. Приветствуются также статьи на английском языке и статьи с выраженной исследовательской методологией, методами прикладного анализа международных отношений.

Тематический портфель на 2019—2020 гг. следующий:

№ 4 2019	«Исламский фактор» в мировой политике	До 15 августа 2019 г.
№ 1 2020	Региональное измерение в международных отношениях	До 15 ноября 2019 г.
№ 2 2020	Деколонизация, неоколониализм и реколонизация: к 60-летию «Года Африки»	До 15 февраля 2020 г.
№ 3 2020	Внешняя политика России в XXI веке: итоги двадцатилетия	До 15 мая 2020 г.
№ 4 2020	Новые вызовы и угрозы для стран «Глобального Юга»	До 15 августа 2020 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

Редактор И.Л. Панкратова

Компьютерная верстка Е.П. Довголевская

Адрес редакции

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Почтовый адрес редакции

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Тел.: (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.university

Подписано в печать 20.06.2019. Выход в свет 28.06.2019.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Тираж 500 экз. Заказ № 625. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,

тел. (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2019

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS

2019 VOLUME 19 No. 2

**In this issue: International Studies
in the Global South**

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2
<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Founded in 2001

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Professor Dr. Andrey Shabaga
RUDN University, Russia
ir@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

PhD Denis Degterev
RUDN University, Russia
degterev-da@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Professor Dr. Konstantin Kurylev
RUDN University, Russia
kurylev-kp@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Olga Chikrizova
RUDN University, Russia
chikrizova-os@rudn.ru

Scientific Editors: PhD E.N. Grachikov (Politics), PhD Y.A. Konovalova (Economics), PhD O.S. Chikrizova (History)

EDITORIAL BOARD

Bazhanov Eugene Petrovich, Doctor, Director of Institute of Contemporary International Studies, Diplomatic Academy, MFA of Russia

Larionova Marina Vladimirovna, Doctor, Head of the Center for International Institutions Research of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, professor of the Department of World Economy of the Faculty of World Economy and World Politics of the HSE

Mosyakov Dmitry Valentinovich, Doctor, Head of Department of Southeast Asia, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Portyakov Vladimir Yakovlevich, Doctor, Editor-in-chief of Far Eastern Affairs Journal (Russia)

Sapronova Marina Anatolievna, Doctor, Professor of the Department of Oriental Studies of MGIMO University, MFA of Russia

Heifetz Victor Lazarevich, Doctor, Professor of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, representative in St. Petersburg of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences

Fituni Leonid Leonidovich, Doctor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Global and International Studies

Adilhanuly Nurlan Adilkhanovich, PhD, Prorector of the Kazakh University of International Relations and World Languages named Abylaikhan, Kazakhstan

Aglyan Vahagn Robertovich, PhD, Head of the Department of International Relations of Yerevan State University, Armenia

Wang Guangzhen, Doctor, Professor of the School of History and Culture in Shandong University, China

Gutierrez Del Cid Ana Teresa, Professor of International Relations at Metropolitan Autonomous University, Mexico

Kochler Hans, Professor of Philosophy at the University of Innsbruck, Austria

Morgunova Oksana, PhD, Centre for Russian, Central and East European Studies, University of Glasgow, UK

Takahashi Motoki, Professor, Graduate School of International Cooperation Studies, Kobe University, President of Japan Society for International Development, Japan

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
(RUDN University), Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English, French, German, Spanish.

Indexed in Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, Erih Plus database (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>), EBSCO.

Accessible at Academia.Edu and Mendeley.

Aims and Scope

Vestnik RUDN. International Relations is a leading Russian scientific journal, established in 2001 by Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), which holds a top position in terms of student's body internationalization across the CIS and the BRICS (students represent more than 150 countries of the world).

This is a classic journal on international studies with a special emphasis on cooperation with the CIS countries as well as with the Global South (Asia, Africa, Latin America), international educational cooperation and history of international relations. The journal is distributed by subscription and also on demand to leading Russian IR experts. Electronic digest is sent to the world's leading IR research centers.

The journal is international in topic coverage, editorial board and pull of authors. Being included in the international academic discourse, the journal regularly publishes articles of world recognized experts in international and regional studies from Russia, Europe, Asia and the USA. On the other hand, the edition introduces papers by promising researchers from Asia, Africa and Latin America to present their local (national, regional) vision of world that allow to elaborate a balanced approach to facing global challenges.

Each of the issues has, but is not limited to a particular thematic focus, which is set in advance (at least 1 year). Articles on the thematic focus make up the "core" of issue. At the same time other topics are also covered. Constant rubrics include "History of International Relations", "Applied Analysis", "Political Portraits", "International academic cooperation". The journal welcomes the publication of reviews. Academic interviews with leading researchers on international affairs, working in one area, but in different countries are allocated in every issue in the rubric "Research Schools".

Upcoming issues of the *Vestnik RUDN* for 2019—2020 will deal with the following issues:

# 4 2019	The Role of Islam in World Politics	By August 15, 2019
# 1 2020	Regional Dimension in International Relations	By November 15, 2019
# 2 2020	Decolonization, Neocolonialism and Recolonization: 60th Anniversary of the Year of Africa	By February 15, 2020
# 3 2020	Russian Foreign Policy in the 21st Century: Results of the Last 20 Years	By May 15, 2020
# 4 2020	New Challenges and Threats for the Global South	By August 15, 2020

Vestnik RUDN. International Relations is inviting prospective contributors. Both languages are welcome for articles — English and Russian. For more information on the thematic focus of the upcoming issues of the Bulletin and on the rules of submitting manuscripts, visit <http://journals.rudn.ru/international-relations>.

Editor I.L. Pankratova

Computer design E.P. Dovgolevskaya

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

Postal Address of the Editorial Board:

Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198
Ph. +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

© Peoples' Friendship University of Russia, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ:

Наука о международных отношениях в странах «Глобального Юга»

- Прохоренко И.Л.** Внешнеполитическая мысль в Латинской Америке: концепты, подходы и направления исследований 177
- Грачиков Е.Н.** Становление китайской школы международных отношений: аналитические подходы и методы исследований 187
- Martynov V.F.** The BRICS: Paradigm Shift in Dealing with New Challenges. Essay (**Мартынов Б.Ф.** БРИКС: смена парадигмы в условиях новых вызовов. Эссе) 201
- Shipilov A.Yu.** West African International Studies: Approaches to Regional Security (**Шипилов А.Ю.** Проблематика региональной безопасности в работах западноафриканских исследователей международных отношений) 207
- Хейфец Л.С., Коновалова К.А.** Латиноамериканские исследования интеграции: от периферийного капитализма к «Судамекзиту» 218
- Куприянов А.В.** Геополитика моря: идея контроля над океаном в политическом дискурсе независимой Индии 234
- Yasmin L.** Development of International Relations at the Periphery: The Case of Bangladesh (**Ясмин Л.** Развитие международных отношений на периферии: пример Бангладеш) 247

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

- Kornilov A.A., Afonshina A.I.** Gaullism and Neogaullism: Foreign Policy Continuity and Dynamics in France (**Корнилов А.А., Афоньшина А.И.** Голлизм и неоголлизм: преемственность и динамика внешнеполитической стратегии Франции) 256
- Коммегни Фонганг Д.П.** Вынужденная миграция в странах Африки южнее Сахары 264

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

- Игнатов А.А., Сафонкина Е.А.** Повестка международного развития в решениях и резолюциях Генеральной Ассамблеи и ЭКОСОС ООН в 1946—2000 гг. 274

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ

- Mousli M.** Algerian—Russian Cooperation: True Strategic Partnership? (**Мусли М.** Алжирско-российское сотрудничество: стратегическое партнерство?) 284

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

- Архангельская А.А.** Международная политика Оливера Тамбо: уникальные особенности внешнеполитического процесса ЮАР и личностный фактор 293

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

- Studying IR in the Global South. Interview with Professor **Navnita Chadha Behera**, University of Delhi, India (Изучение международных отношений в странах «Глобального Юга». Интервью с профессором **Навнитой Чадха Бехерой**, Университет Дели, Индия) 302

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

- Омельченко Е.А.** Образование детей международных мигрантов как вклад в устойчивое развитие? 306

РЕЦЕНЗИИ

- Валиахметова Г.Н.** Рецензия на учебное пособие: Исламская общественно-политическая мысль перед вызовами современности / под ред. Л.М. Ефимовой, М.А. Сапроновой. — М.: МГИМО-Университет, 2018. — 192 с. 317
- Kanisetti A.V.** Book Review: Shahi, D. (2018). Kautilya and Non-Western IR Theory. Palgrave Pivot, 167 p. (**Канисетти А.В.** Рецензия на монографию: Shahi D. Kautilya and Non-Western IR Theory. Palgrave Pivot, 2018. 167 p.) 320
- Костюк Р.В.** Рецензия на монографию: От биполярного к многополярному миру: латиноамериканский вектор международных отношений в XXI веке / отв. ред. В.Л. Хейфец. — М.: РОССПЭН, 2019. — 494 с. 324
- Амухая С.А.** Book Review: Iñiguez de Heredia, M. & Wai, Z. (Eds.). (2018). Recentring Africa in International Relations. NY: Palgrave Macmillan, 349 p. (**Амухайя К.А.** Рецензия на монографию: Recentring Africa in International Relations / Ed. by M. Iñiguez de Heredia and Z. Wai. NY: Palgrave Macmillan, 2018. 349 p.) 327
- Дейч Т.Л., Усов В.А.** Рецензия на монографию: Mthembu Ph. China and India's Development Cooperation in Africa. The Rise of Southern Powers. L.: Palgrave Macmillan, 2018. 199 p. 329

CONTENTS

THEMATIC DOSSIER:

International Studies in the Global South

Prokhorenko I.L. Foreign Policy Thinking in Latin America: Concepts, Approaches and Research Directions	177
Grachikov E.N. Formation of the Chinese School of International Relations: Analytical Approaches and Research Methods	187
Martynov B.F. The BRICS: Paradigm Shift in Dealing with New Challenges. Essay	201
Shipilov A.Yu. West African International Studies: Approaches to Regional Security	207
Kheifets L.S., Konovalova K.A. Latin American Reflections on Integration Processes: from Theory of Peripheral Capitalism to “Sudamexit”	218
Kupriyanov A.V. Geopolitics of the Sea: the Idea of Ocean Control in the Political Discourse of Independent India	234
Yasmin L. Development of International Relations at the Periphery: The Case of Bangladesh	247

PEACE AND SECURITY

Kornilov A.A., Afonshina A.I. Gaullism and Neogaullism: Foreign Policy Continuity and Dynamics in France	256
Kommegni Fongang J.P. Forced Migration in Sub-Saharan Africa	264

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Ignatov A.A., Safonkina E.A. International Development Agenda in Resolutions of General Assembly and ECOSOC of the United Nations from 1946 to 2000	274
--	-----

BILATERAL RELATIONS

Mousli M. Algerian—Russian Cooperation: True Strategic Partnership?	284
--	-----

POLITICAL PORTRAIT

Arkhangelskaya A.A. Oliver Tambo’s International Policy: Unique Features of the South African Foreign Policy Process and Personality Factor	293
--	-----

SCIENTIFIC SCHOOLS

Studying IR in the Global South. Interview with Professor Navnita Chadha Behera , University of Delhi, India	302
---	-----

INTERNATIONAL EDUCATIONAL COOPERATION

- Omelchenko E.A.** Education of International Migrants' Children: A Contribution to the Sustainable Development? 306

REVIEWS

- Valiakhmetova G.N.** Book Review: Efimova, L.M. & Saprionova, M.A. (Eds.). (2018). Islamic Social and Political Thought Facing the Challenges of Today. Moscow: MGIMO-University publ., 192 p. (In Russian) 317
- Kanisetti A.V.** Book Review: Shahi, D. (2018). Kautilya and Non-Western IR Theory. Palgrave Pivot, 167 p. 320
- Kostiuk R.V.** Book Review: Heifetz, V.L. (Eds.). (2019). From Bipolar to Multipolar World: Latin American Vector of International Relations in the 21st century. Moscow: ROSSPEN publ., 494 p. (In Russian) 324
- Amuhaya C.A.** Book Review: Iñiguez de Heredia, M. & Wai, Z. (Eds.). (2018). Recentering Africa in International Relations. NY: Palgrave Macmillan, 349 p. 327
- Deych T.L., Usov V.A.** Book Review: Mthembu, Ph. (2018). China and India's Development Cooperation in Africa. The Rise of Southern Powers. London: Palgrave Macmillan, 199 p. 329

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Наука о международных отношениях в странах «Глобального Юга»

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-177-186

Внешиполитическая мысль в Латинской Америке: концепты, подходы и направления исследований

И.Л. Прохоренко

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация

В статье с использованием дискурс-анализа и контент-анализа научных публикаций, их аннотаций и ключевых слов изучаются региональная специфика понятийно-категориального аппарата, теоретических подходов и тематических направлений исследований внешней политики государств и международных отношений в странах Латинской Америки. Делается вывод о том, что фактически — пусть и под влиянием западной политической науки — сложилось и развивается особое латиноамериканское направление внешнеполитической мысли, незападное по своей сути, учитывая принадлежность стран региона к периферии и/или полупериферии глобального мира. Свое значение в данном случае имеют общие цивилизационные основания и схожие политико-институциональные особенности становления и динамики латиноамериканских государств и обществ, во многом общие проблемы развития, общие региональные вызовы и угрозы, требующие объединения усилий для поиска эффективного ответа на них. Отмечаются также существенная роль внешних факторов и внешних глобальных игроков, оказывающих влияние на страновые и международные политические процессы в регионе, а также те возможности, которые открывает для ведущих держав региона тенденция к формированию полицентричного мира.

Основное внимание автор уделяет, прежде всего, концептам автономии и зависимости (зависимого развития), которые латиноамериканские исследователи используют при анализе внешней политики конкретных государств региона и интеграционных процессов в регионе, формирующих региональные и субрегиональные транснациональные политические пространства, а также специфике сравнительных исследований внешней политики государств и пространственному повороту в латиноамериканской науке о международных отношениях.

Ключевые слова: теория международных отношений, Латинская Америка, научные школы международных исследований, полицентричный мир, незападные страны, международный регион, цивилизационная идентичность, латиноамериканизм, автономия, зависимость, развитие, модернизация

Введение

Очевидное завершение эпохи однополярного мира и набирающая все большую устойчивость тенденция к формированию полицентричного мира со всей очевидностью открывают новые возможности повышения степени субъектности в международных делах как для ведущих держав Латинской Америки — Бразилии, Аргентины, Мексики, так и для всего латиноамериканского региона в целом, большинство национальных политических элит которого давно стремятся «говорить одним голосом» в мировой политике, учитывая общие цивилизационные основы своего

взаимодействия и высказывая идеи мирового коллективного лидерства и глобальной конкурентоспособности латиноамериканских стран.

Вне всякого сомнения, в условиях относительного ослабления позиций США и видимого смещения «центра мира» с Запада на Восток значительные ресурсы (природные, демографические, экономические, финансовые, интеллектуальные, культурные, информационные) для подобных внешнеполитических амбиций — индивидуальных и коллективных — есть. Не должны вводить в заблуждение отсутствие у держав региона ядерного оружия и их неучастие в Совете Безопасности

сти ООН или «Группе семи». Географическая периферийность Латинской Америки ушла в прошлое, учитывая интернационализацию местного бизнеса, включение в процессы экономической и политической глобализации и динамичные интеграционные процессы в регионе, целью которых является в том числе налаживание межрегиональных и трансрегиональных связей с аналогичными региональными интеграционными объединениями в других частях света [Routledge Handbook of Latin America... 2015].

Можно говорить о глобальном латиноамериканизме — не только как о необходимости совместного поиска ответов на региональные вызовы и угрозы (таких как продовольственная проблема, проблема бедности, транснациональные преступность и наркотрафик, неконтролируемая миграция, эпидемии и опасные заболевания и др.), но и как о линии латиноамериканских государств на обретение большей самостоятельности в региональной и мировой политике. На особую роль в этом плане вплоть до последнего времени претендовала Группа Рио: образованная в 1986 г. в качестве преемницы Контадорской группы, она объединила все страны Латинской Америки (включая Кубу) и представляла собой постоянно действующий механизм политических консультаций для согласования позиций по ключевым региональным и международным проблемам. Ее сменила созданная в 2010 г. общерегиональная, объединившая все без исключения независимые латиноамериканские республики, межправительственная организация Сообщество латиноамериканских и карибских государств (Comunidad de Estados Latinoamericanos y Caribeños, CELAC).

Достаточно активная внешняя политика региональных держав Латинской Америки и стремление занять более высокие позиции в иерархии полицентричного мира естественным образом требуют эффективного экспертно-аналитического сопровождения. Государство, политические партии, частный бизнес, международные организации, субрегиональные и региональные интеграционные объединения поддерживают научные разработки в сфере международных отношений, стимулируют издание специализированных научных журналов. Более того, они часто фактически самостоятельно определяют приоритетные направ-

ления научных исследований, формируя властный, общественно-политический и научный дискурс по вопросам внешней политики и внешнеполитическую идентичность в масштабах конкретной страны и региона в целом.

Но сложилось ли особое латиноамериканское направление внешнеполитической мысли подобно, а может быть, в противовес американскому (англо-саксонскому), которое исторически доминировало в исследованиях международных отношений? Можно ли говорить о существовании особой латиноамериканской школы международных исследований, имеющей свою специфику и незападную по своей сути? Понятно, что латиноамериканские государства переняли западный опыт организации научных исследований — в университетах, различных специализированных учреждениях, государственных и негосударственных аналитических центрах. Но используют ли специалисты-международники и теоретики международных отношений в странах региона схожий, но, вероятно, отличный от западной науки понятийно-категориальный аппарат, отбирают ли для изучения общие, представляющие важность для большинства в регионе научные проблемы и тематику исследований в данном предметном поле?

Латинская Америка в дихотомии «Запад — не-Запад»

В поисках ответа на вопрос о том, сложилась или все-таки нет латиноамериканская внешнеполитическая мысль, следует иметь в виду несомненные общие географические, демографические, исторические и культурные, а в широком смысле — цивилизационные, основания латиноамериканских государств и обществ [Идентичность... 2017: 202—209]. Особую латиноамериканскую идентичность выделял американский политолог С. Хантингтон [Huntington 1996], сравнивая Латинскую Америку с Европой и Северной Америкой, прежде всего. Сам термин «Латинская» Америка как противовес Америке Северной, «англо-саксонской», предложили латиноамериканские интеллектуалы и общественные деятели — чилийский философ Франсиско Бильбао и колумбийский писатель Хосе Мария Торрес Кайседо в середине XIX в. Император Франции Наполеон III лишь удачно использовал данный

неологизм, пытаясь оправдать военную интервенцию в Мексику.

Вместе с тем понятно, что Латинская Америка отнюдь не представляет собой некой гомогенной общности или тем более макрополитического сообщества с разделяемыми всеми интересами и подходами в решении международных (региональных и глобальных) проблем. Очевидны экономические особенности государств Латинской Америки — бывших колоний, разнообразие страновых социально-экономических моделей, разнонаправленность экономических интересов. Нередки территориальные споры, межгосударственные конфликты и политико-идеологические размежевания между странами: достаточно вспомнить нынешнюю ситуацию в регионе в связи с конституционным кризисом и тяжелым экономическим и финансовым положением в Венесуэле.

Тем не менее, свое значение для цивилизационной самоидентификации имеет принадлежность региона к «Глобальному Югу», несмотря на формирование здесь новых индустриальных стран (Аргентина, Бразилия, Мексика, Чили), которые приобрели некоторые типологические признаки развитых экономик, несмотря на нынешние сложности экономического и политического развития некоторых из них (так, Аргентина переживает серьезный экономический кризис, Бразилия не может преодолеть стагнацию). Речь идет о Латинской Америке как периферии и/или полупериферии глобальной экономики, и это роднит ее с другими государствами не-Запада — развивающимися странами Африки и Азии.

Несмотря на то что в российских вузах гуманитарного профиля регион нередко изучают в рамках учебных курсов по истории и политике Запада, Латинская Америка существенным образом отличается от западного мира, представляя собой «гибридную» цивилизацию. Основой ее уникального культурно-исторического своеобразия стал синтез мощной, но также отнюдь не гомогенной, индейской почвы и влиятельного европейского компонента, преимущественно в его иберийском варианте, весьма отличном от западноевропейского, с опорой на католицизм, а также с элементами разнообразных и не похожих друг на друга африканских и азиатских культур.

Процесс создания, становления и эволюции этой цивилизации в различных ее субрегиональ-

ных и страновых вариантах по сути не завершен и развивается по сию пору [Шемякин 1987; Зыкова, Бургете 1988]. Активное распространение в мировом сообществе и поддержка международными институтами идей деколонизации, борьбы с расизмом, защиты прав коренных и угнетенных народов создало во второй половине XX — начале XXI в. принципиально новую внешнюю среду для государственной политики латиноамериканских стран.

Важными внешними факторами трансформации страновых моделей развития латиноамериканских стран являются стремительно меняющаяся международная среда в ходе процессов регионализации на латиноамериканском континенте, в том числе под влиянием европейской интеграции, межрегионального сотрудничества и складывающегося глобального нормативного регулирования в основном на «западный» лад. В регионе идет формирование образа некой «идеальной» модели нациестроительства и коллективной латиноамериканской модели федерализма, также в целом в русле западоцентризма, с учетом западного опыта.

Однако нынешний рост протекционизма, снижение значения институтов многостороннего сотрудничества и тенденция к деглобализации, подъем как правого, так и левого популизма, этнического национализма и наблюдаемые тенденции к сепаратизму в так называемых благополучных странах Запада (Западной Европы в первую очередь) в силах снизить влияние этих внешних факторов в Латинской Америке. Вместе с тем эти тренды мирового и регионального развития позволяют латиноамериканским элитам и обществам по-новому взглянуть на себя, а также проблемы развития в самой широкой трактовке этого понятия и на всех уровнях — в конкретных территориях, странах и регионе в целом, окончательно преодолеть «колониальное» (и «постколониальное») сознание и связанные с ним мифы и стереотипы, пересмотреть радикальным образом традиционную модель консервативной модернизации в русле догоняющего развития и сложившуюся парадигму «третьего мира».

Эта «парадигма третьего мира», интерпретируемая в категориях центра и периферии и, соответственно, асимметричных отношений — отношений зависимости между развитыми и развивающимися странами, легла в основу анализа

внешней политики того или иного латиноамериканского государства в рамках дихотомии «за» («в поддержку») или «против» так называемого центра (ядра) международно-политической системы, состоящего преимущественно из западных держав во главе с США.

Выбор той или иной альтернативы внешнеполитического курса объясняется латиноамериканскими авторами слабостью социально-экономической модели страны, экономической зависимостью, сложной внутривнутриполитической ситуацией, степенью устойчивости режима и желанием его укрепить, а также идеологическими предпочтениями политического руководства страны, точнее — главы государства [Heu 1997: 634—635, 638—639]. В конечном итоге речь идет об изучении про- или антиамериканской (антизападной) направленности внешнеполитического курса того или иного государства региона и возможностей его политического маневра в зависимости от сделанного им выбора альтернативного поведения на международной арене.

Автономия vs Зависимость

Латиноамериканские специалисты-международники являются сторонниками различных школ теории международных отношений — реализма / неореализма, либерализма, социологического конструктивизма, марксизма / неомарксизма и т.д. Однако в большинстве своем они сходятся во мнении, что теории и концепции, разработанные научным сообществом «глобального Севера», нельзя признать удовлетворительными для анализа латиноамериканской политической реальности, внешнеполитического поведения латиноамериканских стран и объединенных коллективных усилий государств Латинской Америки на международной арене [Puig 1984; Bernal-Meza 2010]. Многие убеждены, что Латинской Америке необходимо создать собственное, качественно новое научное знание на основе анализа той уникальной политической реальности, которая отличает Латинскую Америку от остального, прежде всего западного, мира, разработать собственные методологию и методы исследований [Perina 1985: 12], а не довольствоваться заимствованием чужого (западного) опыта организации, методологии и методов международных исследований.

В свою очередь, некоторые, например аргентинские ученые М.Е. Лоренцини и М.Ж. Перейра Доваль идут еще дальше. Они выражают серьезную озабоченность этноцентричной (а фактически западоцентричной) природой науки международных отношений в пользу европейских и американских авторов, что естественным образом, по их мнению, подразумевает и демонстрирует превосходство Европы и США над Латинской Америкой, как, впрочем, и над Африкой и Азией [Lorenzini, Pereyra Doval 2013: 11].

Во многом такого рода эмоциональные и политизированные подходы и представления обусловлены историческими причинами. Длительное колониальное господство европейских империй, кардинально и весьма драматически для автотонного населения изменившее ход истории доколумбовой Америки, военные интервенции европейских держав в годы войны латиноамериканских колоний за независимость, значительное экономическое присутствие и политическое влияние в регионе США (вначале как сильного и порой агрессивного соседа, затем — как глобального лидера) [Biegon 2017; Латинская Америка в современной мировой политике 2009] оказали решающее влияние на идентичность и историческую память народов современной Латинской Америки, в том числе и представителей научного сообщества. Национальные политические элиты и научное сообщество региона как крупных, так и средних и мелких государств ощущают себя относительно далеко от ядра (центра) международно-политической системы, опасаясь чрезмерно активного вовлечения в процессы транснационализации и глобализации в условиях неравной конкуренции с развитыми странами Запада и стремительно набирающими силу новыми глобальными игроками, такими как Китай и Индия.

Латиноамериканские исследователи внешней политики стран региона основное внимание в своих работах уделяют международному праву, принципам и традициям внешней политики, роли индивидов как субъектов международных отношений. Нарратив, метод сравнительных исследований и метод *case-study* преобладают в научной литературе, при этом главное внимание уделяется межгосударственным отношениям.

Эксперты и ученые сходятся во мнении относительно решающей роли США в Латинской

Америке [Amorin Neto 2011; Tickner 2015] и важности автономии (самостоятельности, независимости) в международных делах для государств региона. Используемый ими концепт автономии применительно к внешней политике государства и в рамках анализа ролевых факторов, влияющих на внешнюю политику, соотносится в той или иной мере с понятиями «стратегической автономии» во властном политическом дискурсе сегодняшней Германии и «стратегической независимости» в современной российской внешнеполитической мысли и внешнеполитической практике, однако имеет свою специфику.

Этот концепт неоднозначен, широк и многомерен. Именно поэтому он употребляется латиноамериканскими авторами применительно к внешней политике государств региона с различными уточняющими прилагательными и дополнениями («относительная автономия», «автономия через участие», «конфронтационная автономия» и пр.), а также в связке с понятием «зависимость» («автономия в рамках зависимости») [Braveboy-Wagner 2008; Giacalone 2012] в контексте латиноамериканского варианта теории зависимости, или зависимого развития, развивающихся стран от развитых держав [Давыдов 1991; Семенов 2003]. Наряду с использованием данного концепта в научных исследованиях он также широко применяется в политической практике в Латинской Америке. Подобный особый латиноамериканский «гибридный» взгляд на себя, на мир вокруг и свое место в этом мире сочетает в себе, по мнению известной аргентинской исследовательницы международных отношений А.Б. Тикнер, элементы теории зависимого развития, классического реализма (с его государствоцентризмом и ключевыми категориями мощи, национального интереса и национального суверенитета. — *Прим. авт.*) и комплексной взаимозависимости [Tickner 2003].

Концепт автономии активно присутствует и в анализе внешней политики стран региона в категориях про- или антиамериканизма, о котором говорилось выше. Так, политический лидер может использовать антизападную, антиамериканскую внешнюю политику и националистическую риторику, чтобы добиться личного престижа, большего международного авторитета и большей степени самостоятельности для своей страны в международных делах, а также снизить

политическое влияние оппозиции. Яркий пример такого политического лидера — Уго Чавес, президент Венесуэлы в 1999—2013 гг. У. Чавес был известен своим антиамериканизмом, идеями социалистической боливарианской революции и созданием на их основе идеологического регионального интеграционного проекта АЛБА — Боливарианского альянса для народов нашей Америки (исп. *Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América, ALBA*) [Дабагян 2012; Democracy, Revolution and Geopolitics... 2015; Cusack 2019]. При этом, однако, в стремлении добиться независимости внешнеполитического курса страны Венесуэла не отказалась сокращать объем двустороннего оборота внешней торговли с Соединенными Штатами.

Вместе с тем поворот от зависимой к самостоятельной внешней политике начиная с 2000-х гг. может быть обусловлен как стремлением прагматично отстаивать свои национальные интересы, прежде всего, в отношении США и других внешних акторов, так и неудачами зависимого развития и разочарованиями результатами консервативной модернизации в духе неолиберализма. Пришедшие к власти в различных странах Латинской Америки левые и левоцентристские правительства предпринимали активные усилия в этом направлении, придавая своим внешнеполитическим амбициям идеологические формы. Наиболее успешными оказались упоминавшийся выше президент Венесуэлы Уго Чавес и президент Бразилии в 2003—2010 гг. Луис Инасиу Лула да Силва [Latin American Foreign Policies... 2011], ныне осужденный на родине на длительный тюремный срок по уголовному делу о коррупции и отмывании денег. Примером подобного опыта правых правительств, пусть и не таким показательным, можно, вероятно, также считать внешнеполитический курс, опыт экономических, административных и правовых реформ Б. Бетанкура на посту президента Колумбии в 1982—1986 гг. и его усилия по налаживанию переговорного процесса с руководством повстанческих вооруженных группировок по прекращению огня.

Латинская Америка как международный регион

Латиноамериканские авторы используют концепты автономии и зависимого развития не только применительно к внешней политике конкрет-

ного государства или в компаративных исследованиях, но и при анализе Латинской Америки в категориях политического пространства, учитывая динамику интеграционных процессов как на субрегиональном, так и на региональном уровне — опыт Союза южноамериканских наций (УНАСУР, *Unión de Naciones Suramericanas* — UNASUR), учрежденного в 2008 г., и упоминавшегося выше Сообщества латиноамериканских и карибских государств, созданного в 2010 г.

Так называемый пространственный поворот в науке о международных отношениях в Латинской Америке налицо, в этом смысле латиноамериканские исследования не стоят в стороне от магистральных путей развития мирового социогуманитарного знания [Прохоренко 2012; Транснациональные политические пространства... 2011]. Предпринимаются достаточно успешные усилия по концептуализации политического пространства, прежде всего в конструктивистской парадигме с использованием идентитарного подхода. Речь идет о сознательном конструировании различных моделей транснационального сотрудничества, прежде всего в виде региональных и субрегиональных интеграционных объединений; продолжаются методологические споры о наличии (полном или частичном) связи политического пространства с территорией или об отсутствии таковой [Murillo 2014; Silié 2008: 257—258; Hernández 2017].

Ведется изучение феномена и разновидностей регионализма и практик регионализации, обретения той или иной степени субъектности региональных и субрегиональных интеграционных группировок в региональных и международных политических процессах [Altmann, Rojas 2008; Appelgren 2013; Lajo 2008; Suárez 2015]. Однако фокусом изучения являются в основном политико-институциональные, внешнеторговые и инвестиционные аспекты интеграционного сотрудничества с преобладанием фактологии и чрезмерной описательности.

Безусловно, Латинская Америка представляет собой политико-географический регион, если рассматривать регион в категориях территории. Но можно ли говорить о Латинской Америке как о международном (международно-политическом) регионе, транснациональном политическом пространстве наподобие Европей-

ского союза с его институтами транснационального и наднационального регулирования? Вероятно, нет. Многообразие интеграционных группировок в Латинской Америке свидетельствует о том, что поиск моделей интеграционного строительства далек от завершения.

Субрегиональные экономические транснациональные пространства многие исследователи признают устоявшимися, принимая в расчет хорошо интегрированные экономики, сложившиеся в целом в соответствии с традиционным делением латиноамериканского региона на субрегионы по географическому принципу, и статистические показатели взаимной торговли товарами и услугами [Berg 2011].

Однако существующие в регионе транснациональные политические пространства переменчивы и крайне неустойчивы. Территориальные споры и иные конфликты между латиноамериканскими государствами, довольно низкая договорная способность политических элит — политическая инертность одних, чрезмерная амбициозность других, излишняя подозрительность третьих к тем, кто стремится играть роль «локомотива» или «ядра» интеграционных процессов, обилие экономических и социальных проблем, нестабильная внутривнутриполитическая обстановка — все это ослабляет и тормозит формирование устойчивых транснациональных взаимодействий.

Заключение

Вне всякого сомнения, можно утверждать, что в Латинской Америке сложилось собственное направление внешнеполитической мысли со своим, во многом уникальным набором понятий, терминов и категорий, специфическими тематическими направлениями и фокусами научных исследований и выбором проблем научного дискурса в указанном предметном поле. Данный феномен отражает известное сходство представлений жителей различных стран региона о себе в истории и современном мире, существование особой внешнеполитической идентичности латиноамериканцев, несмотря на имеющиеся подчас не просто заметные, а глубинные социально-экономические, социокультурные и исторические различия между отдельными странами и субрегионами Латинской Америки.

Колониальное прошлое, рудименты колониального и постколониального сознания, принадлежность латиноамериканских стран периферии и/или полупериферии глобального политического и экономического пространства, особенности политической культуры предопределили неоднозначное, а иногда и настороженное отношение достаточно многих латиноамериканских специалистов-международников к научным достиже-

ниям западной политической науки, которые будто бы неприменимы к анализу специфической латиноамериканской действительности. Однако наблюдается и обратная тенденция — творческое осмысление научного опыта других стран (западных и незападных), расширение географии и тематики международных исследований, попытки продолжить концептуализацию новых научных понятий и категорий, предложенных западной наукой.

Библиографический список

- Дабаян Э.С.* Внешняя политика Венесуэлы в начале XXI века: основные направления // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 1. С. 95—123.
- Давыдов В.М.* Латиноамериканская периферия мирового капитализма. М.: Наука, 1991.
- Зыкова А.Б., Бургете Р.* Из истории философии Латинской Америки XX века. М.: Наука, 1988.
- Идентичность: Личность, общество, политика: энциклопедическое издание* / отв. ред. И.С. Семенов. М.: Весь мир, 2017.
- Латинская Америка в современной мировой политике* / отв. ред. В.М. Давыдов. М.: Наука, 2009.
- Прохоренко И.Л.* О методологических проблемах современных политических пространств // ПОЛИС (Политические исследования). 2012. № 6. С. 68—80.
- Семенов Ю.И.* Концепции зависимости, или зависимого развития // Философия истории (общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М.: Современные тетради, 2003. С. 204—212.
- Транснациональные политические пространства: явления и практика* / отв. ред. М.В. Стрженева. М.: Весь мир, 2011.
- Шемякин Я.Г.* Латинская Америка: традиции и современность. М.: Наука, 1987.
- Altmann J., Rojas F.* Integración en América Latina: Procesos Contradictorios pero Necesarios // América Latina y el Caribe: ¿Fragmentación o Convergencia? Experiencias Recientes de la Integración / Ed. por J. Altmann, F. Rojas. Quito: FLACSO Ecuador / Ministerio de Cultura del Ecuador / Fundación Carolina, 2008. P. 15—30.
- Amorin Neto O.* De Dutra a Lula. Rio de Janeiro: Elsevier, 2011.
- Appelgren C.* CELAC, Desafío y Riqueza de la Diversidad // La Diplomacia de las Cumbres: Retos y Oportunidades de los Nuevos Regionalismos / Comp. por M.S. Ortiz. San José: FLACSO, 2013. P. 41—48.
- Berg G.* Does Latin America Comprise Transnational 'Subregions'? // The World Economy. 2011. Vol. 34. No 2. P. 298—312.
- Bernal-Meza P.* Latin American Concepts and Theories and Their Impacts on Foreign Policies // Concepts, Histories and Theories of International Relations for the 21st Century. Brasília: Instituto Brasileiro de Relações Internacionais, 2010. P. 137—177.
- Biegon R.* US Power in Latin America. Renewing Hegemony. Routledge, 2017.
- Braveboy-Wagner J.* Introduction: Global Changes, Foreign Policy, and the Study of Small States // Small States in Global Affairs: the Foreign Policies of the Caribbean Community. New York: Palgrave, 2008. P. 1—24.
- Cusack A.K.* Venezuela, ALBA, and the Limits of Postneoliberal Regionalism in Latin America and the Caribbean. New York: Palgrave Macmillan, 2019.
- Democracy, Revolution and Geopolitics in Latin America* (Routledge Studies in Latin American Politics) / Ed. by L.F. Angosto-Ferrández. New York, Abingdon: Routledge, 2015.
- Giacalone R.* Latin America Foreign Policy Analysis: External Influences and Internal Circumstances // Foreign Policy Analysis. 2012. Vol. 8. No 4. P. 335—353.
- Hernández W.V.* Región América Latina: Procesos Regionales Entre la Dependencia y la Autonomía // Íconos. Revista de Ciencias Sociales. 2017. Núm. 57. P. 41—60.
- Hey J.A.K.* Three Building Blocks of a Theory of Latin American Foreign Policy // Third World Quarterly. 1997. Vol. 18. No 4. P. 631—658.
- Huntington S.P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster, 1996.
- Lajo J.* Una Filosofía Propia de la Integración Andina y Suramericana: la Visión Indígena // Revista de la Integración. Secretaría General de la Comunidad Andina. 2008. Núm. 2. P. 114—138.
- Latin American Foreign Policies: Between Ideology and Pragmatism* / Ed. by G.L. Gardini, P. Lambert. New York: Palgrave Macmillan, 2011.

- Lorenzini M.E., Pereyra Doval M.G. Revizando los Aportes de las Teorías del Sur: Nexos Entre Teoría y Praxis en Argentina and Brasil // *Relaciones Internacionales*. 2013. Núm. 22. P. 9—26.
- Murillo C. Regionalismo e Integración Regional: una Aproximación Teórica // *Revista Centroamericana de Administración Pública ICAP*. 2014. Núm. 66. P. 183—211.
- Perina R.M. *El Estudio de las Relaciones Internacionales en Universidades de América Latina y el Caribe*. Buenos Aires: GEL, 1985. P. 7—23.
- Puig J.C. *América Latina: Políticas Exteriores Comparadas*. Buenos Aires: Grupo Editor Latinoamericano, 1984.
- Routledge Handbook of Latin America in the World* / Ed. by J.I. Dominguez, A. Covarrubias. New York, Abingdon: Routledge, 2015.
- Silié R. La AEC en el Contexto del Nuevo Regionalismo // *América Latina y el Caribe: ¿Fragmentación o Convergencia? Experiencias Recientes de la Integración* / Ed. por J. Altmann, F. Rojas. Quito: FLACSO Ecuador / Ministerio de Cultura del Ecuador / Fundación Carolina, 2008. P. 253—262.
- Suárez L. “Los Procesos Integracionistas” de Nuestra América: una Mirada a Algunas de Sus Tendencias Centrifugas // *El Pensamiento Latinoamericano: Diálogos en Alas. Sociedad y Sociología* / Comp. por A. Bialakowsky, M.A. Cathalifaud, P.H. Martins. Ciudad Autónoma de Buenos Aires: Teseo, 2015. P. 165—186.
- Tickner A.B. *Autonomy and Latin American International Thinking* // *Routledge Handbook of Latin America in the World* / Ed. by J. Domínguez, A. Covarrubias. New York: Routledge, 2015. P. 74—84.
- Tickner A.B. *Hearing Latin American Voices in International Relations Studies* // *International Studies Perspectives*. 2003. Vol. 4. No 4. P. 325—350.

Дата поступления статьи: 01.02.2019

Для цитирования: Прохоренко И.Л. Внешнеполитическая мысль в Латинской Америке: концепты, подходы и направления исследований // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2019. Т. 19. № 2. С. 177—186. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-177-186.

Сведения об авторе: Прохоренко Ирина Львовна — доктор политических наук, заведующий сектором международных организаций и глобального политического регулирования, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН (e-mail: irinapr@imemo.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-177-186

Foreign Policy Thinking in Latin America: Concepts, Approaches and Research Directions

I.L. Prokhorenko

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The author tries to define terms, concepts and categories the most frequently used by Latin America scholars and to define the directions and thematic focus of their academic activities in the foreign policy and international relations research area by applying the discourse and content analysis of relevant scientific publications, its abstracts and keywords. It was concluded that de facto, under the influence or even the dominance of the Western political science and the Western international relations theory, the particular Latin America foreign policy thinking has emerged and continues to develop. It is non-Western essentially, taking into account the belonging of the Latin America and the Caribbean countries to the periphery and/or semi-periphery of the global world. The following factors have been also important: common civilizational basis and similar institutional and political characteristics of the formation and dynamics of the Latin America countries and societies, many general development problems, common regional challenges and threats which require collective efforts for searching effective responses on them. Similarly, the significant role of external factors and global actors that influence country and international political processes in the Latin America region is noted. And also those possibilities which the trend towards polycentric world order paves the way for the leading powers in the region are taken into consideration.

The author focuses on the concepts of the autonomy and dependency (or dependence development) when Latin America scholars analyzing the foreign policy of the concrete countries in the region and integration processes which construct the regional and sub-regional transnational political spaces. Attention is paid to the specificity of comparative foreign policy studies and spatial turn in the Latin America international relations studies.

Key words: theory of international relations, Latin America, scientific schools of international relations studies, polycentric world, non-Western countries, international region, civilizational identity, Latin Americanism, autonomy, dependency, development, modernization

References

- Altmann, J. & Rojas, F. (2008). Integración en América Latina: Procesos Contradictorios pero Necesarios. In: Altmann, J. & Rojas, F. (Eds.). *América Latina y el Caribe: ¿Fragmentación o Convergencia? Experiencias Recientes de la Integración*. Quito: FLACSO Ecuador / Ministerio de Cultura del Ecuador / Fundación Carolina. P. 15—30.
- Amorin Neto, O. (2011). *De Dutra a Lula*. Rio de Janeiro: Elsevier.
- Angosto-Ferrández, L.F. (Eds.). (2015). *Democracy, Revolution and Geopolitics in Latin America* (Routledge Studies in Latin American Politics). New York, Abingdon: Routledge.
- Appelgren, C. (2013). CELAC, Desafío y Riqueza de la Diversidad. In: Ortiz, M.S. (Comp.). *La Diplomacia de las Cumbres: Retos y Oportunidades de los Nuevos Regionalismos*. San José: FLACSO. P. 41—48.
- Berg, G. (2011). Does Latin America Comprise Transnational ‘Subregions’? *The World Economy*, 34 (2), 298—312.
- Bernal-Meza, P. (2010). Latin American Concepts and Theories and their Impacts on Foreign Policies. In: *Concepts, Histories and Theories of International Relations for the 21st Century*. Brasilia: Instituto Brasileiro de Relações Internacionais. P. 137—177.
- Biegon, R. (2017). *US Power in Latin America. Renewing Hegemony*. Routledge.
- Braveboy-Wagner, J. (2008). Introduction: Global Changes, Foreign Policy, and the Study of Small States. In: *Small States in Global Affairs: the Foreign Policies of the Caribbean Community*. New York: Palgrave. P. 1—24.
- Cusack, A.K. (2019). *Venezuela, ALBA, and the Limits of Postneoliberal Regionalism in Latin America and the Caribbean*. New York: Palgrave Macmillan.
- Dabagyan, E.S. (2012). Foreign Policy of Venezuela at the Beginning of the 21st Century: Key Trends. *Moscow University Journal of World Politics*, 1, 95—123. (In Russian).
- Davydov, V.M. (1991). *Latin America Periphery of World Capitalism*. Moscow: Nauka publ. (In Russian).
- Davydov, V.M. (Eds.). (2009). *Latin America in Contemporary World Politics*. Moscow: Nauka publ. (In Russian).
- Dominguez, J.I. & Covarrubias, A. (Eds.). (2015). *Routledge Handbook of Latin America in the World*. New York, Abingdon: Routledge.
- Gardini, G.L. & Lambert, P. (Eds.). (2011). *Latin American Foreign Policies: Between Ideology and Pragmatism*. New York: Palgrave Macmillan.
- Giacione, R. (2012). Latin America Foreign Policy Analysis: External Influences and Internal Circumstances. *Foreign Policy Analysis*, 8 (4), 335—353.
- Hernández, W.V. (2017). Región América Latina: Procesos Regionales entre la Dependencia y la Autonomía. *Íconos. Revista de Ciencias Sociales*, 57, 41—60.
- Hey, J.A.K. (1997). Three Building Blocks of a Theory of Latin American Foreign Policy. *Third World Quarterly*, 18 (4), 631—658.
- Huntington, S.P. (1996). *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster.
- Lajo, J. (2008). Una Filosofía Propia de la Integración Andina y Suramericana: la Visión Indígena. *Revista de la Integración. Secretaría General de la Comunidad Andina*, 2, 114—138.
- Lorenzini, M.E. & Pereyra Doval, M.G. (2013). Revizando los Aportes de las Teorías del Sur: Nexos entre Teoría y Praxis en Argentina and Brasil. *Relaciones Internacionales*, 22, 9—26.
- Murillo, C. (2014). Regionalismo e Integración Regional: una Aproximación Teórica. *Revista Centroamericana de Administración Pública ICAP*, 66, 183—211.
- Perina, R.M. (1985). *El Estudio de las Relaciones Internacionales en Universidades de América Latina y el Caribe*. Buenos Aires: GEL. P. 7—23.
- Prokhorenko, I.L. (2012). On Methodological Problems of Contemporary Political Spaces Analysis. *POLIS. Political Studies*, 6, 68—80. (In Russian).
- Puig, J.C. (1984). *América Latina: Políticas Exteriores Comparadas*. Buenos Aires: Grupo Editor Latinoamericano.
- Semenenko, I.S. (Eds.). (2017). *Identity: the Individual, Society, and Politics*. An Encyclopedia. Moscow: Ves' mir publ. (In Russian).
- Semenov, Yu.I. (2003). The Concept of Dependence, or Dependence Development. In: *Philosophy of History (General Theory, Main Problems, Ideas and Concepts from Ancient Times to This Day)*. Moscow: Sovremennye tetrad publ. P. 204—212. (In Russian).
- Shemyakin, Ya.G. (1987). *Latin America: Traditions and Modernity*. Moscow: Nauka publ. (In Russian).

- Silié, R. (2008). La AEC en el Contexto del Nuevo Regionalismo. In: Altmann, J. & Rojas, F. (Eds.). *América Latina y el Caribe: ¿Fragmentación o Convergencia? Experiencias Recientes de la Integración*. Quito: FLACSO Ecuador / Ministerio de Cultura del Ecuador / Fundación Carolina. P. 253—262.
- Strezhneva, M.V. (Eds.). (2011). *Transnational Political Space: Phenomenon and Practice*. Moscow: Ves' mir publ. (In Russian).
- Suárez, L. (2015). “Los Procesos Integracionistas” de Nuestra América: una Mirada a Algunas de Sus Tendencias Centrífigas. In: Bialakowsky, A., Cathalifaud, M.A. & Martins, P.H. (Comp.). *El Pensamiento Latinoamericano: Diálogos en Alas. Sociedad y Sociología*. Ciudad Autónoma de Buenos Aires: Teseo. P. 165—186.
- Tickner, A.B. (2015). Autonomy and Latin American International Thinking. In: Domínguez, J. & Covarrubias, A. (Eds.). *Routledge Handbook of Latin America in the World*. New York: Routledge. P. 74—84.
- Tickner, A.B. (2003). Hearing Latin American Voices in International Relations Studies. *International Studies Perspectives*, 4 (4), 325—350.
- Zykova, A.B. & Burgete, R. (1988). *From the History of Latin America Philosophy of the 20th Century*. Moscow: Nauka publ. (In Russian).

Received: 01.02.2019

For citations: Prokhorenko, I.L. (2019). Foreign Policy Thinking in Latin America: Concepts, Approaches and Research Directions. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (2), 177—186. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-177-186.

About the author: Prokhorenko Irina L'vovna — PhD, Dr. of Science (Political Sciences), Head of Sector of International Organizations and Global Political Governance, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO) (e-mail: irinapr@imemo.ru).

© Прохоренко И.Л., 2019

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-187-200

Становление китайской школы международных отношений: аналитические подходы и методы исследований

Е.Н. Грачиков

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

В 1987 г. в Шанхае состоялась первая всекитайская конференция ученых-международников, которая ассоциируется с началом процесса создания китайской школы международных отношений. За прошедшие десятилетия накопился огромный массив научной литературы, исследующей взаимодействие Китая с другими странами и мировым сообществом в целом. Статья посвящена изучению аналитических подходов, сложившихся в китайской академической среде при исследовании внешней и мировой политики КНР, и конкретно — в отношении США.

Политика «реформ и открытости» Дэн Сяопина способствовала возрождению дисциплины «Международные отношения» и активизации международных исследований в научных учреждениях и университетах Китая. Глубокое и системообразующее влияние на эти процессы оказали несколько факторов: некритическое заимствование западных международно-политических знаний, полномасштабная подготовка китайских специалистов в западных, главным образом американских, вузах и перевод на китайский язык большей части работ западных ученых по теории международных отношений, которые являются основой всех теоретических изысканий ученых из КНР.

Методологический инструментарий, к которому относятся и аналитические подходы, используемый китайскими учеными, взят из работ по реализму, либерализму и конструктивизму, которые составляют главные аналитические подходы в китайской школе. В реализме акцент сделан на балансе сил, который исследуется в рамках внешнеполитического анализа. Взаимозависимость между КНР и другими странами, главным образом США и ЕС, в первую очередь, экономическая, — предмет изучения либеральной теории. Социализация и вовлеченность Китая в мировое сообщество и либеральный мировой порядок во главе с США — фокус конструктивистских исследований мировой политики.

В статье утверждается, что собственные концептуальные разработки в виде «системы Тянься» Чжао Тиняна, «теории морального реализма» Янь Сюэтуна, «теории отношений („реляционной теории“») Цинь Яцина, «международного симбиоза» шанхайской школы и «социальной эволюции мировой политики» Тан Шипина не вышли за пределы указанных парадигм, однако уже используются как собственные «инновационные методы» в исследовании отношений Китая с внешними акторами.

Обращается внимание на двойственную идентичность китайского государства как развивающейся страны и глобальной державы, которую публично озвучивают ее представители. Эта дуальность накладывает нормативные ограничения на использование аналитического инструментария и, естественно, влияет на результаты китайских международных исследований.

Ключевые слова: методология, аналитические подходы, китайская школа международных отношений, Китай, США, дипломатические стратегии, реализм, либерализм, конструктивизм

Аналитические подходы — это всегда о методике исследования [Wright 1927: 396—399]. Профессор П.А. Цыганков считает, что изучение международных отношений требует сочетания таких *подходов*, которые опираются на теорию (исследование сущности, специфики и основных движущих сил этого особого рода общественных отношений), социологию (поиски детерминант и закономерностей, определяющих изменения и эволюцию международных отношений), историю (фактическое развитие международных отношений в процессе смены эпох и поколений, позволяющее находить аналогии и исключения)

и праксиологию (анализ процесса подготовки, принятия и реализации международно-политического решения) [Цыганков 2002: 50; Дегтерев 2015: 40].

Существует *два подхода* в изучении международных отношений — традиционный историко-описательный, или интуитивно-логический, и операционно-прикладной, или аналитико-прогностический, связанный с применением методов точных наук, формализацией, исчислением данных, т.е. квантификацией, и верифицируемостью (фальсификацией) выводов [Цыганков 2002: 51]. Дискуссия между этими двумя подходами, названными «традиционным» и «модернистским»,

разгоревшаяся в 50-е гг. прошлого века в США, повторилась в начале нашего века в КНР. В Китае традиционный подход берет свое начало в глубине веков истории Поднебесной, думается, в эпоху Весны — Осени и Воюющих царств, когда шло становление основных китайских школ традиционной мысли.

Методы — это не только описание и анализ, качественный и количественный подходы, но, в первую очередь, модели самопознания взаимосвязи себя с окружающим внешним (близким и далеким) миром. Столкновение с Западом в 1840 г. (первая «опиумная» война) и осознание своей слабости заставило Китай обратить внимание на современные науки, которые ранее не только никогда не изучались, но даже не имели китайских названий. Такие понятия, как философия, политология, логика, социология и многие другие, были переведены на китайский и вошли в научный оборот только в самом начале XX в. Как признает Ван Ичжоу, методологическое самосознание (方法论自觉) китайских ученых-международников пришло слишком поздно, только на рубеже веков (1995—2005 гг.), когда в повестку дня китайского дискурса вошли темы методологии и нормативного написания, дифференциация наборов инструментария различных наук и их использование, разграничение и соперничество научных школ, разделение и слияние сциентизма и гуманизма, а в Университетах Цинхай, Нанькай и др. появилась дисциплина «Методология международных отношений» [Guoqi guanxi yanjiu 2006: 17].

2 декабря 2005 г. редакция журнала «Исследование мировой политики» («国际政治研究») Института международных отношений Пекинского университета провела первую конференцию на тему «Трансформация общества и внешние связи Китая» («社会变迁与中国外交»). Затем эти конференции стали проводиться раз в два года. Четвертая конференция (8 мая 2010 г.) с многозначительным названием «Анализ внешней политики Китая: непаханая целина» («中国对外政策分析：未开垦的处女地») касалась проблем методологии и политики. Были поставлены принципиальные вопросы: анализ внешней политики Китая — это область исследования или отрасль знания, она формируется или устанавливается

кем-то, каковы критерии критики и их выбор. В результате участники пришли к выводу, что как внешнеполитический анализ, так и исследования в этой области требуют китаизации («中国化»), а формирование соответствующей системы знаний должно строиться на китайской истории [Zhongguo duiwai zhengce fenxi... 2013: 11—13].

Первая современная коллективная монография по *аналитическим подходам* в исследованиях международных отношений Китая (на примере китайско-американских отношений) была опубликована к 30-летию дипломатических отношений этих стран и стала подведением итогов научной конференции, состоявшейся в Пекине в 2009 г. [Thirty Years of China — U.S. Relations... 2010]. О важности «подходов» свидетельствует также будущая международная конференция по этой теме, которая будет проведена Европейской ассоциацией международных исследований в сентябре 2019 г.¹

В данной статье будут использованы китайские статьи и монографии, опубликованные в КНР, которые составляют существенный контент китайской школы теории международных отношений (ТМО).

Становление китайской школы и ее подходов

Изучение ТМО как области академических исследований Цинь Яцин делит на три периода: *дотеоретический* (1978—1990 гг.), *изучения теории* (1991—2000 гг.) и с 2007 г. — *инновационный* (табл. 1). [Qin Yaqing 2011; Qin Yaqing 2009: 185—201]. На дотеоретическом этапе марксизм и ленинизм были доминирующими, но не было предпринято, по его мнению, сознательной попытки построить собственную теоретическую парадигму. Это был период, когда Мао Цзэдун разработал свою «теорию о трех мирах»². Марксизм-ленинизм и идеи Мао Цзэдуна использовали диалектический материализм в качестве ин-

¹ Section 09 Critical approaches to Intelligence Studies at EISA's 13th Pan European Conference on International Relations (11—14 September 2019, Sofia, Bulgaria). URL: <http://www.eisapec19.org/section-list.htm> (accessed: 02.05.19).

² Теория председателя Мао Цзэдуна о делении на три мира — огромный вклад в марксизм-ленинизм // Редакция газеты «Жэньминь жибао». Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1977.

Таблица 1. Критерии оценки этапов развития ТМО Китая /
Table 1. Criteria for assessing the stages of development of Chinese IR Theory

Этапы развития / Period of development (发展阶段)	Типология исследований / Typology of studies (研究类型)	Распределение по течениям (направлениям, школам) / The distribution of currents (directions, schools) (流派分布)	Тип аналогии / Type of analogy (格义取向)
Дотеоретический этап 前理论阶段	Нетеретические 非理论	Единственная 单一	Нулевая аналогия 零向
Этапы изучения теорий 理论学习阶段	Начальный период 初始期	Оценочные 评介型主导	Обратная (аналогия) 反向
	Период углубления 深化期	Оценочные + импирические 评介型 + 经验型	Обратная + интерактивная + прямая (аналогия) 反向 + 交互 + 正向
Этап теоретических инноваций 理论创新阶段	Оригинальные (подлинные) 原创型	Главное направление + плюрализм 主流 + 多元	Интерактивная + прямая + обратная (аналогия) 交互 + 正向 + 反向

Источник / Source: Цинь Яцин. Проблемы и прогресс в исследованиях китайской теории международных отношений // Мировая экономика и политика. 2008. № 11. С. 14 (秦亚清. 中国国际关系理论研究的进步与问题. 世界经济与政治. 2008. No. 11. P. 14).

струмента для измерения противоречий в международных отношениях.

На этапе изучения теории (1991—2000 гг.) доминирующие западные ТМО, такие как либерализм и реализм, стали руководящей силой среди китайского сообщества международных отношений. После XIV съезда КПК в 1992 г. особое внимание было уделено идее Дэн Сяопина о социализме с китайскими характеристиками. Были предприняты попытки развить китайские теории международных отношений, используя традиционную китайскую философию и западные теоретические достижения. На XVI съезде КПК в 2002 г. Цзян Цзэминь предложил концепцию «трех представительств». Фокус в Китае несколько сместился от основных классических теорий МО к английской школе.

Стадия углубления (2001—2007 гг.) вызвала интерес к конструктивизму, который совпал с дебатами о «мирном подъеме Китая» в рамках китайской философии Ицзин, которая подразумевает, что идентичность и поведение изменчивы. Кроме того, китайские ученые осознали, что ТМО были не только инструментом для интерпретации внешней политики, но и средством для понимания сложностей международной политики. Нет

сомнений в том, что это та фаза, когда китайские ученые-международники не только изучали западную методологию и аналитические рамки, но и пытались извлечь онтологическую сущность из древней китайской философии, чтобы объяснить интеграцию китайской экономики во Всемирную торговую организацию в 2001 г.

На этапе теоретической инновации (с 2007 г. по настоящее время) основное внимание уделяется проблеме формирования китайской ТМО. На XVII съезде КПК в 2007 г. генеральный секретарь КПК Ху Цзиньтао сформулировал «научный взгляд на развитие», в котором был сделан акцент на «гармоничный мир» и «гармоничное общество», чего невозможно достичь без мирного развития. Си Цзиньпин внес инновации в виде концепции «сообщества общей судьбы» для всего мира. Китайские ученые приступили к формированию собственных концептуальных взглядов на мировое политическое пространство и теоретические статьи по международным отношениям заняли стабильную часть общих исследований (табл. 2). Теоретические статьи с 2015 по 2018 г. по-прежнему сохраняют отмеченные в таблице тенденции.

Таблица 2. Количество и процент теоретических статей
в общих публикациях по международным отношениям в КНР, 2010—2014 гг. /
Table 2. The number and percentage of theoretical articles
in general publications on international relations in the PRC, 2010—2014

Тип статей / Type of the articles	2010	2011	2012	2013	2014	Всего, % / Total
Теоретические 理论类	131 (21%)	110 (19%)	106 (18%)	99 (17%)	76 (13%)	522 (18%)
Эмпирические 经验类	457 (73%)	437 (76%)	462 (78%)	444 (75%)	466 (81%)	2266 (76%)
Прочие 其他	38 (6%)	30 (5%)	24 (4%)	51 (8%)	37 (6%)	180 (6%)
Итого 总数	626	577	592	594	579	2968 (100%)

Источник / Source: Международные отношения Китая и передовые дипломатические теории: исследования и развитие / глав. ред. Лю Мин, зам. глав. ред. Ли Кайшэн. Шанхай: Изд-во Шанхайской академии общественных наук, 2016. С. 3 (中国国际关系与外交理论前沿: 探索与发展 / 刘鸣 主编, 李开盛 副主编。—上海: 上海社会科学院出版社, 2016 年第 3 页)。

Таблица 3. Использование основных концептов и их периодизация /
Table 3. The use of basic concepts and their periodization

Период / Period	Международные отношения / International Relations	Международная политика / International Politics	Мировая политика / World Politics	Глобальная политика / Global Politics
1979—1989	105 (65,2%)	27 (16,8%)	29 (18%)	0
1990—1994	71 (53,8%)	32 (24,2%)	29 (22%)	0
1995—1999	173 (58,6%)	94 (31,9%)	25 (8,5%)	3 (1%)
2000—2005	399 (63,4%)	183 (28,6%)	49 (7,7%)	8 (1,3%)
2006 — сентябрь 2007	54 (66,2%)	17 (25%)	5 (7,4%)	1 (1,5%)
Итого	793 (61,2%)	353 (27,3%)	137 (10,6%)	12 (0,9%)

Источник / Source: Xia Anling, Feng Shuai. International Politics: A Desirable Paradigm // Contemporary International Relations. 2007. Vol. 17. No. 3. P. 102.

Таблица 4. Выбор концепций vs теоретический подход /
Table 4. Choice of concepts vs theoretical approach

Период / Period	Доминирующие теории / Dominating theories	Основные концепции / Main concepts	Сопутствующие концепции / Related concepts
Конец 1920-х — конец 1940-х гг.	Идеализм	Международные отношения	Международное право
Конец 1940-х — конец 1950-х гг.	Реализм	Международная политика	Международные отношения
Конец 1950-х — конец 1960-х гг.	Героический период	Международные отношения, международная политика	Международная политика
1970 — конец 1980-х гг.	Неореализм, неолиберализм	Международные отношения, международная политика, мировая политика	—
1990-е гг. — наст. время	Глобализация	Международные отношения, международная политика, мировая политика	Глобальная политика

Источник / Source: Xia Anling, Feng Shuai. International Politics: A Desirable Paradigm // Contemporary International Relations. 2007. Vol. 17. No. 3. P. 99.

Как отмечает Лю Мин, в центре внимания внешнеполитического анализа китайских экспертов в международных отношениях остаются: проблемы силы (权力) — 23%, безопасности (安全) — 23%, международных механизмов (国际机制) — 17%, сотрудничества (合作) — 12%, международной морали (国际伦理) — 8%, культуры (文化) — 8%, союзов (联盟) — 6% и прав человека (人权) — 3%.

Приоритетность исследовательских парадигм в работах китайских теоретиков, по расчетам Лю Мина, распределилась следующим образом: международная политэкономия (国际政治经济学) — 20%, геополитика (地缘政学) — 18%, реализм (现实主义) — 16%, либерализм (自由主义) — 10%, конструктивизм (建构主义) — 10%, марксизм (马克思主义) — 7%, феминизм (女性注意) — 6%, английская школа (英国学派) — 6%, международная политическая психология (国际政治心理学) — 4%, эклектизм (折中主义) — 2% и нормативные теории (规范理论) — 1% [Zhongguo guoji guanxi... 2016: 3].

В табл. 3 и 4 можно видеть, как со временем менялась динамика исследовательских парадигм и теоретических подходов в китайских международных исследованиях.

Традиционные методы

Все классические произведения китайских мыслителей древности фактически описывают человека, общество (социальное) и государство (политическое). Самый древний опыт осмысления и обобщения знаний о действительности привел к появлению в Китае своей автохтонной метафизики, логики, философии и методологии [Крушинский 2013; Крушинский 2015: 123—133; Liu JeeLoo 2011: 154—157]. Еще в 1925 г. Фэн Юлань обратил внимание на формирование трех подходов в изучении истории Китая: «истинный» — xingu 信古 (zheng 正), «отвергающий» — yigu 疑古 (fan 反) и «объясняющий» — shigu 释古

(he 合). Первый принимал все, написанное в древности как истинное; второй — сомневался в истинности всего древнего и отвергал веру в него; третий — прояснял и объяснял, т.е. соединял и примирял оба подхода. Фактически Фэн Юлань показал тогда зарождение трех концептуальных моделей китайской саморефлексии [Feng Youlan 2014: 123—125].

В дальнейшем в 1930—1940-х гг. китайские историки выработали и применяли два метода исследований и подготовки монографий — *описательно-повествовательный* (xushi 叙事) и *критически-дискуссионный* (yulun 议论). В первой части «Общей истории Китая Люя», изданной в 1940 г. в качестве учебника Министерства образования Китайской Республики, известный историк Люй Сымянь (1884—1957 гг.) «системно описывает» 18 видов социально-культурных феноменов жизнедеятельности китайского общества. Во второй части этой книги под собственным названием «Политическая история Китая», изданной в 1944 г., Люй Сымянь «стройно описывает» изменения внутренней политики на протяжении всей истории Китая [Lü Simian 2014: 2].

Особое место в китайской традиционной мысли занимает метод интерпретации (zhushi 注释), который на протяжении столетий доминировал в китайской историографии и политической мысли. Известный китайский социолог Фэй Сяотун в сборнике эссе «Земной Китай» (1947 г.) подробно и доходчиво объяснил, почему на протяжении многих веков китайские мыслители используют этот метод. Он пишет: «Давайте еще раз посмотрим на китайское сельское общество — общество, управляемое патерналистской властью старейшин. В этом типе общества оппозиция тому, что говорят старейшины, принимает форму „интерпретации“. Такие интерпретации внешне поддерживают форму патерналистской власти, но изменяют ее содержание. Кроме периода „Воюющих царств“ (480—221 до н.э.), когда общество прошло через великую социальную трансформацию, китайская интеллектуальная история следовала за конфуцианством в качестве первоосновы власти. Люди были вынуждены оправдывать социальные изменения, реинтерпретируя старую власть. Такие реинтерпретации

привели к расширению различий между названиями явлений и их реальным содержанием. При патерналистской власти люди не могут противостоять традиционным формам. Чем больше они внешне отдавали дань формам, тем больше они могли реинтерпретировать и тем самым изменять ее содержание» [Fei Xiaotong 2012: 100].

Переход к современным методам

В Китае первым ученым, обратившим внимание на необходимость изучения и применения современных методов исследования мировых проблем, был Янь Сюэтун³. В 1993 г. на факультете мировой политики Пекинского университета он приступил к чтению курса лекций по теме «Анализ международных отношений», который со временем стал называться «Методы исследования международных отношений». В 2000 г. Янь Сюэтун перешел на работу в Университет Цинхуа, где подготовил монографию «Практические методы исследования международных отношений», которая увидела свет в 2001 г. Как отмечает Янь Сюэтун в предисловии к своей книге «Международная политика и Китай» (2005), сразу же после выхода «Практических методов» среди ученых развернулась «борьба между традиционализмом и научностью», т.е. о целесообразности применения современных методов исследований, которая напомнила ученому подобную американскую дискуссию 50-х гг. XX в.

Китайские исследования методологии представлены работами таких ученых, как Янь Сюэтун, Сунь Сюефэн [Yan Xuetong, Xun Xuefeng 2007], Ян Юань [Yan Xuetong, Yan Yuan 2013], Янь Лянь [Yan Xuetong, Yan Lian 2008], Ню Цзюнь [Zhongguo duiwai zhengce fenxi... 2013], Ли Шаоцзюнь [Li Shaojun 2008], Ма Жунцзю [Ma Rongjiu 2015], Ван Цзяньвэй, Чень Диндин, Лю Фэн [Guoji guanxi zhong de yuce... 2014].

В этом контексте заслуживают внимания продолжающиеся усилия китайских ученых по разработке своего традиционного методологического инструментария. Цинь Яцин, например, концепции своих китайских коллег рассматривает через призму трех основных «международных способов мышления». Все они, по его мнению, пытаются

вернуться к китайской традиции, культуре, философии и практике в качестве своей теоретической «пищи», т.е. признают важность культуры и стремятся имплементировать национальные культурные и философские идеи в современную мировую (западную) теорию. Тем не менее, даже при том, что их идейная «подпитка» происходит от китайской культуры, пути их теоретической реконструкции очень разные. Здесь весьма актуальной, по мнению Цинь Яцина, является концепция «гэ и» («geyi» 格义)⁴, или «интерпретация по аналогии», что означает использование определенной концептуальной схемы для объяснения и интерпретации реальности (см. табл. 1).

Цинь Яцин выделяет три подхода в интерпретации по аналогии: лицевая, оборотная и интерактивная.

Лицевое толкование по аналогии (*zhengxiang geyi*, 正向格义) относится к интерпретации реальности с помощью утвердившейся традиционной китайской концептуальной системы; *оборотное* толкование по аналогии (*fanxiang geyi*, 反向格义), наоборот, использует иностранную систему понятий для интерпретации реальности, в том числе, например, интерпретации китайских элементов с помощью иностранного теоретического формата; *интерактивная* интерпретация (*jiaohu geyi*, 交互格义), предложенная Цинь Яцином, строит межкультурный диалог в рефлексивном и критическом ключе, взаимно использует «коренные (китайские)» и «чужеродные» концептуальные основы, например, анализ социальной реальности с применением и китайского понятийного аппарата, например, конфуцианского понятия отношений *guanxi* (关系), и западной концептуальной системы, такой как рационализм [Qin Yaqing 2012: 67—89].

⁴ Концепция «гэ и» заимствована Цинь Яцином у Лю Сяоганя [刘笑敢: «“反向格义”与中国哲学研究的困境—以老子之道的诠释为例 (A Dilemma of Reverse Analogical Interpretation — Examples from Studies of Laozi's Dao). 《南京大学学报》2006年第2期 [Journal of Nanjing University (Philosophy, Humanities and Social Sciences), 2006. No. 2, pp. 76—90]. К *лицевой* и *оборотной* интерпретации по аналогии Цинь предложил *интерактивную*, что отражает взаимодействие и включенность двух предыдущих.

³ Янь Сюэтун защитил докторскую диссертацию в США (научный руководитель Карл Росберг, Carl Rosenberg) и в начале 1990-х г. вернулся в Китай.

Рассмотрим три главных аналитических подхода в исследованиях китайско-американских отношений.

Реализм: баланс сил и поднимающийся Китай

Можно утверждать, что Китай родился из системы баланса сил между капитализмом и социализмом, когда Компартия Китая участвовала наряду с другими национальными силами в анти-японской войне сопротивления (1937—1945 гг.), а затем в гражданской войне с Гоминьданом (1946—1949 гг.) во главе с Цзян Цзешу (Чан Кайши), которого во всех аспектах (финансово-экономическом и военно-политическом) поддерживали США. Психология военной организации и примат учета силы во внешней политике на десятилетия закрепились в сознании китайских руководителей.

Образование КНР и последовавшее сразу за этим участие сотен тысяч китайских добровольцев в корейской войне (1950—1953), где они воевали с вооруженными силами США (в рамках объединенных сил ООН), на долгие годы определило антагонистический характер двусторонних отношений и отсутствие дипломатического признания КНР со стороны США и других западных, а также многих развивающихся стран.

Е Цычэн, известный своим геополитическим подходом к мировой политике КНР [Ye Zicheng 1998; 2007], в книге «Великая стратегия Китая»⁵ 30-летний период внешней политики КНР (1949—1978 гг.) называет «стратегией вступления в союзы» (*jiemeng zhanlue*, 结盟战略). С 1949 по 1958 г. господствовала «стратегия склониться в одну сторону» (союз с СССР против США): 一边倒 (与苏联结盟反美). С 1958 по 1968 г. осуществлялась стратегия «двух линий (фронтов)» (борьбы против США и против СССР) — 两条线 (反美也反苏联), а с 1969 по 1976 г. — стратегия «одной линии (фронта)» (союз с США против СССР): 一条线 (联美反苏) [Ye Zicheng 2003: 23, 24].

Победа Дэн Сяопина во внутривластной борьбе и провозглашение им политики «реформ и открытости» в декабре 1978 г. сразу позитивно сказалась на китайско-американских отношениях, которые уже в феврале 1979 г. по его инициативе приобрели официальный дипломатический статус, и линия на всемерное сближение с США стала главным трендом внешней политики КНР вплоть до настоящего времени.

С точки зрения реализма, мировой порядок должен соответствовать разделению и изменению расстановки сил в мире. Международное сотрудничество рассматривается как производное от конфликтной модели. Понимание мира с точки зрения баланса сил отражает интересы и влияние самых сильных стран мира в существующей системе международных отношений. Исходя из этой теории, распад Советского Союза и отношения в рамках «большого треугольника», серьезный дисбаланс в соотношении сил привел к тому, что США стали единственным гегемоном в Восточной Азии, и нет государства, которое могло бы бросить вызов ведущей роли США в решении проблем Восточной Азии. Вследствие этого и возник существующий порядок и мир в регионе [Dongyu hering yu anquan... 2005: 136].

Представление о том, что Китай становится угрозой нынешним международным режимам, возглавляемым Соединенными Штатами, имеет под собой основание, поскольку после мирового финансового кризиса 2008 г. произошло изменение в мировом балансе сил [Yuan Peng 2018: 1]. Китай с 2010 г. — вторая по масштабу экономика мира, а по покупательной способности — первая. КНР является главным торговым партнером для 140 стран мира, далеко обогнав США по этому показателю глобальности. Со 100 странами Китай подписал соглашения об установлении партнерских (в том числе стратегических) отношений [Грачиков 2019: 83—93]. Под руководством Си Цзиньпина Пекин более активно проводит наступательную внешнюю политику в Восточной Азии, направленную на сдерживание военной активности США. В ноябре 2013 г. Китай создал *зону идентификации ПВО (ADIZ)*, в которую вошли спорные острова Сенкаку / Дяоюйдао в Восточно-Китайском море. Китай также разработал и ввел в действие *зону ограничения и воспрепятствования доступа и маневра (A2/AD)*, которая ограничивает

⁵ В 2011 г. книга была издана на английском языке: Ye Zicheng, Levine S.I., Guoli Liu. Inside China's Grand Strategy: The Perspective from the People's Republic. The University Press of Kentucky, 2011.

военные возможности США в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях.

Создание в октябре 2013 г. Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) стало еще одним свидетельством настойчивой политики Китая в обеспечении экономического лидерства в регионе.

Либерализм: экономическая взаимозависимость

Концепция «китайской угрозы», заданная в работах Дж. Миршаймера и Дж. Икенберри, стала основным западным аналитическим форматом исследования отношений Китая с развитыми странами, особенно с США, в XXI в. Чтобы выяснить вероятность того, что Китай будет стремиться к глобальной гегемонии в ближайшем будущем, западные ученые обращаются к неолиберализму в качестве главного аналитического подхода, а китайские ученые, используя аналогичный подход, вынуждены отвечать своей аргументацией.

Неолиберализм предлагает свой взгляд на угрозу гегемонии США со стороны Китая. Неолиберализм разделяет предположение неореализма о том, что государства являются рациональными и максимизирующими полезность акторами, которые взаимодействуют в анархической системе. Государства всегда принимают решения, которые определяются их национальными интересами. Неолибералы утверждают, что нынешний международный порядок определяется экономической и политической открытостью через международные режимы и институты (такие как Всемирная торговая организация и Международный валютный фонд). Таким образом, они могут мирно принять рост Китая. Кроме того, экономика Китая уже глубоко интегрирована в международную экономическую систему, и его национальные интересы стали частью более масштабных подходов. Валовой внутренний продукт КНР внес с 1978 по 2017 г. существенный вклад с 2,3 до 34% в глобальный экономический рост [Huang Zhaoyu 2018: 6].

В Китае предполагали, что глубокая экономическая взаимозависимость между Китаем и Соединенными Штатами в существующей либеральной международной системе станет основой того, что обе державы смогут избежать разрушения многостороннего международного режима,

достигнут стратегического консенсуса и стратегического доверия. Этому были веские доказательства: двусторонняя торговля между КНР и США выросла с 2,5 млрд долл. США в 1979 г. до 600 млрд долл. США в 2018 г. Взаимные прямые инвестиции достигли 400 млрд долл. США. Американские компании на китайском рынке имеют ежегодный доход в размере 700 млрд долл. США, а прибыль составляет около 50 млрд долл. США. С 2015 г. Китай является главным торговым партнером США. КНР и США запустили более 90 диалоговых механизмов в политической, экономической, торговой, военной, технологической и других сферах [Huang Zhaoyu 2018: 7].

В Китае понимали, что страна может быть уязвима, если США решатся наказать ее экономически, но никогда не предполагали (и в этом слабость их аналитического инструментария), что США пойдут на торговую войну и санкции против самой высокотехнологической компании Huawei. Невзирая на антикитайскую политику Д. Трампа, утрату «стратегического доверия» и «стратегический тупик» во взаимоотношениях, в Пекине и сегодня, как заклинание, повторяют: «Китай должен быть кооперативным партнером США» и в то же время призывают своих ученых пересмотреть двусторонние отношения с точки зрения социальной трансформации США, международного порядка, баланса сил, национальных интересов и стратегической ситуации, а также рассмотреть в более всеобъемлющей перспективе взаимодействие в треугольниках КНР — США — РФ, КНР — США — ЕС и КНР — США — Япония [Yuan Peng 2018: 2—5].

Аналитики в КНР отдают должное особенной переговорной тактике Д. Трампа, которая изменила модель глобального взаимодействия. Они предлагают не только придерживаться своей дипломатической стратегии, но и учитывать «детали» китайской политики США. В частности, Китай должен, по их мнению, быть тактически непредсказуемым и гибким, «кнут и пряник» должны быть предложены таким образом, чтобы предотвратить уступки под давлением США. Китай также должен отказаться от пассивной роли и быть более гибким в «серой зоне» мировой политики, под которой с 2014 г. понимаются действия России в Крыму, наращивание Китаем островов в Южно-Китайском море и пр. [Zuo Xiying 2018: 10—13].

Конструктивизм:

нормы и вовлеченность/социализация

С точки зрения конструктивизма, национальная идентичность, стратегическая культура и нормы поднимающейся державы (т.е. Китая) должны быть трансформированы через социальные взаимодействия с другими странами. Вместе с тем «вовлечение» в международное сообщество рассматривалось некоторыми аналитиками как своего рода отсутствие стратегии КНР в отношении США, поскольку никто не определил, до каких пределов страна должна отказаться от своей идентичности, чтобы успешно интегрироваться в глобальную структуру управления и порядка [Yang Xiangfeng 2017: 67—94].

Конструктивисты считают, если взаимозависимость между государствами ведет к взаимному обмену ценностями политической культуры, соблюдению схожих стандартов, то можно эффективным образом привить взаимное доверие. При более глубоком анализе можно предположить и даже утверждать, что Китай все же пытается выработать новые многосторонние нормы международных отношений (т.е. действует как ревизионистская держава), основанных на отношениях (реляционная сила), а также новые институты для «мягкого балансирования» (“soft balancing”) других стран и пытается утвердить себя на этом пути, где особое внимание уделяется использованию институтов для получения «статуса» в международной системе.

Ли Кайшэн, например, считает, что США, как лидер существующего мирового порядка, должны приспособиться к подъему Китая (accommodating China's rise) и давать КНР больше властного пространства (power space), чтобы избежать конфликта между двумя державами и сохранить стабильность в мире [Li Kaisheng 2017: 89]. Как видим, здесь уже явное требование уступить дорогу более успешному актору мировой политики и нет даже намека на какую-то «социализацию».

Квантификация

китайско-американских отношений

С 2004 г. исследователи из Института современных международных отношений Университета Цинхуа под руководством Янь Сюэтуна

начали проект по квантификации отношений Китая с главными акторами мировой политики (США, Японией, Россией, Великобританией, Францией, Германией и Индией). В 2010 г. был впервые опубликован «Обзор международных отношений 1950—2005 гг.: количественное измерение отношений Китая с великими державами». Это исследование позже было включено в финансовый проект Министерства образования КНР, который завершился в 2011 г. Само же изучение отношений КНР с ведущими государствами не прекращается, и, например, данные о китайско-американских отношениях уже охватывают период с 1949 по 2018 г. Подобные работы проводятся и в Китайской академии современных международных отношений (中国当代国际关系研究院).

Оценка уровня

двусторонних отношений КНР — США

Двусторонние отношения, по мнению ученых из Университета Цинхуа, разделены на три категории: «враждебные», «не враги — не друзья», «дружелюбные». Каждая категория делится на две в зависимости от степени, всего шесть уровней и соответствующий диапазон баллов (рис. 1):

— «враждебные»: «конфронтационные» (对抗) (−9 — −6) и «напряженные» (紧张) (−6 — −3);

— «не враги и не друзья»: «негармоничные» (不和) (−3 — 0), «нормальные» (普通) (0—3);

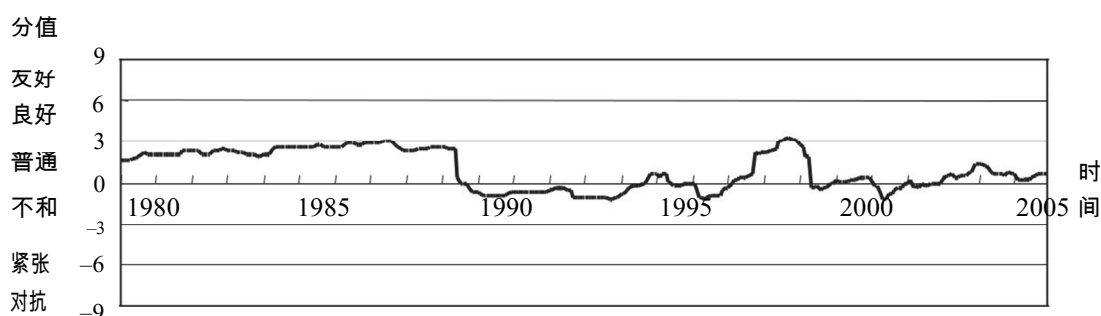
— «дружелюбные»: «хорошие» (良好) (3—6), «дружественные» (友好) (6—9).

Каждый уровень делится на три подуровня: низкий уровень, средний и высокий. Например, в «хорошей» градации нижний уровень равен 3—4, средний уровень — 4—5, а более высокий уровень — 5—6; в «напряженности» нижний уровень равен −3 — −4, а средний уровень — −4 — −5, более высокий уровень — −5 — −6. Каждый уровень делится на десять градусов, и каждая степень имеет оценку 0,1, которая является самой маленькой единицей измерения. Например, двусторонние отношения на высоком уровне хорошей оценки могут быть в любой точке: 5,1, 5,2, 5,3 ... 5,9.

Рис. 1. Стандарты оценки двусторонних отношений / **Fig. 1.** Standards for assessing bilateral relations

Источник / Source: URL: <http://www.imir.tsinghua.edu.cn/publish/iis/7522/20120522140122561915769/1.pdf> (дата обращения: 21.05.2019).

Рис. 2. Китайско-американские отношения, 1980—2005 гг. / **Fig. 2.** Chinese—American relations, 1980—2005

Источник / Source: URL: <http://www.imir.tsinghua.edu.cn/publish/iis/7522/20120522140122561915769/1.pdf> (дата обращения: 21.05.2019).

Как видно из данных, представленных на рис. 2, китайско-американские отношения даже в период их подъема никогда не выходили за пределы значений +3 / -3. Китайские ученые довольно трезво оценивали свои взаимоотношения с США, понимали большую разницу в социальной организации общества, политическом режиме, понимании вопросов демократии и прав человека. Они также не забывали подчеркивать, что Китай — развивающаяся страна и ее главным стратегическим партнером в мировой политике является Россия [Daguo guanxi 2015; Yuan Peng 2016].

Вместо заключения

Данная статья представляет собой некое введение в методологию и методику китайских исследований мировой политики (в основном на примере отношений КНР с США) в достаточно широком контексте китайской школы международных отношений. Она не смогла охватить очень широ-

кий и еще не исследованный пласт всей научной литературы по международным отношениям на китайском языке, где авторами достаточно ясно указаны использованные методы и аналитические подходы.

Существуют объективные сложности при исследовании данной темы. Это явная дихотомия идентичности самого Китая одновременно как развивающейся и развитой державы. Нельзя изучать какой-то «средний» Китай. Необходимо либо исходить из того, что Китай — развитое государство, которое уже находится в центре глобальной экономики, и в этом смысле оно ближе к западным странам. Значит, и методы исследования будут соответствующими. Если же КНР — развивающаяся страна, как предпочитает позиционировать себя Пекин, то он должен находиться на периферии мировой политики, чего мы не наблюдаем. Выбор методов и определение «своего» Китая всегда остается за автором исследования.

Библиографический список

- Грачиков Е.Н. Стратегия партнерских отношений КНР: практика и ее концептуализация (1993—2018) // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 3. С. 83—93. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-3-83-93.
 Дегтерев Д.А. Количественные методы в международных исследованиях // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 2 (41). С. 35—54. DOI: 10.17994/T.2015.13.2.41.3

- Крушинский А.А.* К проблеме древнекитайской логики: исторический перелом и ретроспектива // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 2. С. 123—133.
- Крушинский А.А.* Логика Древнего Китая. М.: ИДВ РАН, 2013.
- Цыганков П.А.* Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2002.
- Daguo guanxi [Big Powers Relations]* / Ed. by Wang Jisi. Beijing: Zhongxin chubanshe [Zhongxin Press], 2015.
- Dongya heping yu anquan [Peace and Security in East Asia]* / Ed. by Yan Xuotong, Jin Dexiang. Beijing: Sishi chubanshe [Current Events Publishing House], 2005.
- Fei Xiaotong.* Xiangtu Zhongguo [Earthborn China]. Beijing: Renmin chubanshe [Peoples' Publishing House], 2012.
- Feng Youlan.* Zhongguo zhexue shipu [History of Chinese Philosophy]. Beijing: Zhonghua shuju. [Beijing: Zhonghua Press], 2014.
- Guoji guanxi yanjiu (1995—2005) [Studies of International Relations (1995—2005)]* / Ed. by Wang Yizhou. Beijing: Beijing daxue chubanshe [Peking University Press], 2006.
- Guoji guanxi zhong de yuce: lilun yu shijian [International Relations Forecast: Theory and Practice]* / Ed. by Wang Jianwei, Chen Dingding, Liu Feng. Shanghai: Shanghai Renmin chubanshe [Shanghai People's Publishing House], 2014.
- Huang Zhaoyu.* The Risk in Sino—US Relations Is Not about Trade Frictions but about Military Adventures // Contemporary International Relations. 2018. Vol. 28. No. 6. P. 5—9.
- Li Kaisheng.* Rongna Zhongguo jueqi: shijie zhixu shijiao xia de Meiguo zeren ji qi zhanlue jueze [Accommodating China's Rise: World Order and the Responsibility and Strategic Option of U.S.] // Shiji jingji yu zhengzhi [World Economics and Politics]. 2017. No. 11. P. 89—107.
- Li Shaojun.* Guoji guanxixue yanjiu fangfa [Research Methods for Studying International Relations]. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe [Chinese Social Sciences Press], 2008.
- Liu JeeLoo.* Reconstructing Chinese Metaphysics. Part III: Fundamental Differences between Western Metaphysics and Chinese Metaphysics // Journal of East-West Thought. 2011. Vol. 1: Inaugural Issue (December). P. 151—163.
- Lü Simian.* Zhongguo zhengzhi shi: Lu zhu Zhongguo tongshi. Xia bu [History of Chinese Politics: General History of China. Part two]. Xiamen: Zhejiang chubanshe [Zhejiang Publishing House], 2014.
- Ma Rongjiu.* Waijiao zhengce fenxi [Foreign Policy Analysis]. Jinan: Shandong daxue chubanshe [Shandong University Press], 2015.
- Qin Yaqing.* Culture and Global Thought: Chinese International Theory in the Making // Revista CIDOB d'Afers Internacionals. 2012. No.100. P. 67—89.
- Qin Yaqing.* Development of International Relations Theory in China // International Studies (Delhi). 2009. Vol. 46. No. 1—2. P. 185—201. DOI: <https://doi.org/10.1177/002088171004600212>.
- Qin Yaqing.* Rule, Rules, and Relations: Towards a Synthetic Approach to Governance // Chinese Journal of International Politics. 2011. Vol. 4. No. 2. P. 117—145. DOI: <https://doi.org/10.1093/cjip/por008>.
- Thirty Years of China — U.S. Relations: Analytical Approaches and Contemporary Issues* / Ed. by Sujian Guo, Baogang Guo. N.Y.: Lexington Books, 2010.
- Wright Q.* An Analytical Approach to the Subject of World Politics in Teaching and Research // The American Political Science Review. 1927. Vol. 21. No. 2. P. 396—399. DOI: <https://doi.org/10.2307/1945192>.
- Yan Xuotong, Xun Xuefeng.* Guoji guanxi yanjiu shiyong fangfa. Di er ban [Practical Methods of International Studies. 2nd edition]. Beijing: Renmin chubanshe [People's Publishing House], 2007.
- Yan Xuotong, Yan Lian.* Guoji guanxi fenxi [Analysis of International Relations]. Beijing: Beijing daxue chubanshe [Peking University Press], 2008.
- Yan Xuotong, Yang Yuan.* Guoji guanxi fenxi. Di er ban [Analysis of International Relations. 2nd edition]. Beijing: Beijing daxue chubanshe [Peking University Press], 2013.
- Yang Xiangfeng.* The Anachronism of a China Socialized: Why Engagement Is Not All It's Cracked Up to Be // The Chinese Journal of International Politics. 2016. Vol. 10. No. 1. P. 67—94. DOI: <https://doi.org/10.1093/cjip/pox001>.
- Ye Zicheng.* Di yuan zhengzhi yu Zhongguo waijiao [Geopolitics and China's Diplomacy]. Beijing: Beijing chubanshe [Beijing Publishing House], 1998.
- Ye Zicheng.* Zhongguo da zhanlue [The Grand Strategy of China]. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe [Chinese Social Sciences Press], 2003.
- Ye Zicheng.* Zhongguo luquan fazhan yu daguo xingshuai: di yuan zhengzhi huanjing yu Zhongguo heping fazhan de di yuan zhanlue xuanze [Development of Land Power and Rise and Decline of Great Powers: Geopolitical Situation and Geostategic Choice of China]. Beijing: Xingxing chubanshe [New Star Press], 2007.
- Yuan Peng.* Identifying New Rhythms in Sino—US Relations // Contemporary International Relations. 2018. Vol. 28. No. 6. P. 1—4.
- Yuan Peng.* Si bai nian wei you zhi bian ju [From Westphalia to a New World Order: U.S., China and Their Strategies]. Beijing: Zhongxin chubanshe [Zhongxin Press], 2016.
- Zhongguo duiwai zhengce fenxi: lilun, lishi yu qianjing [The Analysis of Chinese Foreign Policy: Theory, History and Perspective]* / Ed. by Niu Jun. Beijing: Shijie zhishi chubanshe [World Knowledge Press], 2013.

Zhongguo guoji guanxi yu waijiao lilun qianyan: tansuo yu fazhan. Shanghai: Shanghai shehui kexueyuan chubanshe [China's International Relations and Advanced Diplomatic Theories: Research and Development] / Ed. by Liu Ming. Shanghai: Shanghai Academy of Social Sciences Press, 2016.

Zuo Xiying. Adjusting China's Diplomacy towards the US // Contemporary International Relations. 2018. Vol. 28. No. 6. P. 10—13.

Дата поступления статьи: 20.04.2019

Для цитирования: Грачиков Е.Н. Становление китайской школы международных отношений: аналитические подходы и методы исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 2. С. 187—200. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-187-200.

Сведения об авторе: Грачиков Евгений Николаевич — кандидат политических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: grachikov-en@rudn.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-187-200

Formation of the Chinese School of International Relations: Analytical Approaches and Research Methods

E.N. Grachikov

RUDN University, Moscow, Russian Federation

Abstract. In 1987, the first All-China Conference of international scholars took place in Shanghai, which is associated with the beginning of the process of creating the Chinese School of International Relations. Over these decades, a vast array of scientific literature has accumulated, exploring the interaction China with other countries and world community. The article is devoted to the study of analytical approaches prevailing in the Chinese academic environment in the study of foreign policy and world politics of the PRC, and specifically, in relation to the United States.

Deng Xiaoping's "reform and openness" policy contributed to the revival of the discipline of "international relations" and the intensification of international research in academic institutions and universities in China. A deep and systemic influence on these processes was exerted by several factors: uncritical borrowing of western international political knowledge, full-scale training of Chinese scholars in Western, mainly American, universities, and the translation into Chinese of most theoretical works of Western scientists.

Methodological tools which include the analytical approaches used by Chinese scientists are taken from publications on realism, liberalism and constructivism. In realism, the emphasis is done on the balance of power, which is investigated in the framework of foreign policy analysis. The interdependence of China and the United States, primarily economic, the subject of study from the point of view of neoliberalism. The socialization and involvement of China in the world community and the liberal world order led by the United States are constructivist studies of bilateral relations.

Yan Xuetong's "theory of moral realism", Qin Yaqing's "theory of relations", the Shanghai school's "international symbiosis", and Tan Shiping's "social evolution of world politics" did not go beyond these paradigms, but are already used as their own innovative methods in a study of China's relations with external actors.

The article pays special attention to the dual identity of the Chinese state, as a developing country and a global power, which is publicly voiced by its representatives. This duality imposes regulatory restrictions on the use of analytical tools and, of course, affects the results of research.

Key words: analytical approaches, Chinese school of IR, China, USA, realism, liberalism, constructivism

References

- Fei, Xiaotong. (2012). *Xiangtu Zhongguo [Earthborn China]*. Beijing: Renmin chubanshe [Peoples' Publishing House]. (In Chinese).
- Feng, Youlan. (2014). *Zhongguo zhexue shipu [History of Chinese Philosophy]*. Beijing: Zhonghua shuju [Zhonghua Press]. (In Chinese).
- Grachikov, E.N. (2019). Chinese Partnership Strategy: Practice and its Conceptualisation (1993—2018). *World Economy and International Relations*, 63 (3), 83—93. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-3-83-93. (In Russian).
- Degterev, D.A. (2015). Quantitative Methods in International Studies in Russia and Abroad. *International Trends*, 13 (2), 35—54. DOI: 10.17994/T.2015.13.2.41.3.

- Huang, Zhaoyu. (2018). The Risk in Sino—US Relations is not about Trade Frictions but about Military Adventures. *Contemporary International Relations*, 28 (6), 5—9.
- Krushinskiy, A.A. (2013). *The Logic of Ancient China*. Moscow: Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences publ. (In Russian).
- Krushinskiy, A.A. (2015). The Problem of Ancient Chinese Logic: a Historical Breakthrough and Retrospective. *Problems of the Far East*, 2, 123—133. (In Russian).
- Li, Kaisheng. (2017). Rongna Zhongguo jueqi: shijie zhixu shijiao xia de Meiguo zeren ji qi zhanlue jueze [Accommodating China's Rise: World Order and the Responsibility and Strategic Option of U.S. World Economics and Politics]. *Shiji jingji yu zhengzhi [World Economics and Politics]*, 11, 89—107. (In Chinese).
- Li, Shaojun. (2008). *Guoji guanxixue yanjiu fangfa [Research Methods for Studying International Relations]*. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe [Chinese Social Sciences Press]. (In Chinese).
- Liu, JeeLoo. (2011). Reconstructing Chinese Metaphysics. Part III: Fundamental Differences between Western Metaphysics and Chinese Metaphysics. *Journal of East—West Thought*, 1, Inaugural Issue (December), 151—163.
- Liu, Ming. (Eds.). (2016). *Zhongguo guoji guanxi yu waijiao lilun qianyan: tansuo yu fazhan [China's international relations and advanced diplomatic theories: research and development]*. Shanghai: Shanghai shehui kexueyuan chubanshe [Shanghai Academy of Social Sciences Press]. (In Chinese).
- Lü, Simian. (2014). *Zhongguo zhengzhi shi: Lu zhu Zhongguo tongshi. Xia bu [History of Chinese Politics: General History of China. Part two]*. Xiamen: Zhejiang chubanshe [Zhejiang Publishing House]. (In Chinese).
- Ma, Rongjiu. (2015). *Waijiao zhengce fenxi [Foreign Policy Analysis]*. Jinan: Shandong daxue chubanshe [Shandong University Press]. (In Chinese).
- Niu, Jun. (Eds.). (2013). *Zhongguo duiwai zhengce fenxi: lilun, lishi yu qianjing [Analysis of Chinese Foreign Policy: Theory, History and Perspective]*. Beijing: Shijie zhishi chubanshe [World Knowledge Press]. (In Chinese).
- Qin, Yaqing. (2009). Development of International Relations Theory in China. *International Studies (Delhi)*, 46 (1—2), 185—201. DOI: <https://doi.org/10.1177/002088171004600212>.
- Qin, Yaqing. (2011). Rule, Rules, and Relations: Towards a Synthetic Approach to Governance. *Chinese Journal of International Politics*, 4 (2), 117—145. DOI: <https://doi.org/10.1093/cjip/por008>.
- Qin, Yaqing. (2012). Culture and Global Thought: Chinese International Theory in the Making. *Revista CIDOB d'Afers Internacionals*, 100, 67—89.
- Sujian, Guo & Baogang, Guo. (Eds.). (2010). *Thirty Years of China—U.S. Relations: Analytical Approaches and Contemporary Issues*. N.Y.: Lexington Books.
- Tsygankov, P.A. (2002). *Theory of International Relations*. Moscow: Gardariki publ. (In Russian).
- Wang, Jianwei, Chen, Dingding & Liu, Feng. (Eds.). (2014). *Guoji guanxi zhong de yuce: lilun yu shijian [International Relations Forecast: Theory and Practice]*. Shanghai: Shanghai Renmin chubanshe [Shanghai People's Publishing House]. (In Chinese).
- Wang, Jisi. (Eds.). (2015). *Daguo guanxi [Big Powers Relations]*. Beijing: Zhongxin chubanshe [Zhongxin Press]. (In Chinese).
- Wang, Yizhou. (Eds.). (2006). *Guoji guanxi yanjiu (1995—2005) [Studies of International Relations (1995—2005)]*. Beijing: Beijing daxue chubanshe [Peking University Press]. (In Chinese).
- Wright, Q. (1927). An Analytical Approach to the Subject of World Politics in Teaching and Research. *The American Political Science Review*, 21 (2), 396—399. DOI: <https://doi.org/10.2307/1945192>.
- Yan, Xuetong & Jin, Dexiang. (Eds.). (2005). *Dongya heping yu anquan [Peace and Security in East Asia]*. Beijing: Sishi chubanshe [Current Events Publishing House]. (In Chinese).
- Yan, Xuetong & Xun, Xuefeng. (2007). *Guoji guanxi yanjiu shiyong fangfa. Di er ban [Practical Methods of International Studies. 2nd edition]*. Beijing: Renmin chubanshe [People's Publishing House]. (In Chinese).
- Yan, Xuetong & Yan, Lian. (2008). *Guoji guanxi fenxi [Analysis of International Relations]*. Beijing: Beijing daxue chubanshe [Peking University Press]. (In Chinese).
- Yan, Xuetong & Yang, Yuan. (2013). *Guoji guanxi fenxi. Di er ban [Analysis of International Relations. 2nd edition]*. Beijing: Beijing daxue chubanshe [Peking University Press]. (In Chinese).
- Yang, Xiangfeng. (2016). The Anachronism of a China Socialized: Why Engagement Is Not All It's Cracked Up to Be. *The Chinese Journal of International Politics*, 10 (1), 67—94. DOI: <https://doi.org/10.1093/cjip/pox001>.
- Ye, Zicheng. (1998). *Diyuan zhengzhi yu Zhongguo waijiao [Geopolitics and China's Diplomacy]*. Beijing: Beijing chubanshe [Beijing Publishing House]. (In Chinese).
- Ye, Zicheng. (2003). *Zhongguo da zhanlue [The Grand Strategy of China]*. Beijing: Zhongguo shehui kexue chubanshe [Chinese Social Sciences Press]. (In Chinese).
- Ye, Zicheng. (2007). *Zhongguo luquan fazhan yu daguo xingshuai: diyuan zhengzhi huanjing yu Zhongguo heping fazhan de diyuan zhanlue xuanze [Development of Land Power and Rise and Decline of Great Powers: Geopolitical Situation and Geostrategic Choice of China]*. Beijing: Xingxing chubanshe [New Star Press]. (In Chinese).

Yuan, Peng. (2016). *Si bai nian wei you zhi bian ju [From Westphalia to a New World Order: U.S., China and Their Strategies]*. Beijing: Zhongxin chubanshe [Zhongxin Press]. (In Chinese).

Yuan, Peng. (2018). Identifying New Rhythms in Sino—US Relations. *Contemporary International Relations*, 28 (6), 1—4.

Zuo, Xiying. (2018). Adjusting China's Diplomacy towards the US. *Contemporary International Relations*, 28 (6), 10—13.

Received: 20.04.2019

For citations: *Grachikov, E.N.* (2019). Formation of the Chinese School of International Relations: Analytical Approaches and Research Methods. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (2), 187—200. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-187-200.

About the author: *Grachikov Evgeny Nikolayevich* — PhD (Political Sciences), Associate Professor of Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: grachikov_en@rudn.ru).

© Грачиков Е.Н., 2019

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-201-206

The BRICS: Paradigm Shift in Dealing with New Challenges

Essay

B.F. Martynov

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Abstract. The mankind has been actively using a relatively new geopolitical space: the space of information. Obviously, the economic and scientific progress opens new horizons and possibilities, still not clearly understood by people. This brings about many changes, with either good or bad consequences, depending on who uses the information and what aims are pursued. The present system of international relations is characterized by many new features; it's becoming more "unpredictable" and "chaotic". Information wars and "fake" news contribute in its turn to the turbulent character of international relations, pushing forward misconceptions and distorted visions of different situations, and thus provoking conflicts. At the same time, the world is badly short of new ideas, which could more adequately answer the global problems. These new ideas could hardly be produced by the "old", traditional actors. At the same time, the BRICS countries, representing the new "ascending" civilizations of non-Western nature and not being bound in this sense by the rules of "Euro-Atlantic solidarity", could collectively propose some new approaches to the global issues. BRICS, as a format of states with accelerated economic indices, should lay a wider conceptual platform for its further dynamics. It should provide a more active information policy and elaborate a "new" conceptual basis, founded on rather traditional and "old" principles — common respect for the international law, derived from political and juridical cultures, historic and social practices.

Key words: geopolitics, global problems, global security, informatics space, information security, BRICS, world civilizations, "multi-civilizational" approach, international law, political and juridical cultures

The politics of war and peace have been traditionally constructed around material spaces, which, insofar, acquired political dimensions. Initially, there have been two: ground and sea surfaces. The 20th century added to them a new one — an air space, and by the end of it — the cosmic space. This process of multiplication of those physical and politically competitive spaces was maintained by the technical / scientific development, constantly pushed forward by wars and military build-ups. The 21st century added a differently new, virtual kind of space — an "informatic", or a "cyberspace".

Main security actors and their interests have been closely linked with all these spaces. "Classic" state security interests depended on land, sea and air premises. They provided for military security and for the military strength to maintain and/or to conquer those territorial or sea spaces. The emergence of transnational corporations accentuated the parameters of economic security and economic strength, with stronger accent on natural resources. Materialistic and space-centered approaches produced the two World Wars, but after the last WW, a special focus was made on the so-called indirect instruments of domination — economic, informative and moral

(human rights). The present day international policy has become, at least, partly virtual, a new principal actor of it being a human person — an elector.

A "true believer" is always better than a "strong defender". When information penetrates the minds, neither states, nor transnationals need a "classic" war to achieve their goals. "Soft" (or "smart") power works better: one, who governs human conscience, may govern the world. The political actors (including international bodies), who can rapidly produce and make proper use of information, are in better conditions than those, who cannot. In the "hybrid war" realities, information, no difference true or false, is of a special demand for all international actors. Stakes are quite high: the future of the world, nowadays is torn up between global problems and subjective ambitions. The statement of President V. Putin: "Those, who govern the IT-technologies, will govern the world", perfectly reflects the today's reality.

BRICS (Brazil, Russia, India, China and South Africa) appeared in 2006 as an innovative structure of non-Western nature. Initially it was launched as a format of states with accelerated economic indices, but nowadays its *raison d'être* can no longer be seen exclusively through the prism of economy. Other-

ways, BRICS will become just one of so many already existing international structures. Obviously, without its own ideas on a wide range of modern political, economic, social and philosophical issues this unprecedented project will inevitably lose its proper “face” and identity. As a conglomerate of the most important world civilizations of non-Western nature, BRICS can organize and maintain a long standing dialogue for the new conceptualization of global agenda in a form of a multi-civilizational and multi-cultural world order.

When some scholars predict the “end” of the BRICS project because of its current economic, cultural, political etc. differences, from the point of view, centered, as earlier, around the “material” and “physical” spaces, they, after all, might be right. In a full “normativistic” state of affairs there should have been the BRICS failure long ago. According to some authors, preoccupied with the maintenance of the status quo, the 21st century will do quite well without the “ascending” countries, with the “good old” global leaders still governing the world [Sharma 2010]. But, as others [Toropchin 2017] say, the BRICS has already ceased to be a purely economic project. The current world realities have been constantly pushing the focus of its interests from economy to security and “high” global politics. It means, that the BRICS leaders follow the main global trends, giving credit to the problems other, than purely economic ones [Martynov, Lavallo 2019]. It is confirmed by the fact of constant expansion of its interests to other spheres (social, cultural, etc). Besides, in spite of its current economic differences, which are by definition changing, the world public opinion still gives credit to this unprecedented inter-civilizational format.

The new, “multi-civilizational” format, little by little gains space and authority in the world and receives a broad “coverage” in the international academic community. Small wonder that it meets with the “covert” opposition from the “mono-civilizational” party. The “post-huntingtonians” in the United States try to revise S. Huntington, proposing a certain “Civilization of Modernity”. On their opinion, it will consist of “independent”, “equal” and “free” civilizations (European, Chinese, Japanese, Hindu, and “Afro-Eurasian”) with one (the “Anglo-American”) “more equal, than others” to “supervise” them [Katzenstein 2010—2012]. Even more sophisticated

in this respect looks an approach presented by Ian Morris in his book “War: What is it Good for?” that illustrates the “poverty” of ideas, so characteristic for the “old”, traditional actors of the world politics. The “non-conformist” author not only praises wars of the past that have, allegedly, made us “safer and wealthier” (?!). He eventually welcomes a new one, the 3rd WW, to take place, first, in the cyber-space and, than, in the “traditional” spaces: land, sea and air. The final victory in the coming war will belong to the most developed nation (no difficulty to guess which one), acting as a powerful electronic “globocop” against the “criminal will” and deeds of the “under-developed” nations. On his opinion, “If the United States fails, all the world fails” [Morris 2014].

Almost the same ideas are reflected in the book with a pretentious name “Homo Deus” by the popular author Yuval Harari. As in the times of the old Soviet Union propaganda, the author promises to the mankind a Paradise on the Earth without wars, poverty and even death (!). This new society will be constructed on the strictly individualistic base and without those peoples, who will not (as the American Indians) absorb the imperatives of the new scientific and technical revolution and will ignore the demands of the information society [Harari 2015]. So, such and some other authors, belonging to the modern Western train of thought, give us a full right to say: “If the BRICS fails, all the world fails”.

From this point of view it seems unnecessary to repeat in each and one declaration of the BRICS summits, that this format “it is not intended against anybody”. It seems a donation to the very “political correctness”, that is uncharacteristic, so far, for the whole BRICS mentality. As a potential counterweight to the omnipotent “Anglo-America” [Katzenstein 2010—2012], the BRICS format will never be welcomed by the West. A wholly skeptical (or, at the best, ignorable) attitude of the Western elites and media towards the BRICS and its perspectives must be taken for granted, though the BRICS leaders never lose a possibility to mention their openness for the cooperation with the “West” on practically all modern world problems: from climate changes to terrorism.

Once it was said: “Having in mind the traditional respect of the BRICS countries towards the international law, we could, for example, put this subject in the center of our discussions with the

United States” [Voronin 2013]. But, can we, really? The Anglo-American Common law (precedent) system and its corresponding juridical culture differ from the majority of the BRICS legal systems [Martynov 2019]. So, our understanding of the international law is and will always be necessarily different. As different are our attitudes towards the majority of global problems: their origins, nature and, necessarily, the ways of their resolution. The best example in this sense might be the problem of international terrorism. While the BRICS countries are all for the elaboration of the legal definition of “terrorism” under the UN authority, the USA and their closest allies are strongly against. This fully enables them here and again to make the terrorists go for “freedom fighters” and vice versa in their narrow political interests.

“In the actual atomized societies the citizens and classes disappear as the agents of changes. Ours turns out to be the world of individualists who get united only as consumers of goods or information and trust more in Internet than in their representatives in parliaments. ...This individualistic world, moved by money, outshadows the more ancient vision of common values... The idea of world governance is turning to be a dream of the past” [Mazover 2017]. H. Kissinger says that the very notion of “verity” is nowadays being relativized and individualized, while the “abundance of irrelative information makes the real knowledge disappear” [Kissinger 2014].

Individualism, as a strong Anglo-American credo, serves well for the economic development, but can hardly contribute to the resolution of the most of global problems, created by it. Because of their complex and common for all character. Besides, on our point of view, all the necessary innovations in ideological sphere, to be viable, can come only from those countries and civilizations, which stood for the most time of the human history apart from the “big” global politics and, as a result, have not been “overloaded” with the old patterns and schemes, set forth by the “great powers”. On our point of view, to fruitfully contribute to the resolution of the present and future global problems one should have at least some general common approaches to them. In the world, where the authority of the international law is at its lowest, the imperatives of the BRICS countries cooperation and the importance of the BRICS + countries efforts in the correction of the present

situation can’t be overestimated. The main reason for that being their traditionally respectful attitude towards the international law, based on their close juridical grounds (Roman law).

Some authors, among them Jim O’Neil, the author of the “BRICS” acronym, say, that the process of globalization should not necessarily be limited to the paradigm of “Westernization” or “Americanization”. The “club” of the “Western democracies”, on his opinion, has, probably, “outlived” itself, and the “G-20” group becomes more legitimate, than the “G-7”, on the mere fact, that it includes the BRICS countries [O’Neill 2011]. Other scholars also confirm, that the “economic reality” has proved to be more complex than we used to imagine earlier, because it depends on cultural, historic, religious, social, etc. backgrounds. For example, happiness, as a general notion, can’t be measured by the GNP per capita: it has different meanings in different cultures and countries: it can’t be imposed from above. “The real picture of the world has many pikes” — this can be the slogan of the BRICS countries.

But what of purely economic well-being, doesn’t it have any significance more? On the first sight, the ultimate goal of the newly created BRICS Bank (2013) was quite traditional: “economic development”. Nevertheless, time has come to ask: “What kind of “development”? Needs it follow the same patterns of degradation of nature, social polarization, poverty, epidemics, ethnic wars, tribal conflicts etc.? Not to find and to explain to others the proper BRICS-understanding of such notions, as “development”, “progress”, “well-being”, “law”, “world order”, “democracy”, etc., means to silently agree with the traditional understandings, leaving things as they are. Doing this means to capitulate before the coming global collapse [Diamond 2011].

There are other innumerable imperatives. Let’s take one for example: struggle against heightened criminal activity and criminal bands, which flourishes in spite of all benign economic indices. An Argentinian author, B. Kliksberg, notes that “instead of looking for more cruel methods of punishing criminals, time has come to look for a new rationalization of the very phenomenon of criminal activity, which at present acquired a much more complex character” [Kliksberg 2006]. A Mexican scientist, M. Moloeznik, speaking about the completely failed “anti-narcotics”

campaign led by the president F. Calderon together with the US DEA in Mexico, blames the traditional coercive measures as those, which caused a new, powerful wave of violence and assassinations [Moloeznik 2011].

New approaches to the world realities start to, literally, “impose” themselves. They are becoming the imperatives of the human existence. The problem is: how long it will take to the mankind to rationalize and to implement those imperatives in practice? The first and the most important step, on our point of view, will be the reforming of the whole system of international organizations, including the UN, with a view to strengthen their competences in the struggle against international terrorism, illegal drugs smuggling, organized crime and piracy, nuclear proliferation, slavery, discrimination, climate deterioration, etc. On all such issues the BRICS countries usually mark the “proximity or coincidence of positions” in their common documents. But what can be said about the well-known geographic, cultural, political, religious etc. differences between them?

Sometimes one hears that Brazil, for example, is of a much lesser importance for Russia, than its closest neighbors — China and India. To this one can only respond that the globalization (different, as it is) not only shortens geographic and temporal distances. It also makes the once separated problems shared between the geographically and culturally distant countries. Russia, China and India are, first of all, nuclear powers. Brazil is a state of advanced nuclear technologies, which can produce a nuclear bomb in a short time. But what can come out of that?

Many modern security issues acquire nowadays an unmistakably internal character. This newly puts into the limelight the problem of a re-distribution of natural resources (water, rare metals, oil, gas, bio-resources etc). Besides, the new and still unknown

global problems may arise pretty soon, precisely in the so called “new geographic spaces”: open seas, cosmic space, Arctic and Antarctic. Inevitably one should expect the appearance of new kinds of weapons (climatic, genetic, etc.), of new criminal and smuggling (human organs, critical information) practices, etc. If the international law becomes a flexible “instrument” in the hands of those, who, according to the patterns of their legal culture treats it as such, then no old international obligations will be binding any more, and no new ones will appear. The rule of force will prevail.

The so called civilizational “West” is far from being homogeneous: it cannot escape cultural and civilizational dichotomies. To “catch up with the world”, the US should enrich their “universal values” with the recognition of history, culture and dignity of other peoples [Kissinger 2014] and look for a broader alliances within the new physical and cyber-space reality. On our point of view, the BRICS is still a futuristic project, which will be ripening through the time, when more states or regional structures may formally or informally take part in it. There are many advantages of the world governed by the “Concert of Civilizations” over that, governed by a single power or powers. The most distinctive one, on my point of view, is the common sense.

The world is at war now: a war for the domination over the new — intellectual space. The “Moment of Truth” for the whole BRICS project demands from its members a sober and a more realistic vision of the whole situation. Either BRICS (all of them, or some countries first, others —later), enter a new phase of development, marked by the cognitive efforts to gain intellectual supremacy over destructive (militarist, consumerist, materialist, libertarian, etc.) postures, or its “super-idea” will finally lose its impetus.

References

- Diamond, J.M. (2011). *Collapse. How Societies Choose to Fail or Succeed*. Viking Press.
- Harari, Y.N. (2015). *Homo Deus. A Brief History of Tomorrow*. London: Penguin Random House.
- Katzenstein, P. (Eds.). (2010—2012). *Civilization in World Politics*. Books 1—3. Routledge.
- Kissinger, H. (2014). *World Order*. Penguin Press.
- Kliksberg, B. (2006). *Mitos y realidades sobre la criminalidad en America Latina*. Buenos Aires.
- Martynov, B.F. & Lavalle, V.-H. (2019). De la Guerra informativa hacia una “nueva guerra fria”? *Iberoamérica*, 1, 26—43.
- Martynov, B.F. (2019). Chaos Synergy, Geopolitics And Culture Explain History Of International Relations. A Critique of William Wohlforth. *MGIMO Review of International Relations*, 64 (1), 19—28. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-1-64-19-28.
- Mazover, M. (2017). *Governar o Mundo*. Lisboa: Edições 70.

- Moloeznic, M.-P. (2011). Apuntes criticos sobre las más recientes iniciativas de reformas legislativas de Presidente Felipe Calderon Hinojosa en material de seguridad y modelo policial. *Letras Juridicas. Revista electronica de derecho del Centro Universitario de la Ciénega*, 12, 1—31. URL: <http://letrasjuridicas.cuci.udg.mx/index.php/letrasjuridicas/article/view/138/136> (accessed: 03.03.2019).
- Morris, I. (2014). *War: What Is It Good for?* London: Profile Books.
- O'Neil, J. (2011). *The Growth Map: Economic Opportunity in the BRICS and Beyond*. London: Portfolio / Penguin.
- Sharma, R. (2010). *Paises emergentes*. Madrid: Aguilar.
- Toropchin, G.V. (2017). From Goa to Xiamen. On Some Aspects of Political Cooperation within BRICS. *International Organizations Research Journal*, 12 (1), 174—188. DOI:10.17323/1996-7845-2017-01-174. (In Russian).
- Voronin, E.R. (2013). Transatlantic Links and BRICS: Prospects of Strategic Co-existence. *MGIMO Review of International Relations*, 2 (29), 33—37. (In Russian).

Received: 02.04.2019

For citations: Martynov, B.F. (2019). The BRICS: Paradigm Shift in Dealing with New Challenges. Essay. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (2), 201—206. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-201-206.

About the author: *Martynov Boris Feodorovich* — PhD, Dr. of Science (Political Sciences), professor, chief of the Department of international relations and foreign policy of Russia, MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (e-mail: bfmartynoff@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-201-206

БРИКС: смена парадигмы в условиях новых вызовов

Эссе

Б.Ф. Мартынов

МГИМО (У) МИД России, Москва, Российская Федерация

Человечество начало активно использовать относительно новое геополитическое пространство — информационное. Научно-технический прогресс открывает перед ним новые, пока еще не ясные горизонты. Он приносит с собой перемены, последствия которых могут быть как позитивными, так и негативными, в зависимости от того, кто и с какими целями пользуется его плодами. Современное состояние мировой политики характеризуется многими как «непредсказуемое» и «хаотичное». Информационные войны и «фейковые» новости приобрели повседневный характер, сплошь и рядом порождая ложные мнения и искаженное видение реальности. Они, как правило, открывают дорогу к еще большему усложнению кризисов и конфликтов. В то же самое время миру не хватает новых идей, с помощью которых можно было бы найти более адекватные ответы на наиболее актуальные глобальные проблемы. Появления таких новых идей, как мы убеждаемся на практике, трудно ожидать от «старых», традиционных акторов мировой политики.

По мнению автора, страны БРИКС, которые представляют собой новые, «восходящие» цивилизации современного мира, могли бы содействовать коллективной выработке таких идей при условии проведения более активной политики в информационном пространстве на принципиально новой концептуальной основе. Эти страны не связаны путями «Евро-атлантической солидарности» и не исповедуют нормы «политкорректности». Основой их новых подходов могло бы стать общее уважение к международному праву, восходящее к специфике их политико-правовых культур, исторических и социальных практик.

Ключевые слова: геополитика, глобальные проблемы, информационное пространство, глобальная безопасность, информационная безопасность, БРИКС, мировые цивилизации, «многоцивилизационный» подход, международное право, политическая и правовая культура

Библиографический список

- Воронин Е.Р.* Трансатлантизм и БРИКС: перспективы стратегического сосуществования // *Вестник МГИМО-Университета*. 2013. № 2 (29). С. 33—37.
- Мартынов Б.Ф.* История международных отношений объясняется синергией хаоса, геополитикой и культурой. К дискуссии с У. Уолфортом // *Вестник МГИМО-Университета*. 2019. № 1 (64). С. 19—28. DOI: 10.24833/2071-8160-2019-1-64-19-28.

- Торочин Г.В.* От Гоа до Сямэня. О некоторых аспектах политического сотрудничества в рамках БРИКС // Вестник международных организаций. 2017. Т. 12. № 1. С. 174—188. DOI:10.17323/1996-7845-2017-01-174.
- Civilization in World Politics* / Ed. by P. Katzenstein. Books 1—3. Routledge, 2010—2012.
- Diamond J.M.* Collapse. How Societies Choose to Fail or Succeed. Viking Press, 2011.
- Harari Y.N.* Homo Deus. A Brief History of Tomorrow. London: Penguin Random House, 2015.
- Kissinger H.* World Order. Penguin Press, 2014.
- Kliksberg B.* Mitos y realidades sobre la criminalidad en America Latina. Buenos Aires, 2006.
- Martynov B.F., Lavalle V.-H.* De la Guerra informativa hacia una “nueva guerra fria”? // Iberoamérica. 2019. 1. P. 26—43.
- Mazover M.* Governar o Mundo. Lisboa: Edições 70, 2017.
- Moloznik M.-P.* Apuntes criticos sobre las más recientes iniciativas de reformas legislativas de Presidente Felipe Calderon Hinojosa en material de seguridad y modelo policial // Letras Juridicas. Revista electronica de derecho del Centro Universitario de la Ciénega. 2011. No. 12. P. 1—31. URL: <http://letrasjuridicas.cuci.udg.mx/index.php/letrasjuridicas/article/view/138/136> (accessed: 03.03.2019).
- Morris I.* War: What Is It Good for? London: Profile Books, 2014.
- O’Neil J.* The Growth Map: Economic Opportunity in the BRICS and Beyond. London: Portfolio / Penguin, 2011.
- Sharma R.* Paises emergentes. Madrid: Aguilar, 2010.

Дата поступления статьи: 02.04.2019

Для цитирования: *Martynov B.F.* The BRICS: Paradigm Shift in Dealing with New Challenges. Essay // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 2. С. 201—206. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-201-206.

Сведения об авторе: *Мартынов Борис Федорович* — доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России МГИМО (У) МИД России (e-mail: bfmartynoff@gmail.com).

© Martynov B.F., 2019

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-207-217

West African International Studies: Approaches to Regional Security

A.Yu. Shipilov

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. This article covers the most significant theoretical schools in West Africa in the framework of the international relations analysis, with special focus on the regional security. Major respective theoretical approaches to the given issues are assessed based on the writings of local experts that frequently reevaluate the major articles of faith connected with neo-Realist, neo-Liberal and Marxist views.

Particular attention is drawn to the examination of various interpretations of the role that belongs to supranational regional structures in West African conflict resolution using the case of the Liberian civil war. The most crucial part of the research presented is an analysis of publications issued by Adekye Adebajo and Ismail Rashid, two leading West African specialists in the field of regional security. Their appraisal of collective security mechanisms' perspectives in the most poverty-stricken and unstable regions of the world is elaborated upon.

The aim of the article is to determine the extent of uniqueness present in Adebajo and Rashid's approaches compared to their Western and African colleagues but also to figure how West African 1990—2000's conflicts' analysis did have an impact on the scholars' theoretical views and more broadly what was its contribution to the regional understanding of international relations.

The research is based upon comparative and historical-genetic methods as well as case studies. The major elements composing the scholars' analysis of successes and failures in the path of West African integration are presented along with their appraisal of the ECOWAS security component. A comparison is made between their views and those of their regional colleagues belonging to other schools of thought as well as Western theories that had the greatest impact on these authors.

Key words: West Africa, regional integration, Liberia, International Relations, collective security, English school

Decolonization of the vast majority of Asian and African countries in the middle of the XXth century and a drastic increase in the number of independent states caused a situation when the system of international relations became less Western-centric. The newly independent nations joined the UN system, fit into the bipolar world order, developed relations with their former colonial overlords and their neighbors in multiple ways. Having previously been almost fully colonized, Africa was also actively engaged in these processes. The most intense emergence of subregional intergovernmental political structures and more advanced partnership and rivalry dynamics were seen in West Africa which has experienced the establishment of a regional relations subsystem in the wake of war in the south-east of Nigeria in 1967—1979. Moreover, the fact that West Africa has seen 41 out of 75 military coups that took place on the continent signifies the importance of integration and collective security mechanisms emergence. Later, the set-up of a relatively successful regional integration platform (the Economic Community of West African States — ECOWAS) became the

premise for the development of local International Relations theorists elaborating primarily on the regional context.

Emergence of West Africa's Major IR Theoretical Schools

Starting from 1960s West African IR approaches emerged in the framework of several major schools. Economic difficulties and development problems faced by African countries upon dismantling the formal colonial system led to the establishment of the *dependence theory school* built on Marxist and neo-Marxist understanding of historical processes. *Samir Amin* residing in Senegal became the most prominent representative of this approach in West Africa, having criticized the de-facto prevailing economic dependence of African states on their former colonial powers [Amin 1968; 1972].

Later this tradition was continued throughout the publications of *Amos Sawyer*, a Liberian scholar and left-wing opposition political activist, similarly critical of the external exploitation of African states through the assistance of the local elites [Sawyer

2004]. The ranks of the West African neo-Marxist international relations commentators also include *Thomas Sankara*, Burkinabe president in 1983—1987, considering his anti-dependence political agenda and an overarching goal of drawing West Africa away from the periphery of the global capitalist system [Sankara 1988]. This approach maintained its popularity even in the wake of the Cold War.

Similar views were expressed by the more nationalist segments of West African political thought. Among others, *Laurent Gbagbo* (Ivorian scholar and politician turned president in 2000), accompanied by his followers, spoke of de-facto control of the regional economies by the former colonial overlords [Gbagbo 1983; Koulibaly 2007]. Institutional development and Pan-African unity in the face of external influences were put forward as solutions to the continent's fundamental challenges by *Kwame Nkrumah*, Ghana's first president (also occupied in the field of social sciences prior to entering politics) [Nkrumah 1967].

Apart from that West Africa has seen the development of regional IR schools more closely tied to the more mainstream Western approaches in the field. *Neo-Liberal institutionalism* principles, having gained popularity in the 1990s due to *Robert Koehane* and *Joseph Nye*'s works [Keohane, Nye 2001], became crucial for researchers grouped around the *Kofi Annan International Peacekeeping Training Center* situated in Ghana¹. These researches share the assumption that interregional cooperation is a key to solving intergovernmental and internal problems relevant for West Africa. Nevertheless, the Center faculty members including *Kwesi Aning* and *Kwaku Osei-Hwedi*, follow their Western counterparts in drawing their attention mostly toward the peacekeeping capacities of the large international organizations and separate actors and insufficiently covering West African mechanisms of collective security [Aning, Salihu 2011; Boateng, Osei-Hwedie 2017].

The ranks of the more prominent local researchers of West African political processes (previously studied mostly by Europeans) of the last decade with a more unique African perspective include *Adekeye Adebajo* and *Ismail Rashid*, professing more moderate research assumptions than those of the Kofi

Annan Center. Their analysis of regional processes is largely based on the Western academic tradition. Both Nigerian — *Adekeye Adebajo* and Sierra Leonean *Ismail Rashid* have at least partially received their formal education in the Anglo-Saxon world. The former one received Rhodes scholarship and was thus able to attend Cambridge University². The later has been academically engaged in Canada for a great while, having received a PhD in McGill University. Therefore the more moderate views with respect to the effectiveness and content of the trans-border conflict resolution mechanisms posed by these authors can be explained by the familiarity with the principles put forward by the British school of International Relations studies (namely by *Hedley Bull*) [Bull 1977; Watson 2009].

The aforementioned school takes a middle position regarding the argument of neo-Realists and Liberal institutionalists on the possibility of equal multi-party cooperation in conflict prevention and resolution. Overall the representatives of this approach recognize the viability of both rigid the hegemonic model of intergovernmental ties based on power (based on the realist presumptions) and mutually beneficial peaceful cohabitation and cooperation (dominant in the neo-liberal worldview) depending on the level of development and conditions of relations between specific countries [Bull 1977: 151]. It is this pluralism in assessing particular forms and methods of international relations practice that was employed by the two West African scholars [Adebajo, Rashid 2004].

They address the empiric material by setting the research question of whether the hegemonic structure of the intergovernmental relations dominates on the regional level or the supranational institutions play a more significant role. Their main focus is on the conflicts that shattered West Africa in 1989—2004 (mainly civil wars in Liberia and Sierra Leone) as well as the response generated by the subregional integration structures.

The aim of given article is to determine the extent of the uniqueness of the approach practiced by *Adebajo* and *Rashid* in comparison with their Western and African colleagues (namely from the Kofi Annan Center) with respect to the issues of re-

¹ Kofi Annan International Peacekeeping Training Centre (KAIPTC). URL: <https://www.kaiptc.org> (accessed: 19.12.2018).

² He serves as the executive director at Centre for Conflict Resolution in Cape Town.

gional security, and also to assess the 1990—2000s West African civil wars analysis influence on the development of the authors' theoretical views and West African understanding of International Relations in general. Qualitative, largely hermeneutic, historiographical and comparative methodological approaches are used to study this. Particular methods applied include comparative and historical-genetic methods as well as case studies.

Their substantive views are studied primarily through their joint book, "West Africa's Security Challenges: Building Peace in a Troubled Region" published in 2004 immediately after the end of the two wars [Adebajo, Rashid 2004]. However other publications by the same authors devoted to the same set of problems are also considered, namely Adekeye Adebajo's "Building Peace in West Africa: Liberia, Sierra Leone and Guinea Bissau" published in 2002 [Adebajo 2002].

Appraisal on Intra-regional Tensions as Premises for the Emergence on Integration Institutions

The authors begin their analysis of the state of the West African collective security institutions by exploring the historical premises for the development of the subregional integration framework, believing them to be the roots of the situation existent in the 1990s. Adebajo and Rashid largely link their emergence to the structure of colonial governance in the region, the proximity of countries with common colonial past and similar patterns of decolonization. Namely they note the extreme importance of West Africa's split into French and British colonies at the turn of the 20th century (apart from several minor coastal territories controlled by other powers, Cape Verde and Guinea Bissau under the Portuguese rule, German colonies in Togo and Cameroon as well as nominally independent Liberia built by freed slaves under strong American influence) [Adebajo, Rashid 2004: 22].

According to Adebajo and Rashid, the emergence of supranational mechanisms in West Africa was heavily impacted by the colonial legacy of the respective European powers, each managing its various African colonies in a relatively single fashion. As a result every group of former colonies had roughly similar legal and monetary system, judiciary and law protection mechanisms all contributing to

stark similarities inside the given group of countries [Mensa 2014: 245—246]. Thus the two researchers split the region into two major parts, former French and British colonies. However they also hold that the differences between these two groups of countries have created serious tensions among West African states later on, after gaining independence. Their views are that these two groups of former colonies have both generated the first regional integration drivers and internal strife in this integration framework. Therefore Adebajo and Rashid look into the peculiarities of French and British colonial policies on these territories, considering them fateful for regional integration projects [Adebajo, Rashid 2004: 27].

The two authors see the major difference between French and British colonial policy in West Africa in the use of direct or indirect rule. The French colonialism is noted to have been aimed at long-term assimilation of the local population by spreading French education and drawing the governed into the French culture, providing Africans with full rights of French citizens in case of their complete assimilation [Searing 2005: 1334—1335]. Parallel statehood forms were also developed in the form of association rather than turning the governed into the "black French". The majority of the indigenous population was fully disenfranchised until 1946 and could be used in mandatory public works or become subject to minor extrajudicial punishment. Nevertheless the residents of the French colonies were much more exposed to European cultural influence than other Africans during the colonial era [Ginio 2006: 3—4]. Hierarchical direct rule system was necessary in order to create proper conditions for assimilation. Traditional authorities, even if preserved, were stripped of substantial power by the colonial bureaucracy as self-governance and isolation of any territory based on traditional principles threatened the assimilation policy. Therefore the French colonial policy in Adebajo and Rashid's writings appears to be mainly based on direct rule.

This system of colonial governance, according to the two authors, became the foundation for a more sustainable regional integration pattern specifically for the Francophone West African countries. African elites with French education and middle-rank positions in the colonial administration became closely tied to France which had a crucial impact on their policies after independence. In 1958 French West

African colonies reemerged into 8 overseas territories (apart from Togo) governed by these same elites. France voluntarily offered independence to its West African territories after the crises in Vietnam and Algeria and thus was able to maintain some of its privileges in the region. Based on this “*Françafrique*” was built on informal elite ties, common currency and a system of French military bases [Adebajo, Rashid 2004: 34]. The two researchers explain the longevity of these close relations and further intensified integration among the Francophone West African states by these features of the French colonial policy [Adebajo, Rashid 2004: 32].

To the contrary, they view the British colonial system to have been favoring indirect form of governing the new territories through interaction with precolonial authorities. Adebajo and Rashid hold that the most finite example of such approach can be seen in British colonization of the North Nigerian Muslim Emirates and Sultanates. The theoretical framework for it was drawn by the works of Frederic Lugard, the British practitioner and theoretician of colonial governance [Lugard 1922]. This territory had the most developed pre-colonial statehood in West Africa, as was believed, which made direct rule less necessary if not costly in terms of military presence. West African climate was considered to be unsuitable for Europeans which excluded serious settler movement. Sahel Muslim states had the umbrella power structure where local authorities recognized the divine superiority of the Sultan without practically obeying him. Therefore the conditions of colonial governance here drastically differed from those on the French-controlled territories [Adebajo, Rashid 2004: 33].

British administration chose to support the traditional elite in hope of maintaining status quo in West African societies providing favorable conditions for the operation of British capital. Educated locals were ignored as a potential alternative to traditional elites, being practically absent from the mid-level of colonial administration. African intellectuals' discontent with this situation caused them to actively join the decolonization movement. Adebajo and Rashid deduct that the arrival of these groups into power inevitably caused immediate decline in direct ties between the Great Britain and its former colonies (contrary to the French case in West Africa, where no Commonwealth parallel had emerged but instead

there was a set of specific integration mechanisms). This explanation is used by the two authors to understand why the new elite preferred the ideas of Pan-Africanism that emerged in the 19th century outside Africa in the US and West Indies [Adebajo, Rashid 2004: 33]. Adebajo and Rashid posit that the efforts of this new elite were instrumental in rapid dismantling of those few integration mechanisms that were left by the British colonial administration to consolidate its former territories (these mechanisms proved weak due to the overall decentralization of authority).

Apart from that, Adebajo and Rashid attach high importance to the fact that the British colonial policies in West Africa resulted in the creation of Nigeria. This country has accumulated inside its current borders a great diversity of ethnic and religious groups, frequently at odds with each other, and became the largest country in the subregion by territory and population with abundant economic resources and military potential. It became the natural pole of regional integration. As West Africa was decolonized in 1950—1960s, former overlords left the country with an administrative system capable of enduring the nation's unity despite the economic and political strife that followed independence [Adebajo, Rashid 2004: 36].

It was specifically marked that Nigeria became the self-evident subregional hegemon whose influence was resisted by former colonial powers, mainly France along with its regional allies. The most notable political leaders of *Françafrique*, Felix Houphouët-Boigny of Ivory Coast and Leopold Sedar Senghor of Senegal, convinced the French establishment to secretly intervene in the Nigerian civil war of 1967—1970 [Wauthier 2002: 2]. Separatists from the Igbo ethnicity residing mainly in the south-east of the country and suffering from streak of military coups and ethnic violence proclaimed an independent Republic of Biafra.

France and its allies hoped to provoke the break-up of Nigeria by assisting the rebels. Adebajo and Rashid suggest that had they succeeded, the balance of power inside West Africa would shift strongly in favor of Francophone countries. Nevertheless, the institutional sustainability and external aid helped Nigeria preserve its territorial integrity despite the odds, and the growth in global oil prices in 1970s (country's major export commodity) made Nigeria's

regional leadership even more evident [Wauthier 2002: 2]. The emergence of such a powerful player in West African politics is considered by the two researchers to be one of the crucial elements of British legacy [Adebajo, Rashid 2004: 32].

Thus the scholars enrich their analysis of West African integration premises with detailed assessment of regional commonalities and differences originating from the colonial era. The authors evaluate the intra-regional tensions based on the subregional entities' previous experience and the build-up of power balance. These roots of West African integration institutional peculiarities are much less addressed by other researchers, including those affiliated with the Kofi Annan Center.

Early Stage of West African Subregional Integration Development

The breakdown of the colonial system ignited the process of integration in West Africa, leading to the issue of defining sub-regional boundaries. According to Adebajo and Rashid, France's preserved influence and Nigeria's growing strength have made the issue of delineating West Africa's borders increasingly significant for the regional balance of power and the prospects of integration. The two authors indicate that in the early 1970s the negotiation process on the establishment of the West African Economic Union was marked by Leopold Sedar Senghor (closely connected with France despite certain left sympathies) demanding the recognition of West African borders from Cape Verde and Mauritania to Zaire (modern Democratic Republic of Congo) [Adebajo, Rashid 2004: 28]. He believed that Zaire's entry into the region could balance Nigeria as both of these countries, despite the internal problems, maintained a relatively equal potential to contain each other, allowing France and its satellites to play on these differences and strengthen their own regional position. Nevertheless, the Francophone states were not able to push this demand during negotiations and so the integration continued in its current borders (excluding Mauritania).

Adebajo and Rashid describe how newly independent West African states made numerous attempts to forge an intergovernmental regional organization, all unsuccessful due to diverging interests or not sufficiently developed. Reasons for these failures include, according to the researchers, the low trade

turnout between the regional states, problems with currency convertibility, language, ethnic or religious differences, lack of sectorial cooperation and external interference. However Nigeria's increased influence helped to overcome these problems [Geveling 2009: 13]. In 1972 Nigeria and Togo came up with joint initiative (communiqué of general Yacoubou Gowon and general Gnassingbe Eyadema during the former's visit to Lome in April 1972), starting the 3-year path towards forging the West African regional organization [Adebajo 2002: 28]. On May, 28 of 1975 the 16 West African states signed an agreement on the establishment of ECOWAS³.

The structure and performance mechanisms utilized by the newly emerged organization were designed to attain economic integration, customs and monetary union, fixing basic disproportions between the participant countries and enhancing sustainable growth. Nevertheless the authors note that the political will present in 1972—1975 to promote regional cooperation soon turned into increased skepticism by some of the region's leaders (particularly of the Francophone countries) regarding the effectiveness of ECOWAS. Low intensity of economic integration didn't allow an easy settlement for the region's differences.

Adebajo and Rashid consider low rate of economic integration and internal differences to still be the defining problems in organization's development despite gradual progress⁴. Thus they state that ECOWAS, being the key regional platform, was largely unable to overcome its major challenges in the economic field or bind the differences of its participants in terms of wealth and development rate. Such assessment goes against the postulates of the neo-Liberalism (viewing peaceful cooperation and equal integration as a universal means of conflict resolution). This fact predetermines a distance between Adebajo and Rashid on the one hand and the Kofi Annan Center representatives on the other.

³ Treaty of the Economic Community of West African States. Lagos, 28 May 1975. URL: http://www.internationaldemocracywatch.org/attachments/351_ecowas%20treaty%20of%201975.pdf (accessed: 11.11.2018).

⁴ Over the years of ECOWAS existence the internal trade turnout has grown only insignificantly, in 2010 reaching only 10% out of total trade turnout of the member states, nevertheless the countries are conducting a coordinated trade policy, specifically aimed at the international organizations and external partners. See: [Uexkull 2012: 416].

Nevertheless, Adebajo and Rashid recognize that the emergence of ECOWAS contributed to the establishment of a single subregional cooperation platform. It became one of the major tools for finding solutions to the pressing issues that West Africa faces as well as a mechanism for increased regional independence (primarily Francophone states' independence from France). Further development of subregional institutions, the field of security included, was made possible only because of ECOWAS, the two researchers assert. In this respects the authors are diverging from Western scholars who primarily note the importance of the large international organizations rather than ECOWAS [Adebajo, Rashid 2004: 40].

Difficulties in following the set ECOWAS economic agenda faced by the organization's members in the second half of the 1970s are believed by Adebajo and Rashid to have made the non-economic points of the agenda more important. The question of regional security was prominent among them pushing countries of the region to seek joint response to the threats that West Africa faced. In a period between 1976 and 1981 the organization has accepted protocols establishing the principles of collective security and providing the basis for the set-up of a regional peacekeeping force⁵.

The ECOWAS Role in the Liberian Conflict

The necessity to act upon these arrangements came in 1989—1990 as a civil conflict in Liberia became a threat to regional security and Liberian president Samuel Doe called for assistance from the states of the region in stabilizing the country [Adeleke 1995: 576]. This was the case because the US refused to play a more active role in defense of Doe due to the ensuing Gulf war and shifted priorities. In this situation the existing West African collective security arrangements proved to be the most reliable

⁵ Protocol on Non-Aggression. Economic Community of West African States. Lagos, 20 April 1978. URL: http://documentation.ecowas.int/download/en/legal_documents/protocols/Protocol%20on%20Non-aggression.pdf (accessed: 10.02.2017); Protocol Relating to Mutual Assistance of Defence. Economic Community of West African States. Free-town, 29 May 1981. URL: http://www.operationspaix.net/DATA/DOCUMENT/3827~v~Protocole_d_Assistance_Mutuelle_en_matiere_de_Defense.pdf (accessed: 10.02.2017).

mechanism of summoning external support as similar legal and organizational base for direct military intervention was lacking in other integration platforms that Liberia was part of. His call was negatively regarded by the Francophone states closely connected with France. Meanwhile Nigeria actively spoke out in favor of Doe and a possible intervention [Adeleke 1995: 577]. However other Anglophone countries of the region, Ghana and Sierra Leone, were more inclined towards a political solution to the conflict. But even this required the presence of peacekeepers on the ground with the capacity to provide the guarantees of security, stability of the negotiation process and the execution of the agreement reached. ECOMOG (ECOWAS Monitoring Group) was established [Adeleke 1995: 578].

Adebajo sees this mechanism as a way for Nigeria to maximize its regional influence against the Francophone resistance [Adebajo 2002: 37]. Formally the Nigerian leadership that was behind the composition of ECOMOG emphasized that West African countries should independently solve regional security issues, without external meddling of the former colonial powers, hence increasing the extent of West Africa's weight in the world [Kabia 2011: 4—5]. This was received by the former French colonies only as a means to further bolster its regional domination.

Nigeria had to be cleared of hegemonic ambition suspicions. That is how the two scholars explain why Arnold Quainu, a Ghanaian general was appointed to lead the ECOMOG troops on the ground. Nevertheless, it is underlined that Nigeria provided ECOMOG with 80% of its troops and 90% of its funds, loosing roughly 1,000 in that mission [Obi 2009: 121—122].

In the following years the major participants of the Liberian conflict split into multiple factions by ethnicity and specific personal loyalties. Their number swelled to 8 and none of them was able to score a decisive military victory and controlling most of the country's territory. The initial ECOWAS plan to fully disarm all parties in several weeks, establishing a provisional government composed of the neutral civilian public servants and holding presidential elections in 12 months has failed [Obi 2009: 121—122].

Adebajo and Rashid explain this by the fact that warlords were not content with giving up arms and

not receiving posts in the provisional government and because of it the hostilities endured. Nigerian leadership, playing the key role in ECOMOG, in further talks continued to push for non-participation of the warring parties in the provisional government which stalled the disarmament [Adeleke 1995: 581]. However after a serious internal political crisis of 1993—1998 and a successive transition of government to the civilians Nigeria no longer was willing to contribute to ECOMOG so actively [Adeleke 1995: 582]. Therefore part of its capabilities that were abandoned fell on Ghana to continue.

The country has traditionally maintained a position of neutrality and impartiality and lacking, in contrast to Nigeria, an explicit political interest in the situation. It was noted that the Ghanaian leadership represented by President Rawlings has shown more pragmatism and departed from warlords' non-participation in the provisional government. Nevertheless the talks were again stalled as only 3 factions were offered posts in the government. But despite all the odds Abuja in 1996 saw the signing of the final agreement between the warring factions.

In 1997 presidential elections took place, won by Charles Taylor, a warlord, and in 1998 ECOMOG forces left the country (however they had to return for a similar operation in 2003 as Taylor's regime experienced a military collapse) [Obi 2009: 124]. Thus the Liberian conflict was formally mediated with the participation of the ECOWAS mission based on the classical understanding of state sovereignty which became the basis for the completion of the peacekeeping mandate.

Nevertheless the two scholars critically note that this did not lead to either the cessation of conflict or prolonged regional stability. Internal tensions led to recommencement of hostilities in 1999 [Obi 2009: 124]. The final premise for the end of the conflict is considered by the two authors to be the decline of the Francophone countries' influence. After the death of Houphouët-Boigny and signs of a growing economic, ethnic and political crisis Ivory Coast took a more neutral stance on the Liberian conflict [Adeleke 1995: 583]. After 1993 the country slowly started to economically realign itself with the US instead of France. In its turn France experienced several severe setbacks in the 1990s, especially in Rwanda where the French peacekeepers were accused of complicity in the genocide [Moncrieff 2012: 7]. As a re-

sult France no longer could explicitly support figures politically compromised during the civil war despite the high returns of such cooperation. It is by this fact that the authors explain the change in the conflict dynamic and its completion in 2003 by the Accra accord without an active participation of ECOMOG [Adebajo, Rashid 2004: 16].

The dubious success of the ECOMOG operations in Liberia and Sierra Leone allows Adebajo and Rashid to question the effectiveness of the regional security mechanisms existent at that moment. In their 2004 book they emphasize the necessity of reform for these structures, namely codifying security as a broader notion of conflict prevention and resolution, sustaining a social-economic well-being to eliminate sources of conflict. Apart from that intensified cooperation in the ECOWAS political framework turned out to be necessary in order to properly monitor potential conflicts and find solutions. Elaborating the principles for early-warning reaction to crises like the one in Liberia also proved necessary. It is marked that a new ECOWAS treaty was signed at an early stage of the Liberian conflict, extending the peace and security agenda and broadening the notion of external and internal threats⁶. New threats indicated in the more recent ECOWAS documentation include fragmentation of political power in some West African societies, growing political influence of the non-state armed groups, weak state institutions and lack of public trust [Aning 2004: 534—535].

It was also noted that a more detailed analysis of the ECOWAS interventions in Liberia and Sierra Leone was undertaken inside the ECOWAS secretariat in late 1990s with the assistance of NGO's. On December 10th, 1999 Abuja saw the acceptance of a protocol project known as Protocol Relating to the Mechanism for Conflict Prevention, Management, Resolution, Peace-Keeping and Security⁷. According to this document, some responsibilities are transferred

⁶ Revised Treaty. Economic Community of West African States. Cotonou, 24 July, 1993. URL: <http://www.ecowas.int/wp-content/uploads/2015/01/Revised-treaty.pdf> (accessed: 12.11.2018).

⁷ Protocol Relating to the Mechanism for Conflict Prevention, Management, Resolution, Peace-Keeping and Security. Economic Community of West African States (ECOWAS). Lome, 10 December, 1999. URL: http://www.zif-berlin.org/fileadmin/uploads/analyse/dokumente/ECOWAS_Protocol_ConflictPrevention.pdf (accessed: 10.02.2017).

to the Council of Conflict Resolution and Security which is directly responsible for this set of problems. The Council also selects the respective committee responsible for harmonizing staff appointments and specific measures carried out by ECOWAS. The Council consists of 9 members (heads of state, ministers and ambassadors to Abuja) occupying their positions for 2 years on rotation basis (no rotation took place during the Liberian crisis leading to certain countries monopolizing the peace process). 6 votes out of 9 are enough to make the decision.

The Council gathers once every 3 months on the ministerial level and is constantly active on the ambassadorial level with the aid of the respective committee that provides technical and logistic expertise while also determining the national composition of the ECOWAS peacekeeping units and its commanders. The functioning of the committee might be assisted by other security structures as well. A Council of Experts was also summoned to receive timely information support in reacting to potential and existing conflict situations. This system is supplemented by the monitoring centers on the ground, set to preempt the premises for an outbreak of conflict [Aning 2004: 534—535].

Conclusion

Having considered all the aforementioned processes, Adebajo and Rashid indicate the ability of the West African regional institutions to adapt to changing conditions and raise their own effectiveness

despite the presence of serious problems and challenges with the existing system of collective security. According to their opinion, ECOWAS proved more effective in harsh African conditions of poverty and weak institutions than it could have been expected. Meanwhile the UN peacekeeping capacities in West Africa turned out to be limited to large conflicts only, excluding the intercommunal tensions especially common in the last decade. Thus African scholars now have the foundation for questioning the views of the British school of International Relations regarding the fact that effective value-oriented institutions capable of solving all intergovernmental problems peacefully can only emerge at a high stage of socio-economic and political development.

West African peacekeeping experience, as described by Adebajo and Rashid, is full of controversy, and therefore the authors can hardly be suspected in sharing the neo-Liberal stance regarding their belief that supranational mechanisms and respective values are a universal solution to any problem. But despite that the authors are able to make their own contribution into the understanding of regional integration in one of the most unstable regions of the world against the lack of necessary premises, according to the classic theories. Despite the African scholars' connection to the Western discourse in the field of International Relations analysis, these observations allow us to make a general conclusion that the prospects for the international relations studies on the African continent are quite broad and promising.

References

- Adebajo, A. (2002). *Building Peace in West Africa: Liberia, Sierra Leone, and Guinea Bissau*. Boulder, London: Lynne Rienner.
- Adebajo, A., & Rashid, I. (Eds). (2004). *West Africa's Security Challenges: Building Peace in a Troubled Region*. Boulder, London: Lynne Rienner.
- Adeleke, A. (1995). The Politics and Diplomacy of Peacekeeping in West Africa: The ECOWAS Operation in Liberia. *The Journal of Modern African Studies*, 33 (4), 569—593.
- Amin, S. (1972). Développement et transformations structurelles. *Tiers-Monde*, 13 (51), 467—490.
- Amin, S. (1968). Le développement du capitalisme en Côte d'Ivoire. In: Poirier, J. *Dans l'Économie Ostentatoire. Etudes sur l'Économie du Prestige et du Don*. Paris: Editions de Minuit. P. 208—209.
- Aning, K. (2004). Investing in Peace and Security in Africa: the Case of ECOWAS. *Conflict, Security & Development*, 3, 533—542.
- Aning, K., & Salihu, N. (2011). Accountability for Intervention: Negotiating Civilian Protection Dilemmas with Respect to Economic Community of West Africa States and Africa Union Interventions. *African Security*, IV (2), 81—99.
- Boateng, A.D.A., & Osei-Hwedie, K. (2017). Empowering Others: Motives and Strategies Successful Women Adopt. *Review of Social Studies (RoSS)*, 4 (1), 41—58.
- Bull, H. (1977). *The Anarchical Society: a Study of Order in World Politics*. London: Macmillan.
- Gbagbo, L. (1983). *Côte-d'Ivoire: Pour une Alternative Démocratique*. Paris: Harmattan.
- Geveling, A.L. (2009). *Foreign Capital in the Economy of Tropical African Countries (on the Example of Economic Community of West African States, ECOWAS)* [dissertation]. Moscow.

- Ginio, R. (2006). *French Colonialism Unmasked: the Vichy Years in French West Africa*. Lincoln and London: University of Nebraska Press.
- Kabia, J.M. (2011). *Regional Approaches to Peacebuilding: the ECOWAS Peace and Security Architecture*. Paper presented at the BISA—Africa and International Studies ESRC seminar series: African Agency in International Politics. African Agency in Peace, Conflict and Intervention at the University of Birmingham, 7th April, 2011. URL: <https://www.open.ac.uk/socialsciences/bisa-africa/files/africanagency-seminar2-kabia.pdf> (accessed: 20.01.2019).
- Keohane, R.O. & Nye, J.S. (2001). *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. 3rd edition. New York: Longman.
- Koulibaly, M. (2007). Côte d'Ivoire. A French Exception. *New African*, February, 40—42.
- Lugard, F.J.D. (1922). *The Dual Mandate in British Tropical Africa*. Edinburgh, London: William Blackwood and Sons.
- Mensa, K.M. (2014). Progressive Formation of Economic Community of Western Africa Countries (EKOVAS) for the Purpose of Economic Integration. *Business in Law*, 2, 245—246.
- Moncrieff, R. (2012). *French Relations with Sub-Saharan Africa under President Sarkozy South*. African Institute of International Affairs. Occasional Paper No 107, Johannesburg.
- Nkrumah, K. (1967). Neo-Colonialism: The Last Stage of Imperialism. *Science and Society*, 31 (1), 78—81.
- Obi, C. (2009). Economic Community of West African States on the Ground: Comparing Peacekeeping in Liberia, Sierra Leone, Guinea Bissau, and Côte d'Ivoire. *African Security*, 2, 119—135.
- Sankara, T. (1988). *Thomas Sankara Speaks: The Burkina Faso Revolution 1983—87*. URL: <https://vnn4h672d211.storage.googleapis.com/EgtjHtibl8ngeB4XYj11.pdf> (accessed: 10.01.2019).
- Sawyer, A. (2004). Violent Conflicts and Governance Challenges in West Africa: the Case of the Mano River Basin Area. *The Journal of Modern African Studies*, 42, 437—463.
- Searing, J.F. (2005). Senegal: Colonial Period: Four Communes: Dakar, Saint-Louis, Gorée, and Rufisque. In: *Encyclopedia of African History*. Vol. 3. Ed. by K. Shillington. New York, London: Fitzroy Dearborn, p. 1334—1335.
- Uexkull, E. (2012). Regional Trade and Employment in ECOWAS. In: *Policy Priorities for International Trade and Jobs*. Ed. by D. Lippoldt. OECD, 2012. URL: <https://www.oecd.org/site/tadicite/50288711.pdf> (accessed: 20.01.2019).
- Watson, A. (2009). Hedley Bull, States Systems and International Societies. *Review of International Studies*, 14, 147—153.
- Wauthier, C. (2002). Jacques Foccart et les Mauvais Conseils de Félix Houphouët-Boigny. *Les Cahiers du Centre de Recherches Historiques. Archives*, 30, 1—3.

Received: 03.03.2019

For citations: Shipilov, A.Yu. (2019). West African International Studies: Approaches to Regional Security. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (2), 207—217. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-207-217.

About the author: Shipilov Alexander Yurievich — postgraduate student at the Institute of World History (Russian Academy of Sciences), junior fellow researcher at the Laboratory for the Institutional History of the 20th Century, Institute of World History (Russian Academy of Sciences) (e-mail: alexmo1994@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-207-217

Проблематика региональной безопасности в работах западноафриканских исследователей международных отношений

А.Ю. Шипилов

Институт всеобщей истории Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация

В настоящей работе освещаются наиболее значимые направления западноафриканской мысли в рамках анализа международных отношений, в том числе в сфере региональной безопасности. Рассматриваются основные школы исследований данной проблематики на основе работ местных экспертов, переосмысливающих основные установки неореалистских, неолиберальных и марксистских подходов. В частности, исследуются различные трактовки роли наднациональных региональных структур в разрешении региональных конфликтов на примере либерийской гражданской войны.

Центральное место занимает анализ работ Адекейе Адебаджо и Исмаила Рашида, ведущих западноафриканских специалистов по региональной безопасности. Отражена их оценка перспектив институтов коллективной безопасности в наиболее бедных и нестабильных регионах мира.

Цель работы — определить, насколько оригинальными являются подходы А. Адебаджо и И. Рашида в сравнении с их западными и африканскими коллегами, а также то, насколько анализ гражданских конфликтов в Западной Африке 1990—2000-х гг. повлиял на становление теоретических взглядов этих исследователей и в целом способствовал развитию науки о международных отношениях в Африке.

Исследование опирается на компаративистский и историко-генетический методы, а также на метод кейс-стади. Представлены основные элементы проведенного А. Адебаджо и И. Рашидом анализа успехов и неудач западноафриканской интеграции, а также оценки перспектив силового компонента ЭКОВАС. Проведено сравнение их позиции как с взглядами региональных коллег из иных научных школ, так и с положениями теорий, распространенных на Западе и оказавших на авторов наибольшее влияние.

Ключевые слова: Западная Африка, региональная интеграция, Либерия, международные отношения, коллективная безопасность, английская школа

Библиографический список

- Гевелинг А.Л.* Иностраный капитал в экономике стран Тропической Африки (на примере Экономического Сообщества Западноафриканских Государств, ЭКОВАС): дис. ... канд. экон. наук. М., 2009.
- Менса К.М.* Прогрессивное формирование экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС) с целью экономической интеграции // *Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал*. 2014. № 2. С. 245—246.
- Adebajo A.* Building Peace in West Africa: Liberia, Sierra Leone, and Guinea Bissau. Boulder, London: Lynne Rienner, 2002.
- Adeleke A.* The Politics and Diplomacy of Peacekeeping in West Africa: the ECOWAS Operation in Liberia // *The Journal of Modern African Studies*. 1995. Vol. 33. No 4. P. 569—593.
- Amin S.* Développement et Transformations Structurelles // *Tiers-Monde*. 1972. Т. 13. No 51. P. 467—490.
- Amin S.* Le Développement du Capitalisme en Côte d'Ivoire // *Dans l'Économie Ostentatoire. Etudes sur l'Économie du Prestige et du Don*. Ed. by J. Poirier. Paris: Editions de Minuit, 1968. P. 208—209.
- Aning E.K.* Investing in Peace and Security in Africa: the Case of ECOWAS // *Conflict, Security & Development*. 2004. No 3. P. 533—542.
- Aning K., Salihu N.* Accountability for Intervention: Negotiating Civilian Protection Dilemmas with Respect to Economic Community of West Africa States and Africa Union Interventions // *African Security*. 2011. Vol. IV. No 2. P. 81—99.
- Boateng A.D.A., Osei-Hwedie K.* Empowering Others: Motives and Strategies Successful Women Adopt // *Review of Social Studies (RoSS)*. 2017. Vol. 4. No 1. P. 41—58.
- Bull H.* The Anarchical Society: a Study of Order in World Politics. London: Macmillan, 1977.
- Gbagbo L.* Côte-d'Ivoire: Pour une Alternative Démocratique. Paris: Harmattan, 1983.
- Ginio R.* French Colonialism Unmasked: the Vichy Years in French West Africa. Lincoln and London: University of Nebraska Press, 2006.
- Kabia J. M.* Regional Approaches to Peacebuilding: the ECOWAS Peace and Security Architecture. Paper presented at the BISA—Africa and International Studies ESRC seminar series: African Agency in International Politics. African Agency in Peace, Conflict and Intervention at the University of Birmingham, 7th April, 2011. URL: <https://www.open.ac.uk/socialsciences/bisa-africa/files/africanagency-seminar2-kabia.pdf> (accessed: 20.01.2019).
- Keohane R.O., Nye J.S.* Power and Interdependence: World Politics in Transition. 3rd edition. New York: Longman, 2001.
- Koulibaly M.* Côte d'Ivoire. A French exception // *New African*. 2007. February. P. 40—42.
- Lugard F.J.D.* The Dual Mandate in British Tropical Africa. Edinburgh, London: William Blackwood and Sons, 1922.
- Moncrieff R.* French Relations with Sub-Saharan Africa under President Sarkozy. South African Institute of International Affairs. Occasional Paper No 107. Johannesburg, 2012.
- Nkrumah K.* Neo-Colonialism: The Last Stage of Imperialism // *Science and Society*. 1967. Vol. 31. No 1. P. 78—81.
- Obi C.* Economic Community of West African States on the Ground: Comparing Peacekeeping in Liberia, Sierra Leone, Guinea Bissau, and Côte d'Ivoire // *African Security*. 2009. Vol. 2. P. 119—135.
- Sankara T.* Thomas Sankara Speaks: The Burkina Faso Revolution 1983—87. URL: <https://vnn4h672d211.storage.googleapis.com/EgrjHtibl8ngeB4XYj11.pdf> (accessed: 10.01.2019).
- Sawyer A.* Violent Conflicts and Governance Challenges in West Africa: the Case of the Mano River Basin Area // *The Journal of Modern African Studies*. 2004. Vol. 42. P. 437—463.
- Searing J.F.* Senegal: Colonial Period: Four Communes: Dakar, Saint-Louis, Gorée, and Rufisque // *Encyclopedia of African History*. Vol. 3 / Ed. by K. Shillington. New York, London: Fitzroy Dearborn, 2005. P. 1334—1335.
- Uexkull E.* Regional Trade and Employment in ECOWAS // *Policy Priorities for International Trade and Jobs* / Ed. by D. Lipoldt. OECD, 2012. URL: <https://www.oecd.org/site/tadicite/50288711.pdf> (accessed: 20.01.2019).
- Watson A.* Hedley Bull, States Systems and International Societies // *Review of International Studies*. 2009. Vol. 14. P. 147—153.

West Africa's Security Challenges: Building Peace in a Troubled Region / Ed. by A. Adebajo, I. Rashid. Boulder, London: Lynne Rienner, 2004.

Wauthier C. Jacques Foccart et les Mauvais Conseils de Félix Houphouët-Boigny // Les Cahiers du Centre de Recherches Historiques. Archives. 2002. No 30. P. 1—3.

Дата поступления статьи: 03.03.2019

Для цитирования: *Shipilov A.Yu. West African International Studies: Approaches to Regional Security // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 2. С. 207—217. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-207-217.*

Сведения об авторе: *Шипилов Александр Юрьевич* — аспирант Института всеобщей истории РАН, младший научный сотрудник лаборатории «Институциональная история XX века» Института всеобщей истории РАН (e-mail: alexmo1994@gmail.com).

© Shipilov A.Yu., 2019

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-218-233

Латиноамериканские исследования интеграции: от периферийного капитализма к «Судамекзиту»

Л.С. Хейфец, К.А. Коновалова

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Исследовательский интерес латиноамериканистов традиционно привлекают интеграционные процессы в изучаемом регионе. За последние десятилетия в рамках латиноамериканской интеграции было апробировано множество институциональных структур, начиная от относительно однородных субрегиональных торговых блоков — САСМ, LAFTA и т.д. до многофункциональных партнерств с компонентом формирования идентичности, таких как Unasur или CELAC.

Представляя обзор литературы, авторы показывают, как латиноамериканский интеграционизм трансформировался, проходя последовательно фазы «старого», «открытого» и «постлиберального» регионализма. Хотя типы интеграции на каждом из периодов существенно различались, ученые подходят к ним совершенно одинаково. Они занимаются социальным проектированием региона и используют такие базовые концепции, как *globalización*, *soberanía* и *desarrollo*. Теория и практика латиноамериканской интеграции всегда были тесно переплетены. Авторы выделяют три сегодняшних латиноамериканских «больших дискурса» об интеграции — политико-экономический, геополитический и государственноцентричный. Каждый из этих дискурсов учитывает внутренние и внешние условия, которые привели к постлиберальной фазе интеграции.

В статье представлены экспертные прогнозы о перспективах региональных объединений на фоне кризисных тенденций последних лет. Латиноамериканские эксперты сходятся во мнении, что региональная интеграция вступила в новую фазу, важнейшими чертами которой являются замедление глобализации, осложнение межамериканских отношений из-за «фактора Трампа», упадок левых прогрессистских сил в регионе.

Богатая историография других национальных школ, в частности российской, по латиноамериканскому регионализму, не являясь предметом авторского анализа, учитывается в данной работе в той мере, в которой авторы могут опираться на нее для пояснения отдельных латиноамериканских концепций и расширения своей аргументации.

Ключевые слова: Латинская Америка, интеграция, исследования интеграции, регионализм, MERCOSUR, UNASUR, ALBA, Тихоокеанский Альянс, CELAC

Влияние интеграционных процессов на политическую и социально-экономическую динамику, складывание международной идентичности Латинской Америки (ЛА) исторически велико. Это обуславливает тот факт, что в самом регионе интеграционистика всегда занимала особое место в международных исследованиях и оказала большое влияние на становление социальных наук в принципе [Perrotta 2018: 13].

Целью работы является выявление особенностей взглядов латиноамериканских ученых на важнейшие современные интеграционные модели в регионе. Базируясь на общенаучных (анализ, синтез, концептуализация) и специальных (историко-описательном, историко-сравнительном, системном) методах, авторы выявляют ведущие элементы и специфические типы различных представлений о латиноамериканской интеграции в связи с региональной исторической обстановкой.

Некоторые замечания о развитии латиноамериканской интеграции

Несмотря на то что сам ход латиноамериканской интеграции не является предметом настоящего исследования, для его целей представляется необходимым сжато, контекстно обрисовать ее историческое развитие. Считается, что регионализм в Латинской Америке представлен тремя последовательными «волнами».

1. Период старого регионализма (с 1960-х гг. до окончания холодной войны). В теоретическом смысле он базировался на концепциях периферийного капитализма, разработанных Р. Пребишем, С. Фуртаду, Т. душ Сантушем и рядом других, как правило, латиноамериканских специалистов в области экономики. «Ядром» этих теоретических установок являлось восприятие интеграции как инструмента содействия запоздалой модернизации национальных хозяйств стран

региона. Межгосударственные объединения обещали «приращение» изначально недостаточной емкости национальных латиноамериканских рынков, что, в свою очередь, должно было стимулировать импортозамещающее развитие промышленности в регионе [Zelada Castedo 2005: 115—116]. Как следствие осуществления этой программы в ЛА появились типовые субрегиональные замыслы построения торгово-экономических союзов (Латиноамериканская ассоциация свободной торговли, Центральноамериканский общий рынок и др.), которые, адаптируясь к неоднородности развития стран региона, со временем сконцентрировались вокруг нескольких «геоэкономических очагов» — карибского, андского и ла-платского. Внутри последних уже складывались условия для появления таких ныне существующих экономических объединений, как Карибское сообщество (CARICOM), Андское сообщество наций (CAN), MERCOSUR.

2. Период «нового», или «открытого», регионализма (1990-е гг.). В это время региональная интеграция сохранила свою приоритетную торгово-экономическую ориентацию, но ее философия существенно обновилась. Во-первых, акцентирование импортозамещения оказалось исчерпанной схемой, поскольку привело латиноамериканские страны к тяжелому долговому кризису 1980-х гг. Выход из тупика внешней задолженности страны ЛА искали с активной помощью «международных финансовых организаций, подталкивавших их к проведению крупных структурных реформ для перехода к модели открытой рыночной экономики, либерализации внешней торговли», участию в глобальных торговых объединениях (ГАТТ—ВТО) [Интеграционные процессы в Латинской Америке... 2012: 12—13].

Второй момент был связан с процессами демократизации в ЛА. Хотя латиноамериканские диктаторские правительства не были чужды экономическим течениям, отсылающим к логике открытого рынка, их государственно-политические принципы вели к возникновению в регионе тормозящих интеграцию конфронтационных расколов — по линиям борьбы правых и левых режимов, конкуренции среди доминирующих стран. Классическими примерами могут быть аргентинско-бразильское противоборство в период существования военных правительств (конец которому, в общем смысле, положило создание MERCOSUR уже при реставрации демократии

в обеих странах) или выход Чили при А. Пиночете из CAN.

Помимо снятия проблемы межгосударственных трений демократизация породила особый «идейный код», воспринимаемый элитами региона. Он основывался на убеждениях об универсальных общечеловеческих ценностях и растущей взаимозависимости обществ, государств и хозяйственных комплексов, а значит, делал неактуальными любые формы национализма. Это обстоятельство предопределило моральную победу крупного, способного к транснационализации, бизнеса над интересами прежних изоляционистско-дессарольистских элит и привело к тому, что «глубокая экономическая интеграция» стала развиваться как на базе уже имевшихся интеграционных блоков (CAN, в частности, тогда поставило цель достигнуть формата экономического сообщества по примеру Европейского союза, которая так и не была реализована), так и вдохновлять новые (MERCOSUR).

Сочетание философии свободного рынка и демократического мышления подготовило появление и принципиально нового качества интеграции — по линии «Север—Юг» (Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА), инициатива Панамериканской зоны свободной торговли (ALCA)). Проект ALCA оказался экстраординарным в том плане, что представлял собой исторически последнюю явную попытку США возглавить процесс латиноамериканской регионализации. И хотя инициатива ALCA была окончательно провалена в 2005 г., основополагающий принцип «США в роли главного интегратора Латинской Америки» косвенным образом воплотился в проекте Тихоокеанского альянса (AP). Говорить об этом позволяют, по меньшей мере, два обстоятельства.

Во-первых, все члены данного альянса оказались включены в систему отношений свободной торговли с США при возможности дальнейшего углубления экономической интеграции с ними.

Во-вторых, в то время, как в латиноамериканской интеграционной мысли и политике в начале 2010-х гг. господствовали уже «лево-суверенизаторские» устремления, о которых речь пойдет ниже, AP объединял принципиальных приверженцев неолиберальных ценностей.

3. Период «постлиберального» регионализма. Его старт приходится на начало 2000-х гг. [Briceño Ruiz 2017: 27—34]. «Постлиберальному»

регионализму может быть придан узкий и широкий смысл. В узком смысле речь идет о периоде появления в регионе группировок, во-первых, с радикальным расширением самой повестки интеграции (особенно за счет проблем социального прогресса, безопасности, политической стабильности, экологического благополучия; поэтому «постлиберальный» регионализм часто называется также «социальным» или «инклюзивным»), во-вторых, с принципиальной установкой на диверсификацию внешних связей, укрепление самостоятельной международной акторности латиноамериканского региона. В отдельных случаях эта диверсификация предполагает острую антизападную и антиамериканскую позицию (как, например, Боливарианский альянс для нашей Америки (ALBA), которую считали прямой альтернативой проекта ALCA), но чаще она исходит из требования превращения ЛА в один из полюсов полицентричного мира (как в Сообществе стран Латинской Америки и Карибского бассейна (CELAC)). Важно добавить, что в концептуальном плане постлиберальные интеграционные проекты, за редкими исключениями, отталкивались от перегибов неолиберальной традиции 1990-х гг., принесших странам региона социально-экономический хаос и не решивших проблему зависимости от государств «центра».

В широком смысле постлиберальный период — это в целом период современный, связанный с сосуществованием в регионе большого многообразия идеологически и институционально разноплановых интеграционных схем, от «старых» экономических блоков до альянсов, основанных на дискурсе восхождения «Глобального Юга» (ALBA, CELAC, Южноамериканское сообщество наций (UNASUR)). Они развивались не изолированно, а во взаимовлиянии, являясь отражением многообразия тенденций и контртенденций глобализации. Несмотря на различия в интеграционных тенденциях «трех волн», в специфике научных подходов к латиноамериканскому регионализму, соответствующих каждой из них, можно найти преемственность.

Во-первых, для всех трех волн в принципе справедливо замечание о тесной взаимосвязи теории и политики интеграции [Perrotta 2018: 19]. Теоретики ранней интеграции в регионе часто совмещали посты практиков — президентов, министров, дипломатов, и непосредственно воплощали свои наработки в жизнь. Как известно,

например, Р. Пребиш работал в Экономической комиссии для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК), вдохновившей «старую» интеграцию, а Ф. Кардозу на посту президента Бразилии (1995—2003) сыграл важную роль в становлении MERCOSUR¹. Первые центры, где развивались интеграционные исследования, — ЭКЛАК, Латиноамериканский факультет социальных наук (Facultad Latinoamericana de Ciencias Sociales (FLACSO)), Институт латиноамериканской интеграции (Instituto para la Integración de América Latina (INTAL)), Латиноамериканский совет социальных наук (Consejo Latinoamericano de Ciencias Sociales (CLACSO)) появились в 1940—1960-е гг. — раньше или почти одновременно с первыми практическими опытами интеграции.

В текущий период «постлиберального» регионализма, по мнению Д.В. Перротта, практика интеграции стала предшествовать теории, исследователи начали скорее осмысливать, а не конструировать возникшие усилиями политических элит и требованиями обществ объединительные проекты [Perrotta 2018: 20]. Также необходимо отметить постоянное взаимовлияние состояния теоретических подходов к интеграции и ее реальных векторов развития, поскольку без соответствующей поддержки в дискурсивном поле идущий крайне неравномерно интеграционный процесс не смог бы на протяжении шести десятков лет оставаться релевантной опцией международного курса стран региона.

Так, примером политико-теоретического «симбиоза» в «постлиберальной» интеграции могут послужить усилия правительств Партии трудящихся в Бразилии (2003—2016) по расширению MERCOSUR, созданию Южноамериканского сообщества наций (UNASUR) и — тогда же — популяризации в бразильских международных исследованиях концепции «логистического государства». Созданная историком А. Серву, она видела во всемерной поддержке южноамериканской интеграции способ создать благоприятные внешние условия для стремительно растущей тогда бразильской экономики и повысить тем са-

¹ Ф. Кардозу, как и Р. Пребиш, считается разработчиком теории зависимого развития, хотя в своей политической деятельности он выступал уже с позиций неолиберализма, формулируя установки, укладывающиеся в парадигму «открытой» интеграции.

мым ее шансы на глобальную конкурентоспособность [Bernal Meza 2015: 24—25].

Во-вторых, все интеграционистские исследования отталкиваются от трех базовых концептов — *глобализация, независимость, развитие*.

По сути, категорию *глобализации* уже учитывали в своих построениях исследователи «старой» интеграции. В работах авторов теории зависимого развития говорилось о мир-системе и негативных эффектах включенности (*inserción*) в нее Латинской Америки [Pérez Caldentey, Sunkel, Torres Olivos 2013: 6]. Однако и для современных ученых-интеграционистов глобализация предстает объективным, необратимым процессом, ответ на который для латиноамериканских политических систем и обществ призвана дать региональная интеграция². Для теоретиков «старой» интеграции этот ответ должен был быть «приспособлением», поскольку создание торгово-экономических союзов позволяло нивелировать негативные структурные факторы, постоянно действующие на латиноамериканские хозяйственные комплексы. Этап «открытой» интеграции предполагает «принятие» глобализации. Здесь идея интеграции состоит в том, чтобы совместить национальные и универсальные цели и ценности и тем самым включить латиноамериканские страны в состав «ответственного» и «цивилизованного» мирового сообщества [Vigevani, de Oliveira, Cintura 2003; Cortes 2002]. Наконец, «постлиберальный» этап трактуется учеными как выдвигающий альтернативы глобализации за счет придания ей более плюралистического, справедливого для стран Юга качества [Mijares 2017: 210].

Развитие предстает универсальным императивом интеграции. Как показано Х. Брисеньо Руисом (Андский университет, Венесуэла), «старые» и «постлиберальные» интеграционные форматы прямо подразумевают распространение в регионе политэкономических моделей «государства развития» [Brisceño Ruiz 2013: 22], где акцентируются либо догоняющая модернизация, либо социально ответственный капитализм. Что касается «открытой» интеграции, то и ее идеальной целью было обеспечение депериферизации латиноамериканских стран посредством их доступа не только к кредитам, технологиям, передовым управленческим практикам, но и тем союзникам и многосторонним структурам, которые могли бы стать мощными источниками внешней легитимности для их молодых демократий. Например, Ф. Сантос Каррильо полагает, что «открытая» модель Центральноамериканской интеграционной системы (SICA) «подстегнула» развитие проблемного Центральноамериканского региона, не только более адекватно встраивая его в мировую капиталистическую систему, но и способствуя консолидации мира (после разрешения Центральноамериканского конфликта) и поддержанию демократии [Santos Carillo 2014].

Концепт *независимости* можно считать пронизывающим всю латиноамериканскую интеграционистику, так как в его рамках решается вопрос об институциональных пределах интеграции. Несмотря на то, что ролевой моделью для инициаторов интеграции в регионе неизменно выступал Европейский союз, ни одно из объединений так и не достигло качества подлинной наднациональности. Современные латиноамериканские специалисты склонны верить скорее в невозможность наднациональной интеграции в регионе по причинам, лежащим в сфере правовой и политической культуры латиноамериканцев и ведущим к своего рода «сакрализации» категорий национального суверенитета и невмешательства во внутренние дела. Как отмечает А. Сербин (Региональный центр экономических и социальных исследований (Coordinadora Regional de Investigaciones Económicas y Sociales (CRIES), Аргентина), мифология неприкосновенности национального суверенитета последовательно внедрялась в юридические основы всех латиноамериканских многосторонних структур [Serbin 2013: 68]. К концепту независимости также привязаны попытки теоретического осмысления интеграции как инструмента, позволяющего латиноамериканским странам «интернализировать» ход своего внутреннего развития и поиск пути на международной арене, защитившись от «поглощения» инициативами, навязанными представителями развитого мира. В этом ключе рассуждали как представители «старой» интеграционистской школы А. Феррер, Х. К. Пьюиг [Granato,

² Подробный обзор латиноамериканской глобалистики производился, например, отечественным латиноамериканистом А.Н. Пятаковым. См.: [Пятаков 2018a].

Oddone, Battaglia 2016: 155—158], так и исследователи «постлиберального» периода. Например, Д. Тусси (FLACSO), популяризирующая концепцию «постгегемонического» регионализма, считает, что принципиальное качество текущей интеграции в регионе — это исключение из нее США, которые исторически задавали тон местным объединительным тенденциям [The Rise of Post-Hegemonic Regionalism... 2012].

Латиноамериканская интеграционистика «постлиберального периода»

Среди оказавших решающее влияние на становление и развитие латиноамериканской интеграции в XXI в. можно назвать следующие факторы:

— на страновом уровне — появление режимов с левой идеологией. Значимые для регионализма постлиберального периода альтерглобализм, социальная справедливость входили в повестку новых латиноамериканских левых;

— на региональном уровне — ослабление внимания к латиноамериканским делам США при одновременном появлении в региональном пространстве новых игроков, ассоциирующихся с наступлением многополярного мира (прежде всего, таковым можно было считать Китай);

— на глобальном уровне — на фоне исчерпания негативных последствий экономических неурядиц конца прошлого столетия — «великая рецессия» 2008 г., дискредитировавшая мировой неолиберальный капитализм, но одновременно благоприятная для стран-экспортеров *commodities* глобальная рыночная конъюнктура.

Эта совокупность условий позволяет выделить три условных «больших дискурса», в рамки которых можно поместить частные теоретические подходы к основным интеграционным проектам Латинской Америки на современном этапе.

Политэкономический дискурс описывает отношение интеграционных начинаний к мировой капиталистической системе.

Характерным примером является концепция Х. Брисеньо Руиса о трех осях интеграции и трех идеальных типах экономического регионализма. К оси *открытого регионализма* ученый относит NAFTA и Тихоокеанский альянс. Этим объединениям соответствует тип *стратегического* эконо-

мического регионализма, который реализуется глобалистски ориентированными правительствами и интернационализированным бизнесом, стремящимся к эффективной конкурентной борьбе на рынках развитого мира. Стратегический регионализм охватывает исключительно торгово-экономическую область. Южноамериканский общий рынок (MERCOSUR) представляет собой ось так называемого *ревизионистского регионализма*. Имеется в виду, что поначалу члены MERCOSUR тоже избрали путь «открытой» регионализации (в этом духе был подписан Асунсьонский договор), но постепенно отступили от него: экономическая интеграция застыла на стадии таможенного союза, в 2000-е гг. проявилось выраженное дистанцирование этого торгового блока от взаимодействия с США по законам открытого рынка.

С точки зрения выбора модели экономического регионализма MERCOSUR является гибридным проектом. «Стратегический» тип регионализма выдает ориентация блока на активную, наступательную торгово-инвестиционную повестку в условиях либеральной капиталистической экономики. *Производственный* экономический регионализм, отсылающий к пребишпианским идеям 1970-х гг. и предполагающий посредством интеграции расширение внутренних национальных латиноамериканских рынков, стимулирование развития промышленности, тоже свойствен MERCOSUR с его протекционизмом как двигателем национального индустриального строительства, межнациональными производственными цепочками и мерами преодоления структурных асимметрий экономик стран-членов [Разумовский 2018: 34].

Наконец, MERCOSUR присущ *социальный регионализм*, так как еще с 1990-х гг. и особенно после формирования «Буэнос-Айресского консенсуса» президентами Аргентины и Бразилии Н. Киршнером и Л.И. Лулой да Силвой в 2003 г. в его интеграционную схему стали постепенно включаться сюжеты, связанные с лучшим обеспечением социальных прав человека (на труд, образование, здравоохранение и т.д.) [Briceño Ruiz 2013]. По этой причине профессор М. Васкес называет MERCOSUR примером «инклюзивного регионализма» [Vázquez 2011].

Антисистемную ось составляет объединение ALBA, противопоставляющее себя логике либерального капитализма в принципе. Модель экономической интеграции ALBA также гибридна, сочетает социальный и производственный типы: при безусловном акцентировании социальных моментов ALBA стремилась сближать и стимулировать крупных национальных производителей, особенно в сфере энергоресурсов [Briceño Ruiz 2013: 17—18, 32—34].

Политэкономическая парадигма также обращает внимание на «новые» (относительно тенденций 1960-х — начала 2000-х гг.) объединения, для которых экономическая интеграция вообще не являлась первопричиной; вместо нее главную роль играло формирование общей идентичности или совершенствование политических процессов. К ним относят, прежде всего, CELAC [Briceño Ruiz 2013: 36].

Геополитический дискурс исходит из идеи, что в Латинской Америке существуют различные определяемые пространственными факторами полюсы интеграции, придающие специфику акторности региона в мировой политике.

Наиболее часто ученые говорят о двух полюсах — вокруг атлантического и тихоокеанского побережий обеих (за счет Мексики) Америки. К атлантической группировке относят MERCOSUR, UNASUR, ALBA, к тихоокеанской — AP.

По мнению А. Сербина, геополитическая поляризация латиноамериканской интеграции является функцией глобальных процессов — подъема азиатско-тихоокеанских стран при сохранении в старом евроатлантическом мире основного фокуса мировой экономики, прогресса, деловой активности. Латинская Америка в этих условиях оказывается «расколотой»: атлантический полюс «смотрит» на Европу и США из соображений о ценностно-идентичностной и цивилизационной близости, тихоокеанский — обращен к Азиатско-Тихоокеанскому региону в поисках новых возможностей. Как показано мексиканскими учеными Х.П. Прадо Лальянде и Р. Веласкесом Флоресом, «внешнее формирование идентичности» особенно значимо для модели AP, который предстает «единственным интеграционным механизмом в Латинской Америке, открыто заявляющим цель укрепления связей с другим, Азиат-

ско-Тихоокеанским регионом» [Prado Lallande, Velázquez Flores 2016: 79—80]. Так как усугубление поляризации интеграции способно законсервировать Латинскую Америку в маргинальном состоянии, растет значимость панлатиноамериканских структур — CELAC [Хейфец, Хадорич 2015: 90—100], ориентированных на универсальность, многообразие внешних связей и со старыми западными партнерами, и с поднимающимися державами Азии и вообще «Глобального Юга» [Serbín 2014: 17—25].

Вместе с тем ряд экспертов считают дискурс о расхождении латиноамериканских интеграционных блоков по геополитическим полюсам хотя и влиятельным, но умозрительным. В частности, Х.А. Санауха (CRIES) считает, что тезис о «двух Латинских Америках» — это скорее программа мобилизации отдельных политико-идеологических сил — условных «либералов» и «неодесарролистам». В реальности же, по мнению исследователя, различия между блоками нивелируются сходствами их членов по структуре и проблемам экономики, большой зависимостью от глобальной рыночной конъюнктуры. Именно эти факторы оказали важное влияние на становление всех рассматриваемых интеграционных дизайнов [Sanahuja 2016: 29—34]. Аргентинские международники Н. Комини и Т. Бонтемпо также говорят об искусственном характере концепта «двух Латинских Америк». По их мнению, данный концепт имел нормативистское назначение — создать иллюзию правильности и превосходства одного сценария интеграции (либерального тихоокеанского) над другим (неодесарролистским атлантическим). Реальные возможности для конвергентного сосуществования всех стран-членов демонстрируют опыт UNASUR и CELAC³. В то же время Н. Комини и Т. Бонтемпо солидарны с констатирующей объективностью разрыва А. Сербином: раскол Латинской Америки, даже в дискурсивном поле, представляет собой вызов ее благополучному развитию [Comini, Bontempo 2016].

Государствоцентричный дискурс подразумевает, что интеграция внутренне иерархизирует

³ Изначально в UNASUR вошли 12 из 14 стран Южной Америки, а в CELAC — все 33 страны Латинской Америки.

регион, выделяет центры силы и сферы их влияния. В рамках этой парадигмы интеграционные сценарии рассматриваются как инструменты обеспечения лидерства ведущих государств региона.

Классическими странами-интеграторами выступают Бразилия, Венесуэла, Мексика, а также США.

Считается, что бразильская интеграторская модель XXI в. базируется на концепте «южноамериканскости» (*sudamericanidad*) [Pereyra Doval 2014: 160—167], который предполагает, что Бразилия стремится создать в рамках южноамериканского субрегиона замкнутую общность стран, находящихся в орбите влияния ее транснационального капитала, политических ценностей, и в зависимости от ее способностей урегулировать региональные кризисы. Для достижения этих целей используются, во-первых, узкоспециализированные площадки межгосударственной кооперации, например, Инициатива интеграции региональной инфраструктуры в Южной Америке (IIRSA), во-вторых, многоцелевые интеграционные блоки, например, MERCOSUR с его Фондом структурной конвергенции, посредством которого Бразилия превращается в ведущего инвестора малых стран Ла-Платы, или же UNASUR с его концепцией Южноамериканского совета обороны, чей потенциал должен был опираться на бразильские вооруженные силы.

По мнению многих авторов, MERCOSUR был первичной ступенью бразильского лидерского проекта. Во-первых, он позволял решить проблему «нейтрализации» Аргентины, которая не стала бросать вызов бразильской «благожелательной гегемонии» в обмен на торгово-экономические выигрыши от тесных отношений со своим соседом [Miranda 2015: 47—48]. Во-вторых, он обладал большим потенциалом расширения: путем соединения или с CAN [Da Silva Guevara 2016], или с ведущими игроками ALBA — Венесуэлой, Боливией, Эквадором [Merino 2017: 21—22]. В конечном итоге оба эти варианта подвели проект к институционально-идентичностной «перезагрузке» и универсализации повестки, то есть предвещали необходимость создания UNASUR⁴.

⁴ Подробно о концепции UNASUR и роли Бразилии в нем см., например: [Пятаков 2018б].

В оценках бразильского лидерского проекта важно обратить внимание также на то замечание, что южноамериканская интеграционистская политика Бразилии соотносится с процессом поиска ею более заметной роли на глобальной арене [Pereyra Doval 2014: 162]. Продвигая интеграцию в своем регионе, Бразилия «стремилась соответствовать ожиданиям мирового сообщества, которое видит в ней единственного актора, способного гарантировать региональную стабильность, и основного дееспособного собеседника [в Южной и вообще Латинской Америке]» [Torres del Sel 2013: 36—39].

У венесуэльского проекта ALBA выделяются следующие основные черты: выраженная политико-идеологическая ориентация (необоливарианизм) и антиамериканизм.

Как считает М.М. Торрес дель Сель, ALBA предстает антитезой традиционного панамериканизма, вдохновляемого США. При продвижении своих интеграционистских интересов ALBA активно использует экономические рычаги и особенно нефтяную ренту. Она балансирует между возможностями оппонировать бразильскому проекту или выстраивать с ним осторожные диалоговые отношения. По существу, укрепление отношений с MERCOSUR в целом и Аргентиной в частности продвигало Боливарианскую Республику по обоим направлениям [Torres del Sel 2013: 33—36]. ALBA также оказалась проводником глобальной политики Каракаса, нацеленной на поиск союзников среди «противников западного империализма». В. Рувинским (Университет ICESI, Колумбия) это продемонстрировано на примере российско-венесуэльских отношений [Rouvinisky 2014: 480—486].

Противоречивое положение Мексики, при котором она одновременно зависима от ближайшего соседа США и влиятельна в Центральноамериканском субрегионе, трактуется специалистами по-разному. Некоторые исследователи видят Мексику своего рода «изгнанником» из латиноамериканского пространства, отмечая безальтернативность ее выбора в пользу открытой интеграции [Torres del Sel 2013: 40]. Другие авторы, напротив, считают, что Мексика сконструировала свой особый позитивный статус и особый проект, включающий Латинскую Америку. Как справедливо указывает, например, М. Ардила (Университет Экстернадо де Колумбия, Колумбия), со-

временная «внешняя политика Мексики совмещает многосторонность и двусторонние связи, идеологизацию и прагматизм, акценты на автономии и способность быть на вторых ролях. Инициативы Мезоамерики и Тихоокеанского альянса — это проекты „разделенного“ (compartido) лидерства для Мексики, которая стремится одновременно сбалансировать отношения с США и интенсифицировать взаимодействие с Латинской Америкой» [Ardila 2016]. С ней согласен С.М. Мелу Мелу (Университет Хорхе Тадео Лосано, Колумбия), утверждающий, что в Тихоокеанском альянсе «совершенно точно определяется мексиканское лидерство»⁵. Интересно, что собственно мексиканские эксперты М.Э. Моралес Фахардо и Л. де Хесус Алмонте (Автономный университет Мехико, Мексика) не расценивают мексиканское лидерство в проекте как консолидированное и выраженное, хотя отмечают особую роль Мексики в популяризации инициативы среди центральноамериканских стран [Morales Fajardo, de Jesús Almonte 2012: 122—128].

К этой же парадигме примыкают исследования роли США в латиноамериканском интеграционном контексте. С одной стороны, латиноамериканские авторы склонны считать Соединенные Штаты неудавшимся «благожелательным гегемом», который не создал по-настоящему легитимных международных режимов и поэтому не был принят латиноамериканскими игроками [Briceño Ruiz 2016: 42—44]. С другой стороны, некоторые ученые полагают, что США могут продолжить борьбу за конституирующее начало в регионе при помощи Тихоокеанского альянса. Так, по мнению колумбийского экономиста левого толка А. Суареса, «все страны, которые участвуют в соглашении... должны иметь договор о зоне свободной торговли с США. Это позволяет США запустить в регионе что-то вроде „ALCA в миниатюре“ (Alquita)»⁶.

⁵ Цит. по: Bernal González M. Alianza del Pacífico vs. Mercosur, ¿alternativas para América Latina? URL: <https://revistadelogistica.com/actualidad/alianza-del-pacifico-vs-mercosur-alternativas-para-america-latina/> (accessed: 12.03.2019).

⁶ Цит. по: Wallace A. Alianza del Pacífico: integración y libre comercio a toda velocidad // BBC Mundo. 10.02.2014. URL: https://www.bbc.com/mundo/noticias/2014/02/140210_economia_alianza_pacifico_integracion_aw (accessed: 12.03.2019).

Оценки латиноамериканской интеграции на фоне кризисного цикла

Как мы видим, к настоящему времени интеграция в регионе, как и научные представления о ней, претерпела большую эволюцию (табл. 1).

При этом, по мнению ряда специалистов, латиноамериканская интеграция развивается циклически, и каждый ее новый цикл вызывается исчерпанием форм предыдущего [Интеграционные процессы в Латинской Америке... 2012; Zelada Castedo 2005]. Постлиберальный период, с одной стороны, обладал серией уникальных черт, таких как плюрализм интеграционных инициатив, среди которых были универсальные по географическому охвату и строящие панлатиноамериканский («паньюжноамериканский») дискурс, что позволяло говорить о новом, самоценном, статусе Латинской Америки в складывающемся многополярном мире. Однако, с другой стороны, историческая обстановка продемонстрировала и его уязвимость перед негативными «циклическими» эндогенными (рост правой идеологии в странах региона) и экзогенными (торможение глобализации как таковой, в наиболее близком для Латинской Америки ключе выраженное в «факторе Трампа») эффектами.

Латиноамериканская интеграционная историография, учитывающая недавние «срывы» в объединительных региональных процессах, в основном группируется вокруг следующих проблемных сюжетов: обнаружившиеся «естественные границы» интеграционной повестки, недостаточная эффективность имевшихся интеграционных дизайнов для внутрорегионального кризисного менеджмента, драматические изменения в региональной легитимности стран — локомотивов интеграции.

Первый из этих сюжетов связан, прежде всего, с MERCOSUR. Дебаты о дальнейшей модели развития ведутся внутри блока в течение всех 2010-х гг. Проблемой выступает не только уже упоминавшееся торможение экономической интеграции, но и столкновение замыслов распространения интеграции на чувствительную сферу политики с особенностями внутривнутриполитической динамики стран-членов. Например, А. Мартинесом Кастильо (Университет Симона Боливара, Венесуэла) в этом русле исследован вопрос о применении инструментов «принуждения к демокра-

Таблица 1. Концептуализация этапов интеграции в Латинской Америке /
Table 1. Conceptualization of the stages of Latin American integration

	Основные концептуальные акценты / Key Conceptual Accents	Примеры организаций / Examples of organizations	Вектор(ы) научно-теоретического осмысления / Vector(s) of scientific theoretical understanding	
<p>«Старый» регионализм (1960—1990-е) / “Old” regionalism (1960—1990s)</p>	<p>— Экономические задачи интеграции: интеграция для преодоления периферийности и модернизации</p> <p>— Ограничение региональными рамками (только сама ЛА — пространство интеграции)</p>	<p>ЦАОР, ЛАСТ и мн. др. Впоследствии образовались три «очага» интеграции — карибский, андский, ла-платский, откуда позднее «вышли» CARICOM, CAN, MERCOSUR</p>	<p>Теория зависимого развития: структуралистское (напр., Р. Пребиш) и марксистское (Т. душ Сантуш) направления</p>	<p>Сквозные концепты — «глобализация», «развитие», «независимость». Тесное взаимодействие теории и практики интеграции</p>
<p>«Открытый» регионализм (1990-е — нач. 2000-х) / “Open” regionalism (1990s — beginning 2000s)</p>	<p>— Экономические (продвижение свободной торговли) + идейно-политические (примат развития либеральной демократии) установки</p> <p>— Появление вектора интеграции «Юг—Север»</p>	<p>1. Углубление экономической интеграции в «старых» объединениях (CAN). 2. Появление новых объединений — MERCOSUR, NAFTA, проект ALCA</p>	<p>Неолиберальные теории + демократический идеализм (Ф.Э. Кардозу (на президентском посту), С. Лафер и др.)</p>	
<p>«Постлиберальный» регионализм (со второй пол. 2000-х) / “Postliberal” regionalism (since 2nd half of 2000s)</p>	<p>1. Современный этап: обобщение предшествующих концепций, представление о целесообразности существования всего их множества</p> <p>ИЛИ</p> <p>2. Этап критической рефлексии предыдущих наработок. Интеграция как инструмент ресувенинизации и глобального восхождения ЛА. Отсюда:</p> <p>— диверсификация внешних связей объединений, приоритет глобальных Юга, Востока;</p> <p>— в социально-экономическом смысле «инклюзивная» интеграция. В политике акцентируется «солидарная» защита прав человека, поддержание демократической стабильности.</p> <p>В целом — радикальное расширение интеграционной повестки.</p>	<p>1. Существование разных форм интеграции — от CAN до ALBA и AP. 2. Развитие «социального крыла» MERCOSUR, появление ALBA, UNASUR, CELAC</p>	<p>— Политэкономические трактовки (как соотносятся интеграция и современный мировой капитализм?): Х. Бриеньо Руис</p> <p>— Геополитические трактовки (как интеграция структурирует пространство региона?): А. Сербин, Х.П. Прадо Лальянде, Р. Веласкес Флорес, А. Санауха</p> <p>— Государствоточечные трактовки (как интеграция соотносится с лидерскими проектами отдельных (вне) региональных игроков?): М. Ардила, М.М. Торрес дель Сель</p>	

Источник / Source: составлено авторами.

тии» в блоке. «Демократическая клаузула» протокола Ушуайя⁷ была задействована блоком против Парагвая в 2012 г. (по причине импичмента Ф. Луго, который другие страны-члены квалифицировали как государственный переворот) и против Венесуэлы в 2016 г. (по причине нарушения правительством Н. Мадуро духа и процедур демократии). По мнению А. Мартинеса Кастильо, в результате в MERCOSUR были созданы условия для внутренней конфронтации [Martínez Castillo 2016: 477—480], не устранимые в краткосрочной перспективе.

В ситуации, когда концепция MERCOSUR натолкнулась на изъяны наднационального регулирования, большое внимание как политиков⁸, так и теоретиков интеграции привлекает идея сближения или даже объединения MERCOSUR с более успешным⁹ и неполитизированным Тихоокеанским альянсом. Как предполагается, например, в работе Х.П. Прадо Лальянде и Р. Веласкеса Флореса, программа-максимум «глубокой интеграции» AP должна привести к формированию многофункционального объединения, где уже сейчас реализуется сотрудничество не только в торгово-финансовой сфере, но и в области туризма, образования, охраны окружающей среды [Prado Lallande, Velázquez Flores 2017]. Это позволит MERCOSUR не потерять свои «социальные» достижения интеграции в ходе конвергенции с альянсом.

Но и у концепта интеграции в рамках AP есть «естественные границы». Поскольку изначальный

замысел объединения базировался на желании каждого отдельного его члена получить площадку для диалога с избранными внешними игроками, объединение не достигло состояния интеграционного «целого, не сводимого к простой сумме частей». Этот символический момент, как показывает Ф. Мерке (Университет Сан-Андрес, Аргентина), имеет реальные негативные эффекты, например, в торговой отрасли: «Экспорт из данных стран в основном направляется в США, Европу и Китай», внутризональная торговая динамика недостаточная¹⁰.

Второй сюжет касается судьбы UNASUR. В свое время на этот альянс возлагались большие надежды не только как на источник суверенной южноамериканской идентичности, но и как на авторитетного регионального арбитра¹¹. Однако разногласия по поводу кандидатур нового генерального секретаря организации, столкнувшие Венесуэлу, Боливию из необоливарианского лагеря и Аргентину, Бразилию, Колумбию, Парагвай, Перу и Чили, по итогам последних электоральных циклов повернувших «вправо», а также венесуэльский кризис спровоцировали весной 2018 г. выход из блока половины стран-участниц и фактически дезавуировали его. Как считает, в частности, венесуэльский «новый историк» В. Михарес, падение UNASUR было предопределено его изначальными внутренними изъянами. Среди них негибкость процедур принятия решений (принцип консенсуса), рыхлая институциональная структура (совокупность горизонтальных «советов» вместо четкой иерархии институтов), отсутствие надежного единства ценностных представлений стран-членов (блок включал в себя страны и правительства, представляющие прямо противоположные идеологические традиции), а также «дефицит лидерства»: для нормального функционирования объединения требовалась на-

⁷ Демократическая клаузула — особое положение Протокола Ушуайя-1 (1998) — учредительного документа MERCOSUR, регулирующее санкции против стран — членов блока, в которых происходит нарушение демократического порядка. Санкции включают в себя различные меры (конкретизированы в протоколе «Ушуайя-2», принятом в 2011 г.), самая строгая из которых — временное исключение страны-нарушителя из блока. Была применена против Парагвая в 2012 г. и против Венесуэлы в 2016 г. Членство Венесуэлы до сих пор не восстановлено.

⁸ См.: Wallace A. Mercosur, cada vez más cerca de la Alianza del Pacífico // China-CELAC Forum. 03.06.2016. URL: http://www.chinacelacforum.org/esp/zgtlmjlbjgix_2/t1369174.htm (accessed: 12.03.2019).

⁹ Подробнее об успехах экономической интеграции AP в сравнении с другими региональными группировками см., напр.: Una visión prospectiva de la integración latinoamericana y caribeña // SELA, Marzo de 2018. URL: http://www.sela.org/media/2757881/vision_prospectiva_fv_7_05.pdf (accessed: 12.03.2019).

¹⁰ Цит. по: Nasanovski N. La integración latinoamericana, ¿en terapia intensiva? URL: <https://www.infobae.com/def/internacionales/2018/08/04/la-integracion-latinoamericana-en-terapia-intensiva/> (accessed: 02.03.2019).

¹¹ UNASUR весьма эффективно показал свой потенциал в сложных ситуациях, вызванных государственными переворотами в Гондурасе (2009 г.) и Парагвае (2012 г.), а также сыграл позитивную роль, сняв напряженность вокруг вооруженного конфликта в Колумбии и в ряде внутривнутриполитических кризисов — в Боливии (2008—2009 гг.), Эквадоре (2010 г.). См.: [Пятаков 2018a: 91].

правляющая роль хотя бы одного крупного игрока Южной Америки. Это и оказалось недостижимым после того, как Венесуэлу поразил кризис, а в Бразилии и Аргентине левопрогрессистские силы утратили власть¹².

Н. Комини и А. Френкелем (Университет Буэнос-Айреса) в 2016 г. для тогда еще гипотетического распада UNASUR был предложен термин «Судамекзит» [Comini, Frenkel 2016: 185—200]. Он, с одной стороны, содержит идею об изначально предполагаемой высокой роли UNASUR по превращению Южноамериканского региона в самостоятельное международно-политическое целое, сравнимой с ролью ЕС для Европы. С другой — под «Судамекзитом» можно понимать и вообще процессы деконструкции Южной Америки как одного из центров складывающегося полицентричного миропорядка на фоне последних кризисных тенденций.

Наконец, пласт исследований о проблемах, переживаемых странами — локомотивами региональной интеграции, можно условно подразделить еще на три типа оценок.

Во-первых, оценки, касающиеся Венесуэлы и Бразилии, почти исключительно пессимистические. Страдающая от гуманитарной катастрофы и сотрясаемая попытками мятежей нынешняя Венесуэла оказывается «живой антирекламой» содержащих левую повестку опытов интеграции в регионе (см., например: [Хейфец, Хадорич 2017]). Как показывает, в частности, М. Сандра Сапата (FLACSO, Испания), это приводит к тому, что из-за венесуэльского кризиса под угрозой оказывается легитимность наиболее символических инициатив постлиберальной фазы интеграции, в которые так или иначе инкорпорировались необоливарианские идеи, — CELAC, UNASUR, «социального крыла» MERCOSUR, не говоря уже об ALBA¹³.

¹² См.: Nolte D., Mijares V.M. La crisis de Unasur y la deconstrucción de Sudamérica // *El Espectador*. 23.04.2018. URL: <https://www.elespectador.com/noticias/el-mundo/la-crisis-de-unasur-y-la-deconstruccion-de-sudamerica-articulo-751730> (accessed: 12.03.2019).

¹³ Sandra Zapata M. ALBA en el turbulento escenario venezolano // *Estudios de politico exterior*. 10 Mayo 2017. URL: <https://www.politicaexterior.com/latinoamerica-analisis/la-iniciativa-alba-en-el-turbulento-escenario-venezolano/> (accessed: 12.03.2019).

Что касается Бразилии, то многие международники видят в приходе к власти в Бразилии Ж. Болсонару свидетельство наступающей для этой страны нерелевантности интеграционных усилий как таковых. Это объясняется его ярко антилевыми, антиглобалистскими взглядами при большом стремлении сделать свою страну привилегированным союзником США¹⁴.

Во-вторых, оценки гипотетической новой роли Мексики, указывающие на возможное «возвышение» этого прежде второстепенного игрока-интегратора. Главными составляющими успеха Мексики как нового «строителя» интеграции представляются приход к власти левопатриотического лидера А.М. Лопеса Обрадора [Briceño Ruiz 2017: 44] и некоторое обесценивание для Мексики вектора США из-за «проблемы стены» и реформирования NAFTA. По мнению Х.Г. Гомеса Альбарельо (Национальный университет Колумбии), Мексика как интегратор не станет способствовать возрождению необоливарианских проектов, но сможет действовать с более нейтральных площадок CELAC и особенно Тихоокеанского альянса, нацеливаясь на первом этапе на налаживание связей с правоцентристскими режимами Чили, Перу, Колумбии¹⁵.

В то же время, поскольку правительство А.М. Лопеса Обрадора сталкивается с огромным грузом внутренних проблем страны и необходимостью все равно строить диалог с США как своим главным торговым партнером, естественно, существуют и пессимистические точки зрения. Например, Ф. Мерке считает, что администрация А.М. Лопеса Обрадора просто не разработала целостной повестки регионального масштаба, чтобы продвигать интеграцию¹⁶.

Третью группу научных представлений образуют те, которые анализируют влияние «фактора Трампа» на латиноамериканский регионализм.

¹⁴ См.: Croda R. AMLO-Bolsonaro: en riesgo el equilibrio geopolítico latinoamericano // *Proceso*. 17 Noviembre 2018. URL: <https://www.proceso.com.mx/559872/amlo-bolsonaro-en-riesgo-el-equilibrio-geopolitico-latinoamericano> (accessed: 12.03.2019).

¹⁵ Ibid.

¹⁶ См.: Nasanovski N. La integración latinoamericana, ¿en terapia intensiva? URL: <https://www.infobae.com/def/internacionales/2018/08/04/la-integracion-latinoamericana-en-terapia-intensiva/> (accessed: 02.03.2019).

По их мнению, хотя для отдельно взятых латиноамериканских игроков трампизм представляет большую проблему, в контексте региональной интеграции это шанс для ее оживления. В этом смысле, однако, немаловажен тот факт, что пока единственной согласованной ориентацией нынешних доминирующих политических сил в ЛА, противопоставляемой американским установкам при Д. Трампе, выступает идея возвращения к свободной торговле. Это, возможно, ограничит интеграционное поле традиционными торгово-экономическими задачами, как, например, показано аргентинским ученым Ф. Пеней в его работе о перспективах создания Всеобъемлющего латиноамериканского торгово-экономического соглашения под эгидой Латиноамериканской ассоциации интеграции (ALADI) [Рейн 2017].

Заключение

Несмотря на неравномерное развитие регионализма, латиноамериканские ученые видят в нем не просто модальность, а структурообразующий элемент исторического процесса в реги-

оне. Это можно заключить на том основании, что теоретические трактовки интеграции очень широки — от способа компенсировать утраченные возможности развития до механизма формирования международной акторности отдельных стран и региона ЛА в целом. Актуальность исследований регионализма в латиноамериканской научной мысли имеет все шансы остаться высокой, поскольку ЛА накоплен колоссальный и при этом неизменно проблемный опыт интеграционных форм, на осмысление которого, к тому же, существует запрос политиков и обществ¹⁷.

¹⁷ По последним доступным онлайн-данным *Latinobarómetro* (2017 г.), у абсолютного большинства латиноамериканских граждан есть сформированное мнение о процессах экономической и политической интеграции в «домашнем» регионе. См.: *A favor o en contra de la integración económica/política de su país con los otros países de América Latina*. Argentina, Bolivia, Brasil, Chile, Colombia, Costa Rica, Rep. Dominicana, Ecuador, El Salvador, Guatemala, Honduras, México, Nicaragua, Panamá, Paraguay, Perú, Uruguay, Venezuela // *Latinobarómetro*. 2017. URL: <http://www.latinobarometro.org/latOnline.jsp> (accessed: 12.03.2019).

Благодарности: Настоящая статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Место Латинской Америки в новом миропорядке: перспективы и вызовы», поддержанного РФФИ (проект № 19-014-00042 А).

Библиографический список

- Интеграционные процессы в Латинской Америке: состояние и перспективы*. М.: ИЛА РАН, 2012.
- Пятаков А.Н. Латиноамериканские подходы к проблеме глобализации: взгляд сквозь XXI век // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018а. Т. 62. № 1. С. 85—93. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-1-85-93.
- Пятаков А.Н. Незамеченный юбилей. Десятилетие UNASUR в период региональной нестабильности // *Латинская Америка*. 2018б. № 2. С. 29—45.
- Разумовский Д.В. Конец постлиберального регионализма в Латинской Америке? // *Латинская Америка*. 2018. № 1. С. 25—44.
- Хейфец В.Л., Хадорич Л.В. Кризис в Венесуэле и региональная интеграция // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т. 61. № 5. С. 79—87. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-5-79-87.
- Хейфец В.Л., Хадорич Л.В. Латинская Америка между ОАГ и CELAC // *Мировая экономика и международные отношения*. 2015. № 4. С. 90—100.
- Ardila M. Multilateralismo cooperativo de México en el Proyecto Mesoamérica y en la Alianza del Pacífico (2000—2014) // *¿Nuevo Multilateralismo en América Latina? Concepciones y Actores en Pugna* / Ed. por M. Ardila. Bogotá: Universidad Externado de Colombia, 2016. P. 147—179.
- Bernal Meza R. La inserción internacional de Brasil: El papel de BRICS y de la región // *Universum*. 2015. Vol. 30. No. 2. P. 17—35.
- Briceño Ruiz J. Hegemonía, poshegemonía, neoliberalismo y posliberalismo en los debates sobre el regionalismo en América Latina // *¿Nuevo Multilateralismo en América Latina? Concepciones y Actores en Pugna* / Ed. por M. Ardila. Bogotá: Universidad Externado de Colombia, 2016. P. 23—67.
- Briceño Ruiz J. ¿Un nuevo ciclo regionalista en América Latina? Debates conceptuales, modelos y realidades // *Cuadernos Americanos*. 2017. No. 1 (161). P. 15—45.
- Briceño Ruiz J. Ejes y modelos en la etapa actual de la integración económica regional en América Latina // *Estudios Internacionales*. 2013. No. 175. P. 9—39.

- Comini N., Bontempo T.* La integración latinoamericana en tiempos del 'Brexit' // Foreign Affairs Latinoamerica. 15.08.2016. URL: <http://revistafal.com/la-integracion-latinoamericana-en-tiempos-del-brexit/> (accessed: 12.03.2019).
- Comini N., Frenkel A.* Unasur. De proyecto refundacional al fantasma del Sudamexit // América Latina y el Caribe frente a la encrucijada actual de la globalización. Anuario de la Integración Regional de América Latina y el Caribe. 2016. No. 13. P. 181—208.
- Cortés M.J.* Brasil y la diplomacia económica de Cardoso: el caso del ALCA. I Congreso de Relaciones Internacionales, Instituto de Relaciones Internacionales (IRI). La Plata, 15 de noviembre de 2002. URL: <http://sedici.unlp.edu.ar/bitstream/handle/10915/38704/Ponencia.pdf?sequence=2> (accessed: 02.03.2019).
- Da Silva Guevara G.* Nuevo multilateralismo latinoamericano: el liderazgo de Brasil en la Unión de Naciones Suramericanas // ¿Nuevo Multilateralismo en América Latina? Concepciones y Actores en Pugna / Ed. por M. Ardila. Bogotá: Universidad Externado de Colombia, 2016. P. 107—147.
- Granato L., Oddone N., Battaglia M.* Teoría de la autonomía: ¿Aún vigente para analizar los procesos de cooperación e integración en América Latina? // Teoría & Pesquisa. Revista de Ciencia Política. 2016. No. 25 (1). P. 153—175.
- Martínez Castillo A.* Alianza del Pacífico y Mercado Común del Sur: dos enfoques de la integración económica regional // Papel Político. 2016. Vol. 21. No. 2. P. 469—494.
- Merino G.* Proyectos estratégicos e integración regional en América Latina. El surgimiento de la Alianza del Pacífico, el fortalecimiento del regionalismo abierto y el retroceso del regionalismo autónomo // Relaciones Internacionales. 2017. Vol. 26. No. 52. P. 17—37.
- Miranda R.* Efecto de vecino. El poder de Brasil sobre el Regionalismo de Argentina // Invenio. 2015. Vol. 18. No. 34. P. 35—50.
- Mijares V.M.* Soft Balancing the Titans: Venezuelan Foreign-Policy Strategy toward the United States, China, and Russia // Latin American Policy. 2017. Vol. 8. Iss. 2. P. 201—231. DOI: <https://doi.org/10.1111/lamp.12128>.
- Morales Fajardo M.E., de Jesús Almonte L.* ¿Un nuevo intento a la integración latinoamericana? México y la Alianza del Pacífico // Cuadernos sobre Relaciones Internacionales, Regionalismo y Desarrollo. 2012. Vol. 7. No. 14. P. 111—134.
- Peña F.* América Latina en un mundo incierto y turbulento: impacto sobre las estrategias de integración regional // Estudios Internacionales. 2017. Vol. 49. Octubre. P. 113—124.
- Pereyra Doval G.* ¿Quo Vadis, Brasil? ¿Potencia emergente o golpe de suerte? // Revista del CESLA. 2014. No. 17. P. 151—179.
- Perrotta D.V.* El campo de estudios de la integración regional y su aporte a las Relaciones Internacionales: una mirada desde América Latina // Relaciones Internacionales. 2018. No. 38. P. 9—39.
- Pérez Caldentey E., Sunkel O., Torres Olivos M.* Raúl Prebisch (1901—1986). Un recorrido por las etapas de su pensamiento sobre el desarrollo económico. Naciones Unidas: CEPAL, 2013.
- Prado Lallande J.P., Velázquez Flores R.* La Alianza del Pacífico: comercio y cooperación al servicio de la integración // La Alianza del Pacífico: nuevo mecanismo de cooperación e integración Latinoamericano / Ed. por J.P. Prado Lallande, R. Velázquez Flores, L. Ochoa Bilbao. México: Asociación Mexicana de Estudios Internacionales, A.C. / Fundación Konrad Adenauer, 2017. P. 63—87.
- Rouvinski V.* Rusia y ALBA: ¿Un matrimonio por conveniencia? // ¿La hegemonía norteamericana en declive? El desafío del ALBA y la nueva integración latinoamericana del Siglo XXI / Ed. por B.M. Bagley, M. Defort. Cali: Facultad de Derecho y Ciencias Sociales, Universidad Icesi, 2014. P. 469—497.
- Sanahuja J.A.* Regionalismo e integración en América Latina: de la fractura Atlántico-Pacífico a los retos de una globalización en crisis // Pensamiento propio. 2016. No. 21 (44). P. 29—76.
- Santos Carillo F.* El debate sobre la renovación del regionalismo y sus implicaciones para Centroamérica. Congress of the Latin American Studies Association, Chicago, IL. May 21—24, 2014. URL: https://www.academia.edu/7306206/El_debate_sobre_la_renovaci%C3%B3n_del_regionalismo (accessed: 21.02.2019).
- Serbin A.* Soberanía e integración en América Latina. Comentario Internacional // Revista del Centro Andino de estudios internacionales. 2013. No. 13. P. 65—73.
- Serbin A.* ¿Atlántico vs. Pacífico?: Mega-acuerdos e implicaciones geo-estratégicas para América Latina y el Caribe // ¿Atlántico vs. Pacífico?: América Latina y el Caribe, los cambios regionales y los desafíos globales. Anuario de integración regional de América Latina y el Caribe. No. 10. Buenos Aires: CRIES, 2014. P. 15—72. URL: <http://www.cries.org/wp-content/uploads/2014/11/02a-Serbin.pdf> (accessed: 21.02.2019).
- The Rise of Post-Hegemonic Regionalism in Latin America* // The Rise of Post-Hegemonic Regionalism / Ed. by P. Ruggirozzi, D. Tussie. United Nations University Series on Regionalism. 2012. Vol. 4. P. 1—16. DOI: 10.1007/978-94-007-2694-9_1.
- Torres del Sel M.M.* Las políticas regionales de México, Brasil y Venezuela con respecto a la integración de América Latina // Invenio. 2013. Vol. 16. No. 30. P. 29—46.

- Vázquez M. El Mercosur social. Cambio político y nueva identidad para el proceso de integración regional en América del Sur // *Mercosur 20 años* / Ed. por G. Caetano. Montevideo: CEFIR, 2011. P. 165—185.
- Vigevani T., de Oliveira M.F., Cintura R. Política externa no período FHC: a busca de autonomia pela integração // *Tempo social*. 2003. Vol. 15. No. 2. P. 31—61. DOI: <http://dx.doi.org/10.1590/S0103-20702003000200003>.
- Zelada Castedo A. Perspectiva histórica del proceso de integración latinoamericana // *Ciencia y Cultura*. 2005. No. 17. P. 113—120.

Дата поступления статьи: 24.03.2019

Для цитирования: Хейфец Л.С., Коновалова К.А. Латиноамериканские исследования интеграции: от периферийного капитализма к «Судамекситу» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2019. Т. 19. № 2. С. 218—233. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-218-233.

Сведения об авторах: Хейфец Лазарь Соломонович — доктор исторических наук, профессор кафедры американских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: ilaranspb@hotmail.com).

Коновалова Ксения Александровна — магистрант Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: missienna@yandex.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-218-233

Latin American Reflections on Integration Processes: from Theory of Peripheral Capitalism to “Sudamexit”

L.S. Kheifets, K.A. Konovalova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Abstract. Integration processes in Latin America and Caribbean basin have been traditionally provoking strong research interest. Over the past decades, Latin American integration has tested plethora of institutional designs, ranging from relatively uniform subregional trade blocs — CACM, LAFTA, etc. to multifunctional partnerships with an identity-forming component, like Unasur or CELAC. This paper is an attempt to show how the Latin American academic community itself analyzes the integration in the “domestic” region. Forming the literature review, the authors, firstly, show how Latin American integrationism has transformed with the successive change of the phases of the “old”, “open” and “post-liberal” regionalism. Despite the fact that the types of integration in each of the periods differ significantly, scientists approach them in quite a similar way. They have been engineering the region socially and have been using such basic concepts as *globalización*, *soberanía* and *desarrollo*. The theory and practice of Latin American integration has always been closely intertwined. Secondly, the authors distinguish three today’s Latin American “big discourses” about integration — political-economic, geopolitical and state-centered. Each of these discourses takes into account the internal and external conditions that led to the post-liberal phase of integration. Third, expert forecasts about the prospects of regional associations against the background of the crisis tendencies of recent years are presented in this paper. Latin American experts agree on the fact that regional integration has entered the new phase, the most important features of which are the globalization slowing down, the complication of inter-American relations due to the “Trump factor”, the decline of left-progressist forces in the region.

Key words: Latin America, integration, integration studies, regionalism, Mercosur, Unasur, ALBA, Pacific Alliance, CELAC

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the scientific project “The Place of Latin America in the New World Order: Prospects and Challenges”, supported by the Russian Foundation for Basic Research (project No. 19-014-00042 A).

References

- Ardila, M. (2016). Multilateralismo cooperativo de México en el Proyecto Mesoamérica y en la Alianza del Pacífico (2000—2014). In: *¿Nuevo Multilateralismo en América Latina? Concepciones y Actores en Pugna* / Ed. por M. Ardila. Bogotá: Universidad Externado de Colombia. P. 147—179.
- Bernal Meza, R. (2015). La inserción internacional de Brasil: El papel de BRICS y de la región. *Universum*, 30 (2), 17—35.
- Briceño Ruiz, J. (2013). Ejes y modelos en la etapa actual de la integración económica regional en América Latina. *Estudios Internacionales*, 175, 9—39.

- Briceño Ruiz, J. (2016). Hegemonía, poshegemonía, neoliberalismo y posliberalismo en los debates sobre el regionalismo en América Latina. In: *¿Nuevo Multilateralismo en América Latina? Concepciones y Actores en Pugna* / Ed. por M. Ardila. Bogotá: Universidad Externado de Colombia. P. 23—67.
- Briceño Ruiz, J. (2017). ¿Un nuevo ciclo regionalista en América Latina? Debates conceptuales, modelos y realidades. *Cuadernos Americanos*, 1 (161), 15—45.
- Comini, N. & Bontempo, T. (2016). La integración latinoamericana en tiempos del 'Brexit'. *Foreign Affairs Latinoamerica*, 15 agosto. URL: <http://revistafal.com/la-integracion-latinoamericana-en-tiempos-del-brexit/> (accessed: 12.03.2019).
- Comini, N. & Frenkel, A. (2016). Unasur. De proyecto refundacional al fantasma del Sudamexit. In: *América Latina y el Caribe frente a la encrucijada actual de la globalización*. Anuario de la Integración Regional de América Latina y el Caribe. No. 13. P. 181—208.
- Cortés, M.J. (2002). Brasil y la diplomacia económica de Cardoso: el caso del ALCA. In: *I Congreso de Relaciones Internacionales, Instituto de Relaciones Internacionales (IRI)*. La Plata, 15 noviembre. URL: <http://sedici.unlp.edu.ar/bitstream/handle/10915/38704/Ponencia.pdf?sequence=2> (accessed: 02.03.2019).
- Da Silva Guevara, G. (2016). Nuevo multilateralismo latinoamericano: el liderazgo de Brasil en la Unión de Naciones Suramericanas. In: *¿Nuevo Multilateralismo en América Latina? Concepciones y Actores en Pugna* / Ed. por M. Ardila. Bogotá: Universidad Externado de Colombia. P. 107—147.
- Granato, L., Oddone, N. & Battaglia, M. (2016). Teoría de la autonomía: ¿Aún vigente para analizar los procesos de cooperación e integración en América Latina? *Teoría & Pesquisa. Revista de Ciencia Política*, 25 (1), 153—175.
- Integration processes in Latin America: state and perspectives*. (2012). Moscow: ILA RAS publ. (In Russian).
- Kheifets, V.L. & Hadorich, L.V. (2015). Latin America between OAS and CELAC. *World Economy and International Relations*, 4, 90—100. (In Russian).
- Kheifets, V.L. & Hadorich, L.V. (2017). Crisis in Venezuela and regional integration. *World Economy and International Relations*, 61 (5), 79—87. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-5-79-87. (In Russian).
- Martínez Castillo, A. (2016). Alianza del Pacífico y Mercado Común del Sur: dos enfoques de la integración económica regional. *Papel Político*, 21 (2), 469—494.
- Merino, G. (2017). Proyectos estratégicos e integración regional en América Latina. El surgimiento de la Alianza del Pacífico, el fortalecimiento del regionalismo abierto y el retroceso del regionalismo autónomo. *Relaciones Internacionales*, 26 (52), 17—37.
- Mijares, V.M. (2017). Soft Balancing the Titans: Venezuelan Foreign-Policy Strategy toward the United States, China, and Russia. *Latin American Policy*, 8 (2), 201—231. DOI: <https://doi.org/10.1111/lamp.12128>.
- Miranda, R. (2015). Efecto de vecino. El poder de Brasil sobre el Regionalismo de Argentina. *Invenio*, 18 (34), 35—50.
- Morales Fajardo, M.E. & de Jesús Almonte, L. (2012). ¿Un nuevo intento a la integración latinoamericana? México y la Alianza del Pacífico. *Cuadernos sobre Relaciones Internacionales, Regionalismo y Desarrollo*, 7 (14), 111—134.
- Peña, F. (2017). América Latina en un mundo incierto y turbulento: impacto sobre las estrategias de integración regional. *Estudios Internacionales*, 49 (Octubre), 113—124.
- Pereyra Doval, G. (2014). ¿Quo Vadis, Brasil? ¿Potencia emergente o golpe de suerte? *Revista del CESLA*, 17, 151—179.
- Pérez Caldentey, E., Sunkel, O. & Torres Olivos, M. (2013). *Raúl Prebisch (1901—1986). Un recorrido por las etapas de su pensamiento sobre el desarrollo económico*. Naciones Unidas: CEPAL.
- Perrotta, D.V. (2018). El campo de estudios de la integración regional y su aporte a las Relaciones Internacionales: una mirada desde América Latina. *Relaciones Internacionales*, 38, 9—39.
- Piatkov, A.N. (2018b). Unnoticed Anniversary. Ten Years of Unasur in the Conditions of Regional Political Uncertainty. *Latin America*, 2, 29—45. (In Russian).
- Prado Lallande, J.P. & Velázquez Flores, R. (2017). La Alianza del Pacífico: comercio y cooperación al servicio de la integración. In: *La Alianza del Pacífico: nuevo mecanismo de cooperación e integración latinoamericano* / Ed. por J.P. Prado Lallande, R. Velázquez Flores, L. Ochoa Bilbao. México: Asociación Mexicana de Estudios Internacionales, A.C. / Fundación Konrad Adenauer. P. 63—87.
- Pyatkov, A.N. (2018a). Latin American Approaches to Globalization Problem: a Look through the 21st Century. *World Economy and International Relations*, 62 (1), 85—93. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-1-85-93. (In Russian).
- Razumovskiy, D.V. (2018). The End of Post-Liberal Regionalism in Latin America? *Latin America*, 1, 25—44. (In Russian).
- Riggiozzi, P. & Tussie, D. (2012). The Rise of Post-Hegemonic Regionalism in Latin America. In: *The Rise of Post-Hegemonic Regionalism* / Ed. by P. Riggiozzi, D. Tussie. United Nations University Series on Regionalism. Vol. 4. P. 1—16. DOI: 10.1007/978-94-007-2694-9_1.
- Rouvinski, V. (2014). Rusia y ALBA: ¿Un matrimonio por conveniencia? In: *¿La hegemonía norteamericana en declive? El desafío del ALBA y la nueva integración latinoamericana del Siglo XXI* / Ed. por B.M. Bagley, M. Defort. Cali: Facultad de Derecho y Ciencias Sociales, Universidad Icesi. P. 469—497.
- Sanahuja, J.A. (2016). Regionalismo e integración en América Latina: de la fractura Atlántico-Pacífico a los retos de una globalización en crisis. *Pensamiento propio*, 21 (44), 29—76.

- Santos Carillo, F. (2014). *El debate sobre la renovación del regionalismo y sus implicaciones para Centroamérica*. Congress of the Latin American Studies Association, Chicago, IL. May 21—24. URL: https://www.academia.edu/7306206/El_debate_sobre_la_renovaci%C3%B3n_del_regionalismo (accessed: 21.02.2019).
- Serbín, A. (2013). Soberanía e integración en América Latina. Comentario Internacional. *Revista del Centro Andino de estudios internacionales*, 13, 65—73.
- Serbín, A. (2014). ¿Atlántico vs. Pacífico?: Mega-acuerdos e implicaciones geo-estratégicas para América Latina y el Caribe. In: *¿Atlántico vs. Pacífico?: América Latina y el Caribe, los cambios regionales y los desafíos globales*. Anuario de integración regional de América Latina y el Caribe. No. 10. Buenos Aires: CRIES. P. 15—72. URL: <http://www.cries.org/wp-content/uploads/2014/11/02a-Serbin.pdf> (accessed: 21.02.2019).
- Torres del Sel, M.M. (2013). Las políticas regionales de México, Brasil y Venezuela con respecto a la integración de América Latina. *Invenio*, 16 (30), 29—46.
- Vázquez, M. (2011). El Mercosur social. Cambio político y nueva identidad para el proceso de integración regional en América del Sur. In: *Mercosur 20 años* / Ed. por G. Caetano. Montevideo: CEFIR. P. 165—185.
- Vigevani, T., de Oliveira, M.F. & Cintura, R. (2003). Política externa no período FHC: a busca de autonomia pela integração. *Tempo social*, 15 (2), 31—61. DOI: <http://dx.doi.org/10.1590/S0103-20702003000200003>.
- Zelada Castedo, A. (2005). Perspectiva histórica del proceso de integración latinoamericana. *Ciencia y Cultura*, 17, 113—120.

Received: 24.03.2019

For citations: Kheifets, L.S. & Konovalova, K.A. (2019). Latin American Reflections on Integration Processes: from Theory of Peripheral Capitalism to “Sudamexit”. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (2), 218—233. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-218-233.

About the authors: *Kheifets Lazar’ Solomonovich* — PhD, Dr. of Science (History), Professor, Department of American Studies, Saint Petersburg State University (e-mail: ilaranspb@hotmail.com).

Konovalova Ksenia Aleksandrovna — Master student, St. Petersburg State University (e-mail: misssienna@yandex.ru).

© Хейфец Л.С., Коновалова К.А., 2019

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-234-246

Геополитика моря: идея контроля над океаном в политическом дискурсе независимой Индии

А.В. Куприянов

Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН,
Москва, Российская Федерация

Настоящая статья посвящена рассмотрению эволюции идеи контроля над Индийским океаном в контексте развития политического дискурса независимой Индии. Этот вопрос неразрывно связан с историей развития морской компоненты безопасности Индии в колониальные и постколониальные времена. Автор анализирует генезис идеи владения морем в Индии, основные этапы ее формирования, специфические черты индийского понимания этой идеи. Актуальность темы подчеркивается тем вниманием, которое в нынешней Индии уделяется сюжету эффективного контроля над Индийским океаном, восприятием его как зоны доминирования Индии в контексте формирования Индо-Тихоокеанского региона.

Автор доказывает, что концепция контроля над океаном, популярная ныне среди индийских политиков и экспертов, сформировалась в результате последовательной эволюции дискурса, в которую внесли свой вклад теоретики, военные и политики. Ее можно разделить на три этапа. В ходе первого (1947—1965 гг.) была сформулирована доктрина владения морем, причем сделали это чиновник и ученый К.М. Паниккар и журналист К.Б. Ваидья. Их замыслы, однако, не были реализованы из-за нехватки средств у независимого индийского государства. В ходе второго этапа (1965—1991 гг.) эта тема ушла из индийского внешне- и внутривнутриполитического дискурса, при этом численность и оснащенность флота постоянно росли, что позволило Индии одержать победу над Пакистаном на море в 1971 г. и успешно решать тактические задачи, поддерживая выгодный ей статус-кво в бассейне Индийского океана. Наконец, в ходе третьего этапа (1991—2019 гг.) произошло возрождение идеи контроля над океаном, но на новых принципах. В результате этой эволюции в Индии была выработана собственная концепция контроля над океанскими пространствами, подразумевающая роль страны как основного поставщика безопасности в регионе и лидера регионального сообщества стран, в которое входят государства, контролируемые ключевые точки Индийского океана.

Ключевые слова: Индия, Индийский океан, К.М. Паниккар, К.Б. Ваидья, флот, контроль над морем

Введение

К Индийскому океану, как ни к какому другому, лучше всего подходит определение «перекресток морских дорог». Через его воды с древности проходили основные торговые пути, ведущие из стран Востока в Европу, а в XX в. к ним прибавился главный мировой маршрут транспортировки углеводородов — из стран Ближнего Востока в стремительно растущие экономики Индии и Китая. Все эти торговые пути проходят через ряд «узких мест» (choke points), контроль над которыми позволяет либо держать их открытыми, либо блокировать в случае необходимости.

Индия — крупнейшая страна и экономический центр региона — полностью зависит от морской торговли: свыше 95% ее товарооборота идет по морю [Prakash 2016: 170]. Все ключевые торговые артерии океана либо заканчиваются в ее портах, либо проходят в непосредственной бли-

зости от ее территориальных вод. Подобная ситуация не могла не привести к формированию в независимой Индии представления о желательности контроля над водами, окружающими страну, тем более что практическую возможность такого контроля в прошлом не раз демонстрировали колониальные державы.

Целью настоящей статьи является рассмотрение генезиса и трансформации идеи владения морем в Индии, выделение ее специфических черт и осмысление ее на современном этапе. Эта идея анализируется через понятие политического дискурса, подразумевающее анализ совокупности взглядов, идей и практик лиц, прямо или опосредованно влияющих на принятие решений и их восприятие обществом.

Термин «дискурс» в статье употребляется в значении, в котором его использовал М. Фуко и которое было конкретизировано Я. Лессой:

«Система мышления, состоящая из идей, позиций, способов действий, убеждений и практик, которые систематически конструируют субъектов и миры, о которых они говорят» [Lessa 2006: 285]. Хотя сам М. Фуко не изучал внешнеполитический дискурс, другими исследователями предложено несколько трактовок этого понятия. Подходящим для целей статьи представляется определение, данное А.Я. Ярославцевой: «Адресантом внешнеполитического дискурса выступает должностное лицо внешнего ведомства либо представитель политического круга государства, адресатом же является представитель дипломатии или представитель другого государства» [Ярославцева 2015: 186]. Необходимо, однако, уточнить это определение, включив в список адресантов представителей интеллектуальной элиты, чьи представления находятся в русле внутриполитического дискурса, а число адресатов сузить до лиц, непосредственно принимающих решения или напрямую на них влияющих. В этом случае отчасти стирается граница между внешнеполитическим и внутриполитическим дискурсами, но это представляется допустимым: внешнеполитический дискурс во всей полноте невозможно отделить от внутриполитического и в реальности, тем более странно вносить искусственное разделение в теоретическое поле. Чтобы избежать разногласий и недопониманий, дискурс в статье определен как просто «политический».

В настоящей статье в роли адресантов выступают как официальные лица, непосредственно принимавшие и принимающие решения под воздействием своей системы взглядов и убеждений, так и представители интеллектуальной элиты, оказывающие непосредственное влияние на формирование этой системы у официальных лиц и в то же время транслирующие свои взгляды и конструирующие свои миры на общемировом уровне. Совместно они формируют базис для общенационального политического дискурса, сами являясь плодами многотысячелетней стратегической культуры страны.

История

Эволюцию идеи контроля над океаном в индийском внешнеполитическом дискурсе можно разделить на три этапа. Но прежде чем перейти к их последовательному рассмотрению, необхо-

димо сделать экскурс в историю Индии, чтобы понять, откуда эта идея возникла.

Изначально в культуре Индии существовало два подхода к морским пространствам: «северный» и «южный». Деление это достаточно условно, но в целом отражает географическую реальность: государства Юга Индостана осуществляли активную морскую экономическую и политическую экспансию, в то время как морские амбиции королей Севера, как правило, не выходили за пределы каботажных вод, а использование флота сводилось к обеспечению десантных операций в ближней морской зоне.

В VII—XI вв. существовавшие на юге Индостана государства Паллавов и Чола распространили свое культурное и политическое влияние на часть территории нынешних Малайзии и Индонезии, но после падения южных морских империй под влиянием внешних и внутренних факторов морская экспансия прекратилась, и на всей территории Индостана постепенно утвердилась северная модель. Империя Великих Моголов, будучи крупнейшим государством региона, не имела своего флота, уделяя основное внимание защите сухопутных северных рубежей, в результате чего регулярно терпела поражения в войнах даже с колониями европейских держав. В Северной и Центральной Индии сформировалась своеобразная «боязнь черной воды», «кала пани» — подкрепленное индуистскими верованиями неприятие путешествия через море из опасения потерять кастовый статус.

Европейские колонизаторы придерживались принципиально иного подхода. В частности, система португальского господства в Индийском океане строилась на контроле над морским пространством. Португальские корабли, имея смешанную систему набора корпуса (в отличие от продольной, принятой в практике мореходов Индийского океана), могли нести пушки, вместительные трюмы превращали их в плавучие склады. По сути, это были морские города, которые нуждались лишь в укрепленных пунктах на побережье, где они могли чиниться и пополнять запасы, и факториях для торговли с туземцами. Португальская система власти в Индийском океане базировалась на идее о контроле над ключевыми точками, обеспечивающими проход в океан: Мозамбикский, Баб-эль-Мандебский, Ормузский

и Малаккский проливы. По сути, португальцы превратили Индийский океан в *mare clausum* — «закрытое море», запретив иностранным кораблям заходить в него без разрешения и первыми в истории добившись полноценного контроля над его акваторией.

Последовавший упадок Португальской империи и проникновение в океан Нидерландов, Британии и Франции привели к распаду этой системы. В XIX в., однако, она была восстановлена в ином формате: корабли других наций имели право осуществлять торговлю, но в случае начала войны Индийский океан благодаря контролю британского флота над ключевыми точками и отсутствию укрепленных баз других морских держав превращался в море, закрытое для неприятеля. При этом задача контроля над океаном возлагалась не на силы собственно Британской Индии в виде флота Ост-Индской компании (Бомбейской морской флотилии, позже Королевского Индийского флота), а на британский флот, который, контролируя Атлантику, мог эффективно блокировать проникновение в океан враждебных сил. Морские силы Британской Индии всегда выполняли вспомогательную функцию, страдали от дефицита корабельного и личного состава и не могли самостоятельно обеспечить защиту Индии с моря.

Ситуация начала меняться лишь в годы Второй мировой войны, когда японские войска захватили Сингапур — восточный ключ к системе обороны Индийского океана и уничтожили основные силы британского флота в регионе. Японский десант оккупировал Андаманские и Никобарские острова, а флот в ходе рейда в Индийский океан продемонстрировал уязвимость Индии от атаки с моря. Это вынудило британское руководство принять экстренные меры по увеличению индийского флота, который к концу войны превратился в заметную силу.

Сразу после провозглашения независимости в 1947 г. корабельный состав Королевского Индийского флота был разделен между Индией и Пакистаном в примерной пропорции 2 : 1, личный состав — 3 : 2. Индия получила 33 корабля — шлюпы, фрегаты, корветы и тральщики. Подобные силы не позволяли эффективно контролировать акваторию океана. Ситуация усугублялась отсутствием собственных подготовленных кадров. В результате первые 11 лет существования неза-

висимой Индии ее флот возглавляли британские командующие. Это влекло за собой ряд проблем: британцы рассматривали Индию в контексте защиты империи, в то время как Индия ставила во главу угла собственные интересы.

Первый этап (1947—1965 гг.): мечты о владении океаном и бюджетные ограничения

После получения независимости индийские политические элиты столкнулись с необходимостью сформулировать теоретические основы развития флота, определить его стратегические задачи. Возникла парадоксальная ситуация: Индия имела флот и богатую морскую историю, при этом в политическом дискурсе страны полностью отсутствовала тема морской безопасности. В результате у истоков формирования морской темы в индийском политическом дискурсе оказались люди, не являвшиеся профессиональными моряками: журналист Кешав Балкришна Ваидья и дипломат, чиновник и историк Кавалам Мадхара Паниккар.

К.Б. Ваидья в 1930-х гг. работал главным редактором газет *Canton Daily Sun* и *Canton Truth* и написал ряд книг, посвященных в основном событиям в Китае и на Тихоокеанском театре. В 1945 г., однако, он внезапно переключается на вопросы морской торговли и безопасности Индийского океана. В 1945 г. выходит его книга «Парусное судоходство вдоль западного побережья Индии и его будущее», а в 1949 г. он публикует самую известную свою работу — «Морская оборона Индии».

Сам автор не скрывал, что основное влияние на него оказали идеи А.Т. Мэхэна и Б. Танстолла, издавшего в 1944 г. книгу «*Ocean Power Wins*». Сквозь всю работу К.Б. Ваидьи красной нитью проходит идея необходимости господства над морем. «Даже если мы не правим всеми пятью океанами Земли, мы должны по меньшей мере править Индийским океаном» [Vaidya 1949: 91]. «Индийский океан должен стать Индийском озером, — утверждал К.Б. Ваидья. — Это означает, что Индия должна стать державой, чья власть в водах океана не оспаривается никем» [Vaidya 1949: 1].

Согласно взглядам К.Б. Ваидьи, индийский флот должен быть увеличен, чтобы защищать не только побережье, но и дальние океанские

рубежи, которые «простираются до Суматры и Малаккского пролива на востоке... до мыса Доброй Надежды, Мадагаскара, Маврикия, Сокотры, Адена и Персидского залива на западе. К югу лежат огромные морские пространства, где Индия должна поддерживать постоянное присутствие при помощи плавучих баз и плавучих замков (наподобие линкоров и авианосцев), чтобы следить за ними» [Vaidya 1949: 29]. Для этих целей исследователь предлагал создать три крупных флота, которые базировались бы в Бенгальском заливе, в Тринкомали на Цейлоне и Маврикии. Цепь индийских баз, по замыслу К.Б. Ваидьи, должна была простираться вдоль всего побережья Индийского океана и включать в себя, в частности, Сингапур, Пенанг, Тринкомали, Коломбо, Карачи, порты в Омане, Адене, на мысе Доброй Надежды, Мальдивах, архипелаге Чагос, Сейше-лах, Маврикии, Мадагаскаре. Все это должно было в конце концов обеспечить Индии место в числе ведущих морских держав.

Очевидно, что такой амбициозный замысел не отвечал ни возможностям Индии, ни внешне-политической обстановке, так как требовал тем или иным образом добиться передачи Индии баз, принадлежащих колониальным державам, включая Британию и ее доминионы, Португалию и Францию. Показательно, что после написания «Морской обороны Индии» К.Б. Ваидья охладел к теме геополитических планов в отношении Индийского океана, вновь переключившись на китайскую тему.

В отличие от К.Б. Ваидьи, К.М. Паниккар еще до войны прославился как ученый, занимавшийся историей Индии, и чиновник, работавший как на гражданской, так и на дипломатической службе. Исторические штудии, прежде всего исследования истории родного региона Керала, привели К.М. Паниккара к мысли о том, что ключевое значение для Индии имеет обеспечение морской безопасности: именно доминирование западных держав в океане позволило им завоевать Индостан. На К.М. Паниккара заметное влияние оказали идеи немецких геополитиков, в первую очередь К. Хаусхофера, и британского адмирала Р. Балларда. Кроме того, К.М. Паниккар обращался к наследию турецкого адмирала Хайреддина-паши, заимствовав у него один из главных своих тезисов: «Тот, кто господствует над морями, вскоре будет господствовать и над землей».

К.М. Паниккар был близок как с умеренным крылом индийского национально-освободительного движения, так и с британскими элитами. В годы Второй мировой войны он попал в орбиту деятельности кружка Олафа Кэроу, министра иностранных дел Британской Индии, который совместно с Лео Эймери занимался формированием индийской интеллектуальной и политической элиты, которой предстояло возглавить страну после предоставления ей независимости. Под влиянием общения с членами круга О. Кэроу К.М. Паниккар стал сторонником доктрины «взаимозависимости» — необходимости тесного сотрудничества Индии и Британской империи.

В работах «Будущее Индии и Юго-Восточной Азии» [Panikkar 1945b], «Стратегические проблемы Индийского океана» [Panikkar 1944], «Индия и Индийский океан: Эссе по вопросу влияния морской силы на индийскую историю» [Panikkar 1945a], «Основа для индо-британского соглашения» [Panikkar 1946] К.М. Паниккар предлагал создать единую систему безопасности для будущих индийских государств — Хиндустана и Пакистана — под покровительством Британии. В этом случае новая независимая Индия становилась ключевым игроком в регионе и главным элементом Совета Индийского океана (или Совета обороны, как он именуется в ранних работах) — структуры, которую предлагалось сформировать в рамках Британского содружества и которая бы занималась вопросами экономики и безопасности региона.

В концепции К.М. Паниккара зона непосредственного влияния Индии должна была включать в себя Бирму и Цейлон. Как и К.Б. Ваидья, К.М. Паниккар предлагал создать цепь баз вокруг Индийского океана, включающую Сингапур, Маврикий и Сокотру: «Если вокруг Индии будет создано кольцо из стали с воздушными и морскими базами в подходящих точках и если в пределах этой зоны, таким образом, будет создан военный флот, достаточно сильный для того, чтобы защитить домашние воды, тогда воды, критически важные для безопасности и преуспевания Индии, будут защищены и превращены в зону безопасности» [Panikkar 1945a: 15].

Ключевая разница между теоретиками состояла в следующем: К.М. Паниккар обоснованно полагал, что Индия не сможет быстро создать сильный флот. Основные надежды при этом ис-

следователь возлагал на сотрудничество с Британией, считая, что ее геополитические интересы не позволят ей уйти из Индийского океана — это станет для нее «национальным суицидом». «Политика стального кольца вокруг Индии была необходима для безопасности, прежде всего, самой Индии. В регионе Индийского океана политика Британии есть политика Индии, и нет никакой почвы для конфликта или соперничества», — утверждал он [Panikkar 1946: 36].

Таким образом, у обоих теоретиков — и у К.М. Паниккара, и у К.Б. Ваидьи — мы находим одну и ту же идею, восходящую еще к временам португальского владычества: необходимость контроля над ключевыми точками входа в океан. Индия должна стать доминирующей силой в океане — одна или в содружестве с Британией. Показательно, что даже пробританская концепция К.М. Паниккара больше не предусматривает вспомогательного или подчиненного положения индийского флота, как и подчинения интересов Индии интересам Британии.

Если идеи К.Б. Ваидьи оказались для политических и военных элит слишком радикальными (к примеру, в 2002 г. индийский офицер и эксперт Г. Хиранандани утверждал, что «Индия никогда не рассматривала океан как Индийское озеро и не использовала это выражение» [Hiranandani 2002: 71]), то идеи К.М. Паниккара прочно вошли в индийский политический дискурс — прежде всего, потому, что находились в русле индийской политики того времени. Премьер-министр Дж. Неру проводил в те годы политику, которую сам сравнивал с американской «доктриной Монро», утверждая, что любое вмешательство внешней державы в дела государств Индостана Индия рассматривает как вмешательство в свои внутренние дела и готова этому противодействовать. В свою очередь, его политический соратник и оппонент С.В. Патель утверждал, что Индии «самим ее географическим положением предназначено иметь сильный флот, который бы охранял ее протяженную береговую линию и нес дозор в огромных водных просторах, которые окружают Индию» [Pant 2010: 35].

Другой причиной, по которой идеи К.М. Паниккара были восприняты индийскими элитами и включены в дискурс, стало то, что они отвечали реалиям развития индийских ВМС.

Еще до получения Индией независимости британское военно-морское командование разрабатывало варианты дальнейшего развития индийского флота. В соответствии с ними ему отводилась вспомогательная роль в системе обороны Британской империи: охрана берегов, основных прибрежных маршрутов, обеспечение своих и пресечение неприятельских десантов. Предусматривалось, что флот должен быть такого размера, чтобы в случае малой войны мог отразить нападение, а в случае большой, под которой подразумевалось нападение СССР, продержался бы до подхода сил Содружества. Это требовало увеличения и переоснащения флота, укомплектования его современными крейсерами, эсминцами и фрегатами.

После получения Индией независимости и раздела Королевского Индийского флота ВМС Индии состояли из 4 шлюпов, 2 фрегатов, корвета и 12 прибрежных тральщиков, 8 из которых в 1948 г. были уничтожены циклоном в гавани Бомбея, и поэтому не могли выполнять даже вспомогательные функции. Первый командующий ВМС Индии контр-адмирал Р. Холл предложил десятилетний план развития флота, предусматривающий заказ двух авианосцев, трех крейсеров, 8 эсминцев и 4 подводных лодок; сменивший его вице-адмирал Э. Парри расширил программу, которая теперь предусматривала, в частности, заказ 4 авианосцев. В случае реализации программа Э. Парри сделала бы индийский флот ключевым игроком в Индийском океане — в полном соответствии с замыслами К.М. Паниккара и линией Дж. Неру, который через Э. Парри добивался от Лондона признания того факта, что индийский флот не должен быть придатком британского.

Но амбициозные планы наткнулись как на противодействие другого британского советника Дж. Неру — профессора П. Блэкетта, предлагавшего Индии не тратить деньги на закупку дорогостоящих кораблей, чтобы стать бастионом Британской империи на Востоке, а исходить прежде всего из собственных интересов, снизив военные расходы до уровня необходимых и потратив высвободившиеся деньги для создания аграрной и промышленной базы, необходимой для экономического роста. В результате конфликта Э. Парри и П. Блэкетта удалось прийти

к общему решению, предусматривавшему заказ двух легких авианосцев, первый из которых должен был войти в строй в 1955 г.

Однако и эта программа не была выполнена из-за бюджетных ограничений. Число предполагаемых авианосцев было снижено до одного, однако даже для его приобретения у Индии не было денег, а Британия не желала снабжать бесплатно кораблями режим Дж. Неру, взявший политический курс на неприсоединение и отказавшийся посылать войска для участия в послевоенных конфликтах на стороне западных держав.

Санкцию на покупку авианосца Дж. Неру дал лишь в 1956 г. Этот неожиданный прорыв был связан с ростом военно-морской мощи Пакистана, который к тому моменту стал членом СЕНТО и СЕАТО, получив значительную помощь от США и Великобритании. Однако начавшаяся спешная модернизация индийского флота и расширение сети его баз не были закончены до начала пограничной войны с Китаем, в первую очередь из-за бюджетных ограничений [Kavic 1967: 119—120]. Пограничная война 1962 г. окончательно похоронила идеи развития большого флота. Так как боевые действия велись исключительно на суше, то в последующие годы руководство страны уделяло основное внимание развитию армии и ВВС.

В результате во время индо-пакистанской войны 1965 г. индийский флот, будучи формально сильнее пакистанского, занимал выжидательную позицию, фактически не будучи в состоянии выйти в море. Итогом стали успешные набеговые действия пакистанских ВМС, в частности обстрел города Дварка. Официально было объявлено, что Индия не предпринимала ответных действий, чтобы не раздувать конфликт. Фактически же война продемонстрировала полную неготовность индийского флота к войне и его неспособность обеспечить оборону берегов.

Таким образом, концепция владения морем, разработанная К.Б. Вайдией и К.М. Паниккаром и поддерживаемая британскими адмиралами, руководившими индийским флотом, пала жертвой неспособности Индии содержать большой флот. Само политическое руководство Индии, невзирая на формальную поддержку, оказанную сторонникам роста морского могущества, достаточно быстро охладело к этой идее. «Доктрина

Монро» в варианте Дж. Неру оказалась доктриной господства исключительно на суше: амбиции индийского руководства не выходили за пределы побережья Индостана. Помимо этого идея о британско-индийском сотрудничестве, которое бы позволило Индии, пусть и в усеченном варианте, обеспечить себе господство на море, была отброшена Дж. Неру в пользу создания Движения неприсоединения и расширения Бандунгского процесса. Это, в свою очередь, означало, что Индия лишается возможности контролировать «точки входа» в Индийский океан.

Второй этап (1965—1991 гг.): «зона мира» и «доктрина Индиры»

По итогам неудачных действий в войне 1965 г. руководство Индии осознало необходимость сбалансированного развития вооруженных сил, запустив программу возрождения флота. Важным фактором, кроме неудач на море, стал объявленный в 1964 г. вывод британских сил к востоку от Суэца. С уходом британского флота возник так называемый «вакуум морской силы», который постепенно начал заполняться благодаря присутствию советских и американских ВМС (подробный разбор и критику см.: [Лебедева 1991: 21—43]). В Индии сама идея такого «вакуума» в Индийском океане (по иронии судьбы, впервые предложенная индийскими экспертами еще в 1958 г. [Kaushik 1972: 107]) вызвала волну критики: индийские эксперты, политики и военные отрицали сам факт его существования, полагая, что концепция «вакуума морской силы» будет использована сверхдержавами для оправдания своего присутствия в регионе [Lal 1995: 39—44] и приведет к превращению Индийского океана в «зону конфликта» [Kumar K. 2000: 29]. В свою очередь, индийский теоретик К. Субрахманьям выдвинул встречную теорию, согласно которой присутствие внешних сил в бассейне Индийского океана неминуемо ведет к нарастанию нестабильности в регионе [Indian Ocean... 1985: 4].

Перспектива вывода британских сил поставила Индию в сложное положение. По экономическим соображениям она не могла быстро увеличить вооруженные силы, чтобы претендовать на доминирование в регионе, а соображения сохранения стратегической автономии не позволяли ей примкнуть к одному из блоков. В итоге

индийское руководство выбрало единственный возможный в этой ситуации путь: укреплять отношения с малыми и средними странами региона [Sidhu 1983: 72—73]. Нью-Дели поддержал предложенную малыми странами инициативу по созданию «зоны мира» в Индийском океане. Это подразумевало отказ от присутствия в океане сил внешних держав, которое грозило превращением акватории океана в новый театр военных действий холодной войны [Bhasin 1981: 128—129] и возможным попаданием прибрежных стран под влиянием сверхдержав, превосходящих их как в военной сфере, так и в сфере экономики и технологий [Rama Rao 1974: 85]. Учитывая, что все ключевые «точки входа» находились в руках держав, настроенных к Индии в лучшем случае нейтрально, эта позиция не имела альтернатив.

При этом Индия продолжала укреплять флот. Уже следующая война с Пакистаном в 1971 г. окончилась полной победой Индии, в которой ее ВМС сыграли существенную роль, обеспечив блокаду побережья Бенгальского залива и осуществив набеги на побережье Западного Пакистана. По итогам войны Индия утвердила свой статус ведущей региональной державы [Braun 1983: 130]. Политика увеличения флота продолжалась на протяжении последующих двух десятилетий. К 1986 г. индийский флот представлял серьезную силу: в его составе было 12 подводных лодок, 10 эсминцев, 27 фрегатов, крейсер и авианосец [Rais 1986: 160], спустя год был приобретен еще один авианосец.

Наращивание флота лежало в русле политики, получившей неофициальное название «доктрина Индиры», или «доктрина Раджива» по имени двух премьер-министров Индии — Индиры и Раджива Ганди. Впервые контуры этой политики были обозначены индийским экспертом и аналитиком Бхабани Сен Гуптой [Sen Gupta 1983]. Она подразумевала сохранение статус-кво в регионе Индийского океана и недопущение изменений в политической сфере, угрожавших интересам Индии. От «доктрины Неру» «доктрина Индиры» отличалась тем, что в зону интересов Индии включалась акватория Индийского океана и находящиеся в нем территории. На практике доктрина реализовывалась путем участия Индии в разрешении конфликтов в Индийском океане, помощи государствам региона в ликвидации

последствий стихийных бедствий и иных кризисов. В качестве примера действий Индии в рамках «доктрины Индиры» можно привести вмешательство Индии в гражданскую войну на Шри-Ланке в 1970—1980-х гг., планировавшуюся индийскую интервенцию на Маврикий в 1983 г., отправку военно-морских сил для предотвращения переворота на Сейшелах в 1986 г., ликвидацию индийскими вооруженными силами переворота на Мальдивах в 1988 г.

«Доктрина Индиры» не была оформлена в официальных документах и полностью отсутствовала во внешнеполитическом дискурсе. Ни в выступлениях индийских политиков, ни в работах высокопоставленных военных, политиков и экспертов того времени не удалось найти ни одного упоминания не только «доктрины Индиры / Раджива», но даже намеков на претензии на контроль Индии над океаном¹. В работах С.Н. Кохли [Kohli 1978], К.С. Сидху [Sidhu 1983], Д. Каушика [Kaushik 1972], В.К. Бхасина [Bhasin 1981] упоминается лишь о желании Индии выстраивать сотрудничество со странами региона в целях превращения Индийского океана в зону мира либо разрабатываются общетеоретические проблемы (как, например, вопрос о территориальных водах как о «жидкой территории» государств, подробнее см.: [Abraham 2019: 95—98]). Таким образом, можно констатировать, что на этом этапе предложенные К.М. Паниккаром и К.Б. Вайдьей концепции владения морем полностью исчезли из индийского политического дискурса, и проводимая государством политика усиления контроля над океаном не отражалась в политическом дискурсе, а маскировалась им.

Третий этап (1991—2019 гг.): возрождение идеи о контроле над океаном

Окончание холодной войны полностью изменило ситуацию в мире, что вкупе с экономическим кризисом 1991 г. привело к реформати-

¹ В некотором роде «доктрину Индиры / Раджива» можно уподобить «доктрине Брежнева», которая так и не была оформлена в какой-либо текст и представляла собой просто набор общих представлений советского руководства, проистекавший из особенностей стратегической культуры и требований момента.

рованию индийской внешней политики, поиску новых партнеров и началу «поворота на Восток», переориентации торговых и политических связей. В ходе этого процесса формировался новый внешнеполитический дискурс, в котором отсутствовали предпосылки для оформления новой концепции контроля над океаном. Опасность того, что Индийский океан превратится в поле битвы сверхдержав, исчезла, однако экономические и военные возможности Индии не позволяли ей в полной мере заполнить образовавшийся вакуум, выдвигая претензии на роль регионального гегемона. Эта ситуация начала меняться лишь в 1998 г., когда к власти пришло правительство «Бхаратия Джаната парти», уделявшее больше внимания укреплению обороноспособности страны, в том числе ее морской составляющей: военные расходы в целом были увеличены на 14%, расходы на флот — на 17% [Scott 2006: 107].

В том же году контр-адмирал К. Раджа Менон выпустил книгу «Морская стратегия и континентальные войны», где заявил о необходимости разработки новой морской концепции Индии. В качестве одной из причин исследователь называл важную роль, которую флот может сыграть даже в случае сухопутного конфликта [Raja Menon 1998: 182—189]. Этот тезис получил подтверждение в ходе Каргильского конфликта в 1999 г.: несмотря на то что боевые действия протекали исключительно на суше, ВМС Индии внесли важный вклад в победу. В ходе операции «Талвар», разработанной под руководством адмирала С. Кумара, индийский флот, сконцентрированный в Аравийском море и обладающий полным превосходством в силах, продемонстрировал возможность блокады пакистанского побережья. Индийские корабли осуществляли патрулирование в море у самой кромки территориальных вод Пакистана, сопровождая танкеры с нефтью. В случае начала войны и установления полной блокады запасы углеводородов в Пакистане иссякли бы через несколько дней, а операция индийского флота против Карачи привела бы к уничтожению части нефтяных запасов и одного из двух крупнейших нефтеперерабатывающих заводов страны [Rathore 2016].

По итогам Каргильского конфликта в высшем индийском руководстве возникла группа, которую можно условно назвать «флотофилами»: ее участники публично выступали за ускоренное развитие ВМС. В нее вошли глава МИД Д. Сингх,

национальный советник по безопасности Б. Мишра и министр обороны Дж. Фернандес. Переосмыслению роли флота способствовали трансформация списка вызовов и угроз (увеличение объемов контрабанды оружия и наркотиков, торговли людьми, возрождение морского пиратства) и изменение геополитического ландшафта региона и активизация в акватории Индийского океана новых акторов (КНР, Саудовская Аравия, Турция). Наконец, бурный рост индийской экономики в 2000-х гг. создал иллюзию того, что бюджет страны способен обеспечить ускоренное создание мощного флота.

В результате в индийский политический дискурс постепенно стала возвращаться идея о владении морем. Этот процесс происходит на двух уровнях — военно-политическом и экспертном, между которыми существует тесная связь: многие представители военно-политического сообщества после выхода в отставку пополняют число экспертов.

Взгляды военного и политического руководства Индии нашли выражение в двух основных документах: «Морской доктрине» и «Морской военной стратегии». Первая редакция их была опубликована в 2004 и 2007 гг. соответственно, вторая — в 2009² и в 2015 гг.³ Ключевым понятием в новейшей редакции этих документов является «контроль над морем» (*sea control*), противопоставляемый «господству на море» (*command of the sea*). Главное различие состоит в том, что «господство на море» подразумевает абсолютное недопущение неприятельских действий в акватории, в то время как «контроль над морем» как более гибкое понятие подразумевает минимизацию риска. Согласно индийской стратегии, для того чтобы добиться эффективного «контроля над морем», необходимо тесное сотрудничество с другими государствами бассейна Индийского океана, включая те, в руках которых находятся «узкие места». Таким образом, в ключевых стратегических документах вновь постули-

² Indian Maritime Doctrine. Indian Navy, Naval Strategic Publication, 2009. URL: <https://www.indiannavy.nic.in/sites/default/files/Indian-Maritime-Doctrine-2009-Updated-12Feb16.pdf> (accessed: 12.01.2019).

³ Ensuring Secure Seas: Indian Maritime Security Strategy. Indian Navy, Naval Strategic Publication, 2015. URL: https://www.indiannavy.nic.in/sites/default/files/Indian_Maritime_Security_Strategy_Document_25Jan16.pdf (accessed: 12.01.2019).

руется концепция, разработанная португальцами полтысячелетия назад, с учетом новых исторических и политических реалий, которые выражаются, в частности, в том, что само понятие «контроля» теперь неразрывно связано с функционированием систем безопасности и экономики региона (IONS и IORA) [Wagner 2017; Kapur 2017].

Помимо официальных документов взгляды военно-политического руководства часто выражаются в виде выступлений, упоминания о которых можно встретить в прессе. Как правило, там чиновники и военные высказываются более откровенно. Характерными примерами являются выступление в 2007 г. главы МИД П. Мукерджи, объявившего о намерении Индии «утвердиться в мире не только как континентальная держава, а как держава морская и, как следствие, как держава, играющая значительную роль на мировой арене» [Brewster 2014: 33], и выступление в 2009 г. адмирала С. Мехты, в котором он заявил о необходимости «справиться» с китайским флотом в ближайшие годы как при помощи усиления сотрудничества, так и при помощи тактики асимметричного соперничества [Winner 2013: 113—114].

В экспертном сообществе, в свою очередь, также наблюдается повышенный интерес к теме контроля над океаном. Из наиболее ярких представителей этого сообщества, выступающих за укрепление морской составляющей государственной безопасности, можно назвать Си Раджу Мохана [Raja Mohan 2013], адмирала А. Пракаша [Prakash 2007, 2016], Г. Кхурану [Khurana 2018], Й. Кумара [Kumar Y. 2015], К.Р. Сингха [Singh 2008]. Как правило, эксперты более откровенны в оценках и не стесняются открыто говорить об Индийском океане как о зоне влияния Индии. В частности, влиятельный эксперт Б. Карнад в своей работе подвергает жесткой критике премьер-министра Н. Моди за отказ от самого упоминания в речах наличия у Индии сферы влияния [Karnad 2018: 161—163], а в одном из индийско-американских обзоров, подготовленном экспертами обеих стран, прямо говорится о Южной Азии и обо всем регионе Индийского океана как о «геополитическом пространстве» Индии [Singh, Pande, Smith et al. 2018: 49]. Как правило, в рамках формирования новой морской составляющей политического дискурса декларируется разрыв с прошлым, которое определяется

как время «морской слепоты», в которой в первую очередь повинны западные колонизаторы. К.М. Паниккар воспринимается как мессия, как «единственный индийский голос, чьи работы начали рассеивать эту коллективную амнезию» [Holmes, Winner, Yoshihara 2009].

В общей сложности две эти группы, действуя совместно, способствуют возвращению в индийский политический дискурс идеи контроля над океаном. Эти усилия поддерживаются руководством Индии: так, премьер-министр М. Сингх не раз указывал, что линия защиты Индии должна проходить по морю и включать все побережье Индийского океана [Raja Mohan 2015: 163]. После прихода к власти Н. Моди в 2015 г. заявил о формировании новой океанской стратегии SAGAR (Security And Growth for All in the Region), которая рядом индийских экспертов была объявлена коренным изменением в самой системе политических и экономических отношений в регионе, основанном на незападной концепции взаимодействия государств, так называемой «радждхарма», в которой страны вместо борьбы за влияние выполняют предназначенные им судьбой функции [Chaturvedi 2017: 36—63].

Заключение

Таким образом, подводя итог, можно констатировать, что в настоящий момент в индийском политическом дискурсе в целом преодолен период «небрежения морем», идет активное включение в него идеи «контроля над океаном», для которой характерны следующие черты:

1) апелляция к истории и опыту прошлого (указание на древность идеи о контроле над «узкими местами», повышенное внимание к морскому прошлому Индии как к неотъемлемой части индийского наследия);

2) восприятие в качестве ключевого соперника Китая (активно выражается в текстах экспертов и выступлениях политиков и военных, отсутствует в официальных документах);

3) система контроля над морем мыслится в терминах создания неформального союза государств, в которую будут входить страны, контролируемые «точки входа», причем подразумевается, что главную роль будет играть Индия.

Подобная трансформация дискурса в целом находится в русле нарастания внимания индийских политических элит к концепции Индо-

Тихоокеанского региона (ИТР). В рамках формирования этого региона Индийский океан мыслится как субрегион, в котором Индия должна играть главенствующую роль. При этом сама концепция «контроля» позволяет избежать принятия на себя излишних обязательств и более гибко подходить

к строительству океанского флота, что актуально для Индии с учетом напряжения экономических сил в ходе реализации программы кардинальной перестройки экономики, начатой правительством Н. Моди.

Библиографический список

- Лебедева Н.Б.* Международные отношения в зоне Индийского океана. Москва: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991.
- Ярославцева А.Я.* Специфика внешнеполитического дискурса // *Филология и культура*. 2015. № 4. С. 185—191.
- Abraham I.* A Doubled Geography: Geobody, Land and Sea in Indian Security Thought // *New Directions in India's Foreign Policy: Theory and Praxis* / Ed. by Harsh V. Pant. Cambridge: Cambridge University Press, 2019. P. 85—105.
- Bhasin V.K.* Super Power Rivalry in the Indian Ocean. New Delhi: S. Chand & Company, 1981.
- Braun D.* The Indian Ocean: Region of Conflict or 'Zone of Peace'? London: C. Hurst & Co, 1983.
- Brewster D.* India's Ocean: The Story of India's Bid for Regional Leadership. Abington: Routledge, 2014.
- Chaturvedi S.* Mapping the Maritime Order from International Relations' Theoretical Perspectives // *Whither Indian Ocean Maritime Order?* / Ed. by Y. Kumar. New Delhi: India International Centre, KW Publishers, 2017. P. 33—70.
- Hiranandani G.* The Indian End of the Telescope: India and Its Navy // *Naval War College Review*. 2002. Vol. 55. No. 2. P. 61—72.
- Holmes J.R., Winner A.C., Yoshihara T.* Indian Naval Strategy in the 21st Century. Abingdon: Routledge, 2009.
- Indian Ocean as Zone of Peace: Changing Perspectives* // *Spotlight of Regional Affairs*. 1985. Vol. IV, No. 10—11. Islamabad: Institute of Regional Studies, 1985.
- Kapur L.* Security Architecture in the Indian Ocean: Way Forward // *Strategic Balance in the Indo-Pacific Region: Challenges and Prospects* / Ed. by M.H. Rajesh, R.K. Sharma. New Delhi: Vij Books India, 2017. P. 145—153.
- Karnad B.* Staggering Forward: Narendra Modi and India's Global Ambition. Gurgaon: Penguin, 2018.
- Kaushik D.* The Indian Ocean: Towards a Peace Zone. Delhi: Vikas Publications, 1972.
- Kavic L.J.* India's Quest for Security: Defence Policies 1947—1965. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1967.
- Khurana G.S.* The Indo-Pacific Region: The Emerging Geopolitical and Security Environment. Dictus Publishing, 2018.
- Kohli S.N.* Sea Power and the Indian Ocean: with Special Reference to India. New Delhi: Tata McGraw-Hill, 1978.
- Kumar K.* Indian Ocean as a Zone of Peace: Problems and Prospects. New Delhi: A.P.H. Publishing Corporation, 2000.
- Kumar Y.* Diplomatic Dimension of Maritime Challenges for India in the 21st Century. New Delhi: Pentagon Press, 2015.
- Lal N.* Indian Ocean and Peace Zone Politics. New Delhi: Kanishka Publishers, 1995.
- Lessa I.* Discursive Struggles within Social Welfare: Restaging Teen Motherhood // *The British Journal of Social Work*. 2006. Vol. 36. No. 2. P. 283—298. DOI: 10.1093/bjsw/bch256.
- Panikkar K.M.* India and the Indian Ocean: an Essay on the Influence of Sea Power on Indian History. New York: Macmillan Company, 1945a.
- Panikkar K.M.* The Basis of an Indo-British Treaty. Bombay: Oxford University Press, 1946.
- Panikkar K.M.* The Future of India and South East Asia. Bombay: Allied Publishers, 1945b.
- Panikkar K.M.* The Strategic Problems of the Indian Ocean. New Delhi: The Indian Institute of International Affairs, 1944.
- Pant H.V.* Indian Navy's Moment of Reckoning: Intellectual Clarity Need of the Hour // *Maritime Affairs: Journal of the National Maritime Foundation of India*. 2010. Vol. 5. No. 2. P. 32—46. DOI: 10.1080/09733150903441945.
- Prakash A.* Crafting a Strategy for India's Maritime Security // *New Arthashastra: a Security Strategy for India* / Ed. by G. Kanwal. New Delhi: Harper Collins Publishers, 2016. P. 168—188.
- Prakash A.* From the Crow's Nest: a Compendium of Speeches and Writings on Maritime and Other Issues. New Delhi: Lancer Publishers, 2007.
- Rais R.B.* The Indian Ocean and the Superpowers. London, Sydney: Croom Helm, 1986.
- Raja Menon K.* Maritime Strategy and Continental Wars. London: Frank Cass, 1998.
- Raja Mohan C.* Modi's World: Expanding India's Sphere of Influence. New Delhi: Harper Collins, 2015.
- Raja Mohan C.* Samudra Mathan: Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific. New Delhi: Oxford University Press, 2013.
- Rama Rao R.* An Indian Ocean Strategy for India // *Indian Ocean Power Rivalry* / Ed. by T.T. Poulouse. New Delhi: Young Asia Publications, 1974. P. 74—87.

- Rathore A.S. Kargil: The Heights of Bravery. New Delhi: Partridge India, 2016.
- Scott D. India's "Grand Strategy" for the Indian Ocean: Mahanian Visions // *Asia-Pacific Review*. 2006. Vol. 13. No. 2. P. 97—129. DOI: 10.1080/13439000601029048.
- Sen Gupta B. Carnage in Sri Lanka Spawns Indian Doctrine of Regional Security // *India Today*. 1983. URL: <https://www.indiatoday.in/magazine/cover-story/story/19830831-carnage-in-sri-lanka-spawns-indian-doctrine-of-regional-security-770977-2013-07-20> (accessed: 20.02.2019).
- Sidhu K.S. The Indian Ocean: a Zone of Peace. New Delhi: Harnam Publications, 1983.
- Singh A., Pande A., Smith J.M., Saran S., Josthi S., Lohman W. The New India—US Partnership in the Indo-Pacific: Peace, Prosperity and Security. New Delhi: Observer Research Foundation, 2018.
- Singh K.R. Maritime Security for India: New Challenges and Responses. New Delhi: New Century Publications, 2008.
- Vaidya K.B. The Naval Defence of India. Bombay: Thacker and Co Ltd, 1949.
- Wagner C. Security Architecture in the Indian Ocean: Way Forward // *Strategic Balance in the Indo-Pacific Region: Challenges and Prospects* / Ed. by M.H. Rajesh, R.K. Sharma. New Delhi: Vij Books India, 2017. P. 138—144.
- Winner A.C. India: Dominance, Balance, or Predominance in the Indian Ocean? // *Deep Currents and Rising Tides: The Indian Ocean and International Security* / Ed. by J. Garofano, A.J. Dew. Washington: Georgetown University Press, 2013. P. 111—135.

Дата поступления статьи: 07.02.2019

Для цитирования: Куприянов А.В. Геополитика моря: идея контроля над океаном в политическом дискурсе независимой Индии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 2. С. 234—246. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-234-246.

Сведения об авторе: Куприянов Алексей Владимирович — кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора международных организаций и глобального политического регулирования отдела международно-политических проблем Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (e-mail: a.kupriyanov@imemo.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-234-246

Geopolitics of the Sea: the Idea of Ocean Control in the Political Discourse of Independent India

A.V. Kupriyanov

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Abstract. The article is devoted to the history of the idea of control over the Indian Ocean in the context of the development of India's political discourse. This issue relates to the history of the development of the maritime security component of India in colonial and postcolonial times. The author seeks to analyze the genesis of the idea of India's control over the sea, the main stages of its formation and its specific features. The relevance of the issue is emphasized by the attention paid in present-day India to the problem of effective control over the Indian Ocean, its perception as zone of Indian dominance in the context of the formation of the Indo-Pacific region. The article proves that the concept of ocean control, which is now popular among Indian politicians and experts, was formed as a result of the consistent evolution of discourse, to which theorists, military and politicians contributed. As a result of this evolution, India developed its own concept of control over sea spaces, implying the role of India as the main supplier of security in the region and the leader of the regional community of countries, which includes the states controlling the key points of the Indian Ocean. This evolution can be divided into three stages. During the first one (1947—1965) the doctrine of 'possession of the sea' was formulated, and this was done by K.M. Panikkar and K.B. Vaidya. Those plans, however, were not realized due to lack of resources. During the second stage (1965—1991) the idea was removed from the Indian external and internal political discourse. At the same time Navy's size and equipment were constantly growing, allowing India to defeat Pakistan at sea in 1971 and successfully solve tactical tasks, supporting profitable status quo in the Indian Ocean region. Finally, during the third stage (1991—2019) the idea of control over the ocean was revived. As a result of this evolution, India developed its own concept of control over ocean spaces, implying the role of the country as the main supplier of security in the region and the leader of the regional community of countries, which includes the states controlling the key points of the Indian Ocean.

Key words: India, Indian Ocean, K.M. Panikkar, K.B. Vaidya, Navy, sea control

References

- Abraham, I. (2019). A Doubled Geography: Geobody, Land and Sea in Indian Security Thought. In: *New Directions in India's Foreign Policy: Theory and Praxis* / Ed. by Harsh V. Pant. Cambridge: Cambridge University Press.
- Bhasin, V.K. (1981). *Super Power Rivalry in the Indian Ocean*. New Delhi: S. Chand & Company.
- Braun, D. (1983). *The Indian Ocean: Region of Conflict or 'Zone of Peace'?* London: C. Hurst & Co.
- Brewster, D. (2014). *India's Ocean: The Story of India's Bid for Regional Leadership*. Abington: Routledge.
- Chaturvedi, S. (2017). Mapping the Maritime Order from International Relations' Theoretical Perspectives. In: *Whither Indian Ocean Maritime Order?* / Ed. Y. Kumar. New Delhi: India International Centre, KW Publishers.
- Hiranandani, G. (2002). The Indian End of the Telescope: India and Its Navy. *Naval War College Review*, 55 (2), 61—72.
- Holmes, J.R., Winner, A.C. & Yoshihara, T. (2009). *Indian Naval Strategy in the 21st Century*. Abingdon: Routledge.
- Indian Ocean as Zone of Peace: Changing Perspectives. (1985). *Spotlight of Regional Affairs*, IV (10—11).
- Kapur, L. (2017). Security Architecture in the Indian Ocean: Way Forward. In: *Strategic Balance in the Indo-Pacific Region: Challenges and Prospects* / Ed. by M.H. Rajesh, R.K. Sharma. New Delhi: Vij Books India.
- Karnad, B. (2018). *Staggering Forward: Narendra Modi and India's Global Ambition*. Gurgaon: Penguin.
- Kaushik, D. (1972). *The Indian Ocean: Towards a Peace Zone*. Delhi: Vikas Publications.
- Kavic, L.J. (1967). *India's Quest for Security: Defence Policies 1947—1965*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
- Khurana, G.S. (2018). *The Indo-Pacific Region: The Emerging Geopolitical and Security Environment*. Dictus Publishing.
- Kohli, S.N. (1978). *Sea Power and the Indian Ocean: with Special Reference to India*. New Delhi: Tata McGraw-Hill.
- Kumar, K. (2000). *Indian Ocean as a Zone of Peace: Problems and Prospects*. New Delhi: A.P.H. Publishing Corporation.
- Kumar, Y. (2015). *Diplomatic Dimension of Maritime Challenges for India in the 21st Century*. New Delhi: Pentagon Press.
- Lal, N. (1995). *Indian Ocean and Peace Zone Politics*. New Delhi: Kanishka Publishers.
- Lebedeva, N.B. (1991). *International Relations in the Indian Ocean Zone*. Moscow: Nauka. (In Russian).
- Lessa, I. (2006). Discursive Struggles within Social Welfare: Restaging Teen Motherhood. *The British Journal of Social Work*, 36 (2), 283—298. DOI: 10.1093/bjsw/bch256.
- Panikkar, K.M. (1944). *The Strategic Problems of the Indian Ocean*. New Delhi: The Indian Institute of International Affairs.
- Panikkar, K.M. (1945a). *India and the Indian Ocean: an Essay on the Influence of Sea Power on Indian History*. New York: Macmillan Company.
- Panikkar, K.M. (1945b). *The Future of India and South East Asia*. Bombay: Allied Publishers.
- Panikkar, K.M. (1946). *The Basis of an Indo-British Treaty*. Bombay: Oxford University Press.
- Pant, H.V. (2010). Indian Navy's Moment of Reckoning: Intellectual Clarity Need of the Hour. *Maritime Affairs: Journal of the National Maritime Foundation of India*, 5 (2), 32—46. DOI: 10.1080/09733150903441945.
- Prakash, A. (2007). *From the Crow's Nest: a Compendium of Speeches and Writings on Maritime and Other Issues*. New Delhi: Lancer Publishers.
- Prakash, A. (2016). Crafting a Strategy for India's Maritime Security. In: *New Arthashastra: a Security Strategy for India* / Ed. by G. Kanwal. New Delhi: Harper Collins Publishers.
- Rais, R.B. (1986). *The Indian Ocean and the Superpowers*. London, Sydney: Croom Helm.
- Raja Menon, K. (1998). *Maritime Strategy and Continental Wars*. London: Frank Cass.
- Raja Mohan, C. (2013). *Samudra Mathan: Sino-Indian Rivalry in the Indo-Pacific*. New Delhi: Oxford University Press.
- Raja Mohan, C. (2015). *Modi's World: Expanding India's Sphere of Influence*. New Delhi: Harper Collins.
- Rama Rao, R. (1974). An Indian Ocean Strategy for India. In: *Indian Ocean Power Rivalry* / Ed. by T.T. Poulse. New Delhi: Young Asia Publications.
- Rathore, A.S. (2016). *Kargil: The Heights of Bravery*. New Delhi: Partridge India.
- Scott, D. (2006). India's "Grand Strategy" for the Indian Ocean: Mahanian Visions. *Asia-Pacific Review*, 13 (2), 97—129. DOI: 10.1080/13439000601029048.
- Sen Gupta, B. (1983). Carnage in Sri Lanka spawns Indian doctrine of regional security. *India Today*. URL: <https://www.indiatoday.in/magazine/cover-story/story/19830831-carnage-in-sri-lanka-spawns-indian-doctrine-of-regional-security-770977-2013-07-20> (accessed: 20.02.2019).
- Sidhu, K.S. (1983). *The Indian Ocean: a Zone of Peace*. New Delhi: Harnam Publications.
- Singh, A., Pande, A., Smith, J.M., Saran, S., Josthi, S. & Lohman, W. (2018). *The New India—US Partnership in the Indo-Pacific: Peace, Prosperity and Security*. New Delhi: Observer Research Foundation.
- Singh, K.R. (2008). *Maritime Security for India: New Challenges and Responses*. New Delhi: New Century Publications.
- Vaidya, K.B. (1949). *The Naval Defence of India*. Bombay: Thacker and Co Ltd.
- Wagner, C. (2017). Security Architecture in the Indian Ocean: Way Forward. In: *Strategic Balance in the Indo-Pacific Region: Challenges and Prospects* / Ed. by M.H. Rajesh, R.K. Sharma. New Delhi: Vij Books India.

Winner, A.C. (2013). India: Dominance, Balance, or Predominance in the Indian Ocean? In: *Deep Currents and Rising Tides: The Indian Ocean and International Security* / Ed. by J. Garofano, A.J. Dew. Washington: Georgetown University Press.
Yaroslavtseva, Y.A. (2015). Peculiarities of Foreign Policy Discourse. *Philology and Culture*, 4, 185—191. (In Russian).

Received: 07.02.2019

For citations: Kupriyanov, A.V. (2019). Geopolitics of the Sea: the Idea of Ocean Control in the Political Discourse of Independent India. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (2), 234—246. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-234-246.

About the author: *Kupriyanov Alexey Vladimirovich* — PhD in History, Research Fellow of the Sector of International Organizations and Global Political Regulation, Staff Member of the Department of International Political Problems, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (e-mail: a.kupriyanov@imemo.ru).

© Куприянов А.В., 2019

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-247-255

Development of International Relations at the Periphery: The Case of Bangladesh

L. Yasmin

University of Dhaka, Dhaka, Bangladesh

Abstract. International Relations (IR) is no longer considered as an academic discipline that analyzes the major powers or great powers' activities only. From its Cold War content of emphasizing on traditional state-centric security, it has traversed a long way to expand its subject matter. Similarly, smaller nations and their imprints on international politics are also emerging as a significant area of inquiry in IR. This article seeks to contribute to this inquiry by discussing Bangladesh's rising significance and how academic IR addresses this issue. It traces the history of IR in Bangladesh as well as its gradual expansion. It discusses the growth of IR as an academic discipline at the University of Dhaka, Bangladesh, that gradually led to the development of IR studies in other parts of the country. The article documents this growth, which is the first of its kind to trace the rise and development of IR in Bangladesh. It therefore fulfils the lacuna in understanding how and where the growth of IR took place in a non-western country. One might contend what is the relevance of studying IR in Bangladesh. The article argues that despite being physically *small*, academic IR has generated interest in Bangladesh due to the changing geostrategic significance of the country. The article outlines the rising geopolitical significance of Bangladesh where great powers are interested to come and be a part of Bangladesh's development. It is in this context, the study of IR becomes more pertinent in Bangladesh.

Key words: international relations, Bangladesh, IR studies, geostrategic vision, universities of Bangladesh

The discipline of International Relations (IR) is a product of a specific time and place. The end of the First World War led to the rising concern on having a distinct discipline that would be able to explain causes of war and research on how to prevent it. The foundational principles have been state-centric concern for security, which was reinforced after the onset of the Cold War at the immediate aftermath of the Second World War. The end of the Cold War ushered a shift from a state-centric approach to recognizing non-state threats to security. This led to the unfolding of ontological questions in IR as well by challenging its Western origin as an academic discipline. Gradually scholars from around the world started to initiate and participate in the discussion of non-Western contribution to the discipline. Although this discussion was initially spearheaded from an avowedly Western context — that is from Europe and the United States (US) — non-Western IR established itself as a significant area of inquiry where IR does not only speak about the concerns of the West but also that of “the Rest”.

In this article, I inquire the development of IR from Bangladesh's perspective. One may argue what type contribution a country like Bangladesh — small in geographic size and its location predetermines

its inability to rise as a Great Power, among other predicaments — would have for IR to learn about the development of IR in the country. This is precisely the opposite of what I advance as my argument — that in the time of irreversible globalization and connectivity, IR scholarship must pay attention to its peripheral participants as well — who might look like “peripheral” in traditional context but are “rising” in regional context and can have, in turn, significant influence on international politics.

A nation of 48 years of existence, Bangladesh is the only country that emerged out of a violent conflict during the Cold War period [Buchanan, Moore 2003]. Its War of Independence of 1971 became a unique battle of Cold War politics between the US and former Soviet Union where the Soviet axis, with India firmly supporting Bangladesh's independence while the US, China and Pakistan opposing it. Bangladesh inherited the University of Dhaka, established in 1921, by virtue of which also inherited the very first academic discipline of International Relations established in undivided South Asia in July 1947. Since then, the study of IR in Bangladesh has traversed a long way. Not only the study of IR expanded in the country, but Bangladesh has also acquired a positive recognition in regi-

onal and international politics which makes it a significant stakeholder in preserving international peace and security.

This article intends to analyze the development of IR in Bangladesh in two broad sections. First, it seeks to find the answer to the question why do we study IR in Bangladesh. In other words, it discusses the rising significance of Bangladesh that makes the study of academic IR appealing, which has contributed to the expansion of IR. In the second section, the article focuses on the academic development of IR in the country as well trends in research in Bangladesh. The article traces the academic history of IR as well as explores how it is flourishing in Bangladesh. The trends in research highlight the immediate and long-term issues that impinge on Bangladesh's security and stability. It is in this context, the article concludes how the rising significance of Bangladesh is leading to both academic as well as non-academic discussions in Bangladesh on international relations.

A Rising Bangladesh: Increasing Geostrategic Significance

With 147,570 km², Bangladesh is a *small* South Asian nation wedged between India on its three sides and Myanmar on the other. As pointed out earlier in this paper, Bangladesh has generally been depicted as a “small” or “weak” nation due to this locational compulsion [Choudhury 1992], which has made it India-locked — or the presence of India as a significant actor in Bangladesh's foreign policy endeavors [Hassan 1989]. Bangladesh's impoverished condition did not escape being noticed internationally when immediately at the aftermath of its birth, American policymakers identified Bangladesh as an “international basket case” [Jahan 1972]. Thus, essentially, for Bangladesh, the first few decades of its emergence were the times to reconstruct and rebuild. Therefore, it did not hesitate to cultivate friendship going beyond its Indo-Soviet axis which was instrumental in achieving independence. Soon, Bangladesh looked towards more potent sources to diversify its need for foreign aid [Yasmin 2016] — gradually, the United States and the Arab World came to respond to Bangladesh's need.

Bangladesh in the second decade of 21st century is a different Bangladesh. It is no longer a foreign aid-dependent country where foreign aid constitutes only 2% of its gross development product (GDP).

Bangladesh is considered as one of the five fastest economies of 2019 by the World Bank (WB) and the International Monetary Fund (IMF)¹. The terms “Bangladesh conundrum” [Mahmud, Ahmed, Mahajan 2008] and “Bangladesh surprise” [Asadullah, Savoia, Mahmud 2014] are in vogue since the first decade of 2000. *The Economist* calling Bangladesh “the most intriguing puzzles in development” argues — Bangladesh is no longer a basket case². The social and economic developments that have taken place in Bangladesh for more than a decade now. The country is at the verge of graduating from a “lower middle income country”, classified as such by the World Bank to a “developing country” in 2024. Amidst such developments, Bangladesh's geostrategic significance is also on the rise.

While Bangladesh's size, locational reality of being compressed between India and Myanmar and the overwhelming presence of its giant neighbor India curtailed much of foreign policy independence in the past, changes in this regard are abound. Bangladesh has found a third neighbor — an area that has traditionally remained less significant in Bangladesh's policy circles. The long standing conflict in determining maritime boundary between Bangladesh and Myanmar and Bangladesh and India finally has provided Bangladesh with much needed unhindered access in the Bay of Bengal. This has deepened Bangladesh's geostrategic significance which was reverberated in the proclamation of policy makers who work on South Asian region. The much-quoted statement of US Principal Deputy Assistant Secretary Tom Kelly in 2014 [Imam 2014] stands as a key to understanding Bangladesh's rising significance to the US and American ally in the Asia-Pacific region, Japan in countering China's influence in the Bay of Bengal and subsequently in the Indian Ocean region. As Kelly identified Bangladesh as a key player in the Indo-Pacific corridor, now Bangladesh's place in the US proposed Free and Open Indo-Pacific similarly identifies Bangladesh as a “key” player [Miller 2019]. The US commenced its security dialogue with Bangladesh since 2012, a move later on also taken up by the United Kingdom since 2017.

¹ See: Byron R.K. Bangladesh Second Fastest Growing Economy: IMF // *The Daily Star*. April 11, 2019.

² See: Bangladesh: Out of the Basket // *The Economist*. November 3, 2012.

Bangladesh holds a key place in China's grand design of Belt and Road Initiatives (BRI). China has emerged into not only Bangladesh's largest trading partner since 2005 [Sahoo 2013], but also one of the largest partners in its development initiatives. With loan and investments plans totaling to USD 39.02 billion committed in 2016³, China — Bangladesh relations soon evolved to a comprehensive strategic partnership, shedding the clouds of China's role towards Bangladesh in early 1970s.

The increasing Chinese interest in Bangladesh has not gone unnoticed by other countries, which have made them to court Bangladesh in a manner that has not been seen in the past. Bangladesh has seen an increasing involvement of great powers in the second decade of 21st century, where Russia vows to come back to Bangladesh for “a long time” and “seriously”, with Japan identifying Bangladesh at the lynchpin position at the mouth of the Bay of Bengal [Yasmin 2016]. Japan provided Bangladesh with the largest sum of overseas development aid (ODA) in 2016 till date and also initiated the Bay of Bengal Industrial Growth Belt (BIG-B) to explore the potentials of the Bay of Bengal region. Moreover, Japan sees Bangladesh as one of the significant players in FOIP⁴, a concept originally conceptualized by Prime Minister Shinzo Abe in 2007.

The study of strategic rivalry of India and China in South Asia, the Bay of Bengal and the Indian Ocean is a topical issue in contemporary politics [Zaman, Yasmin 2014]. Added with this is the Bangladesh dynamics. A countless number of academic research, newspaper articles and academic writing highlight this issue. Indian policymakers as well as researchers have shown their avid interest in identifying the growing nature of Bangladesh — China relations and its implications for India. Prominent Indian strategist C. Raja Mohan raised cautionary notes as early as in 2014 if India was losing the Bay of Bengal to China through its increasing proactive role in the region [Brewster 2014]. After China made its second highest financial commitment to Bangladesh in South Asia after Pakistan, the concern started to mount. The purchasing and delivering of two Chi-

nese submarines to Bangladesh Navy created yet another round of concern for India while its Maldives debacle certainly showed a steady and advancing Chinese march towards the region [Mishra 2018].

Bangladesh has thus emerged as a significant player in the South Asian region by its own right. In terms of social development, it has advanced more than India and Pakistan. In terms of achieving gender gaps, it is the highest scorer in South Asia and second to Asia, behind the Philippines. Despite being *small* in terms of physical size and one of the most densely populated countries of the world, Bangladesh has been able to carve its own space in international politics. Bangladesh's contribution in the United Nations (UN) Peacekeeping Operations (UNPKOs) has created a positive image of Bangladesh in maintaining international peace and security [Zaman 2016].

However, being *small* has its disadvantages in terms of arranging resources to attain particular objectives. Bangladesh lacks having a consistent strategic and foreign policy plans. In other words, while the country has five or ten year development plans to achieve economic goals, it lacks having such targeted goals in the areas of foreign and strategic policies. It was evident during the Rohingya influx of August 2017, when Bangladesh found itself “friendless” despite all the major powers' active interest in Bangladesh. For Bangladesh, it was astonishing to watch Indian Prime Minister making a state visit to Myanmar amidst Myanmar Army's atrocities towards Rohingyas that led them to flee and come to Bangladesh. Thus, Bangladesh's foreign policy is often identified as proactive rather than being a product of cogent calculations⁵.

Institutional Mapping of IR

IR as an Academic Discipline

Bangladesh started off its journey to thinking “international” with one institutional department as it inherited the very first Department of International Relations (DUIR) that was established in University of Dhaka (DU), 1947. The study of IR took some time to flourish in academic sense as the second

³ See: Mirdha R.U. Deals with China a Turning Point for Bangladesh // The Daily Star. October 17, 2016.

⁴ See: Karim R. Freedom of the Seas: a Cornerstone of Economic Growth // The Daily Star. February 4, 2018.

⁵ Personal communication with R.U. Zaman, Chairperson, Department of International Relations, University of Dhaka, Bangladesh.

Table 1. Academic strengths of Departments of IR throughout Bangladesh

Name of University	Year of Establishment	Faculty Strength	Programs		Higher Degree Research		Number of Students	
			Honors	Masters	Master of Philosophy (MPhil)	Doctor of Philosophy (PhD)	Honors	Masters
University of Dhaka (DU)	1947	34	Yes	Yes	Yes	Yes	410	85
Jahangirnagar University (JU)	1999	20	Yes	Yes	Yes	Yes	366	70
University of Chittagong (CU)	2004	12	Yes	Yes	No	No	400	60
University of Rajshahi (RU)	2014	6	Yes	Yes	No	No	155	29
Bangladesh University of Professionals (BUP)	2015	21	Yes	Yes	Yes	Yes	368	69
Bangabandhu Sheikh Mujibar Rahman Science and Technology University (BSMRSTU)	2015	8	Yes	Yes	No	No	405	—**

*Number of students are approximate numbers of April, 2019.

**Master's program would run after the first honors batch from BSMRSTU graduates.

Source: Information in this table is collected by the author from faculties working in these universities.

Department of International Relations was established much later in 1999 in Jahangirnagar University (JU) at the outskirts of Dhaka. Since then, there are six full-fledged Departments of International Relations in six public universities of Bangladesh. Following is a summary of academic strengths of Departments of IR throughout Bangladesh (Table 1).

DUIR spearheaded the study of IR not only in Bangladesh but also in the Indian subcontinent owing to its colonial origin. Professor Dr. Mahmud Hussain from the Department of History (DU) who was the first Head of DUIR, later founded the Department of International Relations at University of Karachi in 1958. The second Head of the Department, Professor P.C. Chakravarti was one of the pioneers in founding Department of International Relations in Jadavpur University, Kolkata in 1956. DUIR has contributed profoundly in the development of IR in other universities in Bangladesh as well by providing inputs in the development of syllabi and by lending teaching assistance at their formative years.

The country has seen a rising interest in learning international issues which is reflected in expanding the learning of IR for professionals in DUIR as well as at JU. DUIR introduced its Certificate Course in International Relations, a three-month program tailored for professionals to learn issues and theories of IR, in 2003. A rising demand of the program led

to its transformation to Post-Graduate Diploma in International Relations (PGDIR) in 2007 and subsequently introducing Professional Masters in International Relations (PMIR) in 2016. The second Department of IR in Bangladesh at JU was pioneered by faculties of History and Government and Politics departments of the same university. Gradually, the Department developed into the second largest a full-fledged Department as well as a prominent center for learning IR in Bangladesh.

The growth of academic learning of IR expanded quite speedily since then. Department of IR was established in two public universities and was taught as part minor in one private university — North South University (NSU) — in the first decade of 2000. In the second decade of 2000, two other public universities established the Department of IR and one private university — Independent University, Bangladesh (IUB) — introduced IR as a major as well as a part of foundation course. Among public universities, BUP is expanding its teaching of IR quite fast as it also offers IR as an undergraduate course for training officers who are enrolled in Bangladesh Military Academy (BMA) long courses, which was effective from 75th long courses commenced in 2014. Seven out of 21 faculties of BUP are stationed at BMA to teach training officers at Bhatiari, Chattogram, where BMA is located.

The recognition of IR as one of the eight subjects taught in BMA — in fact, the only second subject of social sciences besides Economics — certainly shows the increasing significance attached to learning IR in a comprehensive manner in Bangladesh. Outside of the academic IR, emerged a Department of Peace and Conflict Studies (PACS) in DU in 1999, which undertook international issues to teach and research. Founded by a professor of Department of Politics of DU, PACS offers courses on the entire gamut of international relations with special focus on conflict, conflict resolution and peace studies. Thus, one can argue that an atmosphere of learning IR from an academic perspective has increased in Bangladesh in contemporary times.

Research Institutions and Research Activities

Bangladesh has a number of research institutions that dedicate researches on issues pertaining to international relations. The oldest research institute of the country is Bangladesh Institute of Law and International Affairs (BILIA), which was established jointly by the Ministry of Foreign Affairs (MoFA) and the Ministry of Law in June 1972, making it the first Bangladeshi research institute on both law and international affairs. Since then, the International Affairs wing of BILIA pursues original research in the areas that are relevant to Bangladesh's foreign policy as well as on global issues. It holds seminars and symposiums on contemporary issues, where academics, in-service and retired local and foreign diplomats, journalists and eminent personalities participate. For 2017 and 2018, BILIA emphasized original research on Rohingya influx in Bangladesh since August 26, 2017 as well as on the issue of rising power in international politics and its relevance for Bangladesh. BILIA started publishing its journal since 1994, making it the third journal of Bangladesh on international relations.

The next prominent research institute that focusses on international relations primarily is Bangladesh Institute of International and Strategic Studies (BIISS), which was established in June, 1978 by the Government of Bangladesh (GoB). Since its establishment, BIISS has pioneered research on international relations by publishing BIISS Journal in 1980, which is the first journal of its kind in Bangladesh.

BIISS holds seminars, talks and lecture series where national and international speakers present their research on issues relevant to Bangladesh's foreign policy. The activities of BIISS are varied and much larger than that of BILIA due the former having more secured funding. Both BILIA and BIISS publish books on international relations. BILIA's latest publication is *Intelligence, National Security, and Foreign Policy: A South Asian Narrative* [Ali Ashraf 2016] while BIISS's latest publication is *Changing Global Dynamics: Bangladesh Foreign Policy* [Abdur Rahman, Kabir 2018]. BIISS has so far published 40 books concerning international relations while the International Affairs wing of BILIA has published nine books.

Apart from BILIA and BIISS, a number of research institutes have emerged that work on Bangladesh's foreign policy, national security and development related issues. Some of the prominent research think-tanks who work exclusively on international relations are Bangladesh Institute of Peace and Security Studies (BIPSS—established in 2007) and Bangladesh Enterprise Institute (BEI—established in October 2000). These two organizations not only work on traditional security issues but also work on non-traditional security issues as well and have strong regional connections. BIPSS publishes its journal *Peace and Security Review* on a quarterly basis since 2008 while BEI has introduced its journal since July 2018 biannually. Both of the institutions publish policy papers, monographs and books. There are some other institutions in Bangladesh who work on international relations while their primary focus is on economy and development in Bangladesh. Bangladesh Institute of Development Studies (BIDS), a successor of Pakistan Institute of Development Economics (PIDE) which was established in 1957, is the leading think-tank in Bangladesh on economy and development related issues. Similarly, Center for Policy Dialogue (CPD—established in 1993) another think tank that works on similar areas. A number of other research institutions in Bangladesh works on areas that are related to Bangladesh's foreign policy, foreign relations and challenges emanating from non-traditional security threats. A recent area of focus in research has been towards the Bay of Bengal and the Indian Ocean region, keeping up with the global shift of attention to this region, which is reflected in establishing a third think tank by the GoB

in January 2018. Known as Bangladesh Institute of Maritime Research and Development (BIMRAD), it has started its journey with Bangladesh Navy as its chief patron, showed its promise by holding an international conference on “Maritime Good Governance and Sustainable Development” in November 2018.

Trends in Research — Writers and Issues

Bangladeshi scholars started writing on Bangladesh’s foreign policy, foreign policy predicaments along with bilateral relations since 1970s in the form of books, book chapters and in journals published inside and outside of Bangladesh. What constituted ‘international’ for Bangladesh was the traditional concern for a newly born state — simply ensuring its survival. The particular nature of Bangladesh’s War of Independence also raised another dilemma — the withdrawal of Indian forces from Bangladesh’s ground. However, there was no particular research yet carried out on this issue albeit leading daily newspapers analyzing the course of Bangladesh — India relations. Later on with the publication of the first journal on international relations by BISS, more nuanced and issue specific research started to emerge. Keeping in mind of the global reality in 1980, the very first issue covered four topics on superpower relations, one on military regimes, on changing geopolitics of the Indian Ocean region and Non-Aligned Movement (NAM)⁹.

The second journal on international relations was published by DUIR in 1993 where three topics concentrated on post-Cold War future with one of them focusing on the future of IR, one focusing on Bangladesh’s future and the other one focusing on the perspectives of the South¹⁰. Other articles focused on the US interests in the Asia-Pacific and the nuclear issue in the Korean peninsula. The third journal of international relations was published from BILIA which emphasized on human rights and development issues, environmental issue and Bangladesh’s bilateral relations¹¹. The Department of IR of JU launched its Journal of International Relations in 2005, making it the fourth journal of its kind in Bangladesh. This

journal too emphasized on both traditional and non-traditional aspects of security by providing analysis on Bangladesh’s foreign relations with India and former Soviet Union along with highlighting conceptual issues relating to neoliberalism, the idea of Bangistan and South Asian issues¹². The Asiatic Society of Bangladesh also publishes issues relating to Bangladesh, which often includes Bangladesh’s foreign policy choices, constraints, determinants as well as domestic issues having international implications in its Journal of the Asiatic Society of Bangladesh (Humanities), which is currently running its 63rd volume. Thus, the “international” for Bangladesh emerged as a combination of both traditional and non-traditional issues from the very beginning.

One notable line of research is *Asian Survey*’s yearly publication on the state of Bangladesh since 1972, the very first issue of which was written by Rounaq Jahan [Jahan 1972]. Since then, *Asian Survey* publishes yearly review of Bangladesh that highlights domestic political, economic and social development and introduces the country for international audience. The writers include both Bangladeshi scholars living in Bangladesh and abroad and foreign scholars who have specialization on Bangladesh’s politics. The latest issue on Bangladesh [Fair 2018], for example, is written by C. Christian Fair who is a known face in Bangladesh’s academia by virtue of publishing researches on trends in violent extremism in Bangladesh.

In the 1970s and the 1980s, most of the research on Bangladesh’s international relations was carried out by academics belonging to DUIR, in the Department of Political Science, DU and researchers of BILIA and BISS. Notable publications of the first two decades emphasized on identifying challenges and directions with regard to Bangladesh’s foreign relations. These studies generally branded Bangladesh as “weak” or “small” state due to its locational reality [Husain 1988]. Other issue areas included the region of South Asia, the relevance and future of SAARC, Bangladesh’s relations with the superpowers and the Middle East. While this trend continued [Huq 1993], a new trend started when researchers in the 1990s emphasized on Bangladesh’s success in the areas of development and governance. The identity

⁹ See: BISS Journal. 1980. Vol. 1. No. 1.

¹⁰ See: Journal of International Relations. 1993. Vol. 1. No. 1.

¹¹ See: Journal of International Affairs. 1994. Vol. 1. No. 1

¹² See: Journal of International Relations. 2005. Vol. 1. No. 1.

of writers also pointedly diversified as a number of retired diplomats and government officials contributed in developing academic resources on Bangladesh's foreign policy and development challenges. The issues in the first decade of 2000 emphasized on economic diplomacy, along with traditional foreign policy issues and subregionalism in South Asia [Sabur, Kabir 2000]. The global trend in the rise of violent extremism also affected Bangladesh especially with the 8/21 bombing in 62 out of 64 districts of the country in 2005. This added a new area of research — terrorism and violent extremism in Bangladesh and a number of books and articles were published on these issues [Sobhan 2008; Ahmed 2008].

The mass exodus of Rohingyas in Bangladesh since August 26, 2017, largest of its kind till date, did not escape the notice of Bangladeshi researchers. Research originating from Bangladesh thus addressed Rohingya issue by emphasizing its particular national characteristics. Bangladesh's foreign policy objective of "friendship with all, malice to none" — as set out by the founding father of the country Bangabandhu Sheikh Mujibar Rahman has determined a particular approach of foreign policy as well as research. It shows the early trend in Bangladesh's foreign policy that was guided by idealism — that foreign policy of Bangladesh must reflect the plight of the others. This was evident in Bangladesh's decision to open up the border and not to react to the provocations of Myanmar. Despite a dearth in resources, Bangladesh is hosting 1.2 million Rohingyas at present. Similarly, other distinct Bangladeshi characteristics can be found in the analysis of Bangladesh's manpower export and its implications on Bangladesh's relations with the Middle Eastern countries. This area of studies unfolds Bangladesh's specific concerns as manpower export is considered one of the major

national resources of the country through which it earns highest source of foreign exchange. Bangladesh's prominent newspapers like *The Daily Star*, *Dainik Protho Alo*, *Samakal*, *Dhaka Tribune*, *Bangla Tribune* have emerged as another source of discussing and disseminating international issues. This has become possible due to active engagement of both the academic community and the diplomatic community to find a forum of interaction and disseminating views.

Bangladesh Rise and Its Implications for the Study of IR

The country has witnessed a new kind of diplomacy after Mr. Dan Mozena came to Bangladesh as US Ambassador in November, 2011 and served until 2015. Not only he visited all 64 districts of Bangladesh but also embraced and promoted Bangladeshi culture in a manner never been done by any diplomats before. While diplomats generally kept a cautious distance from the general populace, Mr. Mozena rather showed a new kind of diplomacy by embracing the people. This raised interest on international issues as well as towards academic IR to a significant level. The US embassy's increasing engagements with the DUIR, whether Mr. Mozena delivering lecture to the PGDIR program of DUIR in 2014 or students team meeting US Secretary of State Ms. Hillary Clinton in 2012 and Mr. John Kerry in 2016 during their visits to Bangladesh have influenced creating an appeal for learning about the US as well as international politics. The burgeoning number of academic departments, a good number of which were established in the current decade, shows how Bangladeshis are interested to learn IR as well as create its own imprints in international politics.

References / Библиографический список

- Abdur Rahman, A.K.M. & Kabir, M. (2018). *Changing Global Dynamics: Bangladesh Foreign Policy*. Dhaka: BIIS.
- Ahmed, I. (Eds.). (2008). *Terrorism in the 21st Century: Bangladeshi Perspectives*. Dhaka: The University Press Limited (UPL).
- Ali Ashraf, A.S.M. (Eds.). (2016). *Intelligence, National Security, and Foreign Policy: A South Asian Narrative*. Dhaka: Bangladesh Institute of Law and International Affairs / Department of International Relations, University of Dhaka.
- Asadullah, M.N., Savoia, A. & Mahmud, W. (2014). Paths to Development: Is there a Bangladesh Surprise? *World Development*, 62, 138—154. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2014.05.013>.
- Brewster, D. (2014). Is India Losing Bay of Bengal to China? *The Interpreter*. The Lowy Institute. March 19. URL: <http://www.lowyinterpreter.org/the-interpreter/india-losing-bay-bengal> (accessed: 15.04. 2019).
- Buchanan, A. & Moore, M. (2003). Introduction: The Making and Unmaking of Boundaries. In: *States, Nations, and Borders: the Ethics of Making Boundaries* / Ed. by A. Buchanan, M. Moore. New York: Cambridge University Press.
- Choudhury, D. (1992). Bangladesh's Foreign Policy Outlook: Regional and International Settings. In: *Bangladesh, South Asia and the World* / Ed. by E. Ahamed, A. Kalam. Dhaka: Academic Publishers.

- Fair, C.C. (2018). Bangladesh in 2018: Careening toward One-Woman Rule. *Asian Survey*, 59 (1), 124—132.
- Hassan, S. (1989). The India Factor in the Foreign Policy of Bangladesh. In: *Issues and Challenges Facing Bangladesh Foreign Policy* / Ed. by M.G. Kabir, S. Hassan. Dhaka: Bangladesh Society of International Studies.
- Huq, M.S. (1993). *Bangladesh in International Politics: The Dilemmas of the Weak State*. Dhaka: The University Press Limited.
- Husain, T. (1988). Domestic Inputs in Foreign Policy. In: *Bangladesh: Global Politics*. Vol. 3 / Ed. by S.R. Chakravaty, V. Narain. New Delhi: South Asian publishers.
- Imam, S.H. (2014). Grasping Our Strategic Potential and Tapping It. *The Daily Star*, April 25.
- Jahan, R. (1972). Bangladesh in 1972: Nation Building in a New State. *Asian Survey*, 13 (2), 199—210. DOI: 10.2307/2642736.
- Mahmud, W., Ahmed, S. & Mahajan, S. (2008). *Economic Reforms, Growth and Governance: the Political Economy Aspects of Bangladesh's Development Surprise*. World Bank on behalf of the Commission on Growth and Development Working Paper, 22. Washington DC.
- Miller, E.R. (2019). Indo-Pacific Strategy: Implications for the Region. In: *Roundtable*. BIPSS and The Daily Star.
- Mishra, V. (2018). China Is Moving into the Indian Ocean. *The National Interest*, April 14. URL: <https://nationalinterest.org/feature/china-moving-the-indian-ocean-25380> (accessed: 15.04.2019).
- Sabur, A.K.M.A. & Kabir, M.H. (2000). *Conflict Management and Sub-regional Co-operation in ASEAN: Relevance of SAARC*. Dhaka: BIIS.
- Sahoo, P. (2013). Economic Relations with Bangladesh: China's Ascent and India's Decline. *South Asia Research*, 33 (2), 123—139. DOI: <https://doi.org/10.1177/0262728013487632>.
- Sobhan, F. (Eds.). (2008). *Countering Terrorism in Bangladesh*. Dhaka: The University Press Limited.
- Yasmin, L. (2016). Bangladesh and the Great Powers. In: *Handbook on Contemporary Bangladesh* / Ed. by A. Riaz, Md. Sajjadur Rahman. London and New York: Routledge.
- Zaman, R.U. & Yasmin, L. (2014). The Rise of China and India: An Inevitable Confrontation at the Indian Ocean? In: *Sino-South Asian Relations: Continuity and Change* / Ed. by B. Md. Monoar Kabir. Chittagong: University of Chittagong.
- Zaman, R.U. (2016). UN Peacekeeping Mission. In: *Handbook on Contemporary Bangladesh* / Ed. by A. Riaz, Md. Sajjadur Rahman. London and New York: Routledge.

Received: 10.05.2019

For citations: Yasmin, L. (2019). Development of International Relations at the Periphery: The Case of Bangladesh. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (2), 247—255. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-247-255.

About the author: *Lailufar Yasmin* — Professor at the Department of International Relations, University of Dhaka, Bangladesh (e-mail: lyasmin@du.ac.bd).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-247-255

Развитие международных отношений на периферии: пример Бангладеш

Л. Ясмин

Университет Дакки, Дакка, Бангладеш

Международные отношения больше не рассматриваются в качестве учебной дисциплины, в которой говорится только о деятельности ведущих или великих держав. После преобладания традиционного государственно-центричного подхода к безопасности в годы холодной войны международные отношения прошли долгий путь, чтобы расширить свою тематику. Точно так же небольшие страны и их влияние на международную политику постепенно становятся важной областью международных исследований. Статья вносит свой вклад в изучение данного вопроса: автор анализирует растущее значение Бангладеш в мировой политике и то, как научная дисциплина о международных отношениях решает эту проблему. Он отслеживает историю изучения международных отношений в Бангладеш, а также постепенное расширение данной области исследований.

В статье рассматривается развитие международных отношений как академической дисциплины в Университете Дакки, Бангладеш, что постепенно привело к росту числа исследований международных отношений в других частях страны. Таким

образом, автор заполняет пробел в понимании того, как и где происходило развитие исследований международных отношений в незападной стране. Также утверждается, что, несмотря на незначительные масштабы международных исследований в Бангладеш, именно они вызвали интерес к стране из-за меняющейся геостратегической значимости данного государства. Описывается растущее геополитическое значение Бангладеш, где великие державы стремятся получить влияние и стать частью развития государства. Именно в этом контексте изучение международных отношений в Бангладеш становится все более актуальным.

Ключевые слова: международные отношения, Бангладеш, изучение международных отношений, геостратегическое видение, университеты Бангладеш

Дата поступления статьи: 10.05.2019

Для цитирования: Yasmin L. Development of International Relations at the Periphery: The Case of Bangladesh // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 2. 247—255. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-247-255.

Сведения об авторе: Лаулуфар Ясмин — профессор кафедры международных отношений, Университет Дакки, Бангладеш (e-mail: lyasmin@du.ac.bd).

© Yasmin L., 2019

МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-256-263

Gaullism and Neogaullism: Foreign Policy Continuity and Dynamics in France

A.A. Kornilov, A.I. Afonshina

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (UNN), Nizhny Novgorod, Russian Federation

Abstract. Article describes the main priorities and objectives of foreign policy of Gaullism and neogaullism, trying to underline those elements that remain untouched during the decades and those that have been transformed due to the changes on the international arena. Besides, the authors focus on the notion of “grandeur” that was extensively used by the general de Gaulle, and estimate the direct influence of this concept on the French foreign policy. The main foreign policy priorities of Charles de Gaulle include independent foreign policy, status quo change in the bipolar world and great power status regain. Foreign policy priorities of neogaullists, Jacques Chirac and Nicolas Sarkozy, haven’t been changed so far, but the ways of achieving goals are different now. Both presidents have been trying to develop the EU integration, even through strengthening the supranational institutions, and develop the integration with NATO (Sarkozy even returned France to the military structures of NATO). France, led by neogaullists, also conducted an active policy in the Mediterranean, cooperating not only with traditional partners (Arab states) but making attempts to restore relations with Israel. Sarkozy launched the idea of the Mediterranean Union that had the aim to strengthen the influence of France in the region, boost cooperation with Mediterranean countries and solve the numerous problems that all of them were facing. But this idea wasn’t realized as it was supposed to. In general, neogaullists follow the main principles of Charles de Gaulle, also responding to the current challenges.

It’s worth mentioning that the authors analyze the foreign policy of French presidents holistically from the point of view of neogaullism, trying to evaluate the level of continuity during the decades and conclude whether the provisions of Gaullism are relevant for France in the 21st century.

Key words: Neogaullism, Gaullism, Charles de Gaulle, Jacques Chirac, Nicolas Sarkozy, the Mediterranean Union, France, the EU, NATO

Gaullism, as a special foreign policy phenomenon in modern France, represents a rather flexible political direction, with concrete and clear fundamental principles. Vitality and flexibility of the Gaullism can be explained due to several factors. Firstly, Gaullism has several dimensions: historical (appeared in the period of the Resistance, giving a reference to the period of Jeanne d’Arc, Clemenceau government 1917), philosophical (opposing voluntarism to fatalism) and political (political idea of the general de Gaulle and his successors, political actions of Gaullists). Secondly, political actions of Charles de Gaulle do not fully reflect the variety of his political ideas. In this context, the research question arises: does Gaullism present pragmatic actions of Charles de Gaulle during his staying in power or it could better and fully demonstrated through his political ideas presented in doctrines, reflections and memoirs?

Even despite these difficulties, the key foreign policy principles of Gaullism could be understood as “ideas, determination and action”¹. According to the Constitution of the Fifth republic², the foreign policy of France is determined by the Elysee palace, although it is conducted not only by the president. Parliament and government also play a great role in the foreign policy realization, but starting from 1959, the president comes to the fore. After the 2008

¹ Conférence de presse du général de Gaulle. Palais de l’Elysée, 9 septembre 1968. URL: <http://www.charles-de-gaulle.org/espace-pedagogie/dossiers-thematiques/mai-1968/documents/conference-de-presse-du-general-de-gaulle-palais-de-lelysee-9-septembre-1968/> (accessed: 10.06.2018).

² Texte intégral de la Constitution du 4 octobre 1958 en vigueur. URL: https://www.conseil-constitutionnel.fr/sites/default/files/as/root/bank_mm/constitution/constitution.pdf (accessed: 10.06.2018).

constitutional reform, the “Parliament also needs to take part in French diplomacy”, nevertheless, president still plays a key role in the determining the foreign policy objectives, to say nothing of the Charles de Gaulle presidency, who had established the main provisions of Gaullism.

French foreign policy at those times was fully based on the idea of the “grandeur” of France that laid the further foundation for the foreign policy strategy of the general. The idea of the “grandeur” was transformed by the general into a national idea, but one could hardly define it in a single way. What is for sure, that it had nothing to do with Fascism or Nazism and does not refer to the superiority of the French over other nations. As de Gaulle stated, “France can’t be France without grandeur”³. It can be concluded that for the general this idea of the grandeur is national sovereignty of France, based on strong national and military power as well as on the changing of the world order, where all the decisions are taken by two superpowers [Vaïsse 1998: 34].

National sovereignty and the necessity to restore the influence of France on the international arena contributed to the development of other foreign policy principles of the general. This idea is characterized by many researches and political figures, for instance Edouard Balladur, as pragmatic⁴. National independence is the indispensable condition for the state to be able to influence and form international trends, and be independent in taking foreign policy decisions. France has always been stick to the principles of independence and national sovereignty, not integrating entirely to the NATO, not taking without preliminary consultations the decisions of Anglo-Saxons, etc. Even in the realization of European policy France has been demonstrating its own independent approach. De Gaulle accepted those provisions of the Rome treaty that were set to establish the Common market, as it was a possibility for France to modernize its economic structure and then strengthen its position in the world politics. But he was firmly against the development of supranational institutions that could threaten the sovereignty of the country [Gaillard 2010: 81].

³ De Gaulle Ch. Mémoires de guerre. V. 1: L’Appel 1940—1942. Paris, 1954.

⁴ Le gaullisme est un pragmatisme. Il se tient loin des idéologies et des systèmes. URL: <http://www.gaullisme.net/definition-gaullisme.html> (accessed: 10.06.2018).

Taking into consideration the international bodies and alliances, it’s necessary to take into account one more key position of the general. He realized that without strong Europe France couldn’t claim to be a strong power that would be listened to by the USA and the USSR, having, of course, the decisive vote on the political topics of that period. At the same time de Gaulle was against the hegemony of two confronting blocks determining the world agenda. According to this perceptions, the stability of the world is determined by the multipolar system where there are other centers of power and one of these centers had to be France being the leader of the united Europe [Vaïsse 1998: 34]. But the general had his own views on the functioning of the international organizations, in particular the European Communities. This was the reason for his refusal to change the system of voting in the EC from the unanimous adoption to the majority system. As a result, the EC had to adopt the “Luxembourg compromise” as a response to the empty chair crisis. Although there were some disagreements between de Gaulle and his partners about the project of the united Europe, he realized that only the united Europe can help France to become one of the centers of power on the international arena [Gaillard 2010: 87].

The next condition for the independent policy and national sovereignty is the quality of the national defense system. For the general, the effectiveness of the defense policy and the effectiveness of the foreign policy are two interlinked notions. That’s why, when he became a president in 1959, de Gaulle defined one of the strategic goals the creation of nuclear weapon, by France itself without any help from the USA. This decision had two consequences: finally French nuclear weapons were more expensive in comparison with the British WMD, as GB got the American support, but France was entirely independent in taking decisions how to use these means of intimidation. The last point was very important for gaullists who regarded nuclear arms as the possibility for survival in the framework of Cold War. This means that each state can use this power at first for its own survival and only then provide security of its allies [Narochnitskaya 2015].

The issue of nuclear weapons was one of the key security factors of that time. For the general, WMD represented mainly the political instrument. He realized that the amount of French nuclear weap-

ons would not allow starting a real nuclear war against USSR, but at the same time it could be used during the negotiations, as the potential threat to Moscow from Paris could have been rather significant. According to calculations, French armament was able to destroy 10 big cities of the USSR and only a quarter of the industrial potential. Even these numbers had to make Soviet government think in case of a serious conflict. Besides, having nuclear weapons is primordial for a great power [Vaïsse 1998: 47].

The second task of de Gaulle was the refusal of the military integration in NATO. According to the general, every country has to remain control in security and defense sphere due to two reasons. Firstly, independent defense policy reflects the national interests of the state and can't be identical to the defense policy of others states, members of the Alliance. That's why France didn't support the presence of the military bases on its territory and in 1958 was firmly against the usage of its air force base by the USA to conduct the military operation in the Middle East outside the NATO zone. The permanent presence of the American partners on the territory of the country, regular flights over the territory were the cause to call for the reform of NATO in 1958 and in 1966 France left the military structures of the Alliance. Protecting the national sovereignty in the framework of its defense, France wasn't against the cooperation in this sphere (standardization of the armament, common logistic system, etc.). Paris only tried to preserve subjectness in taking decisions in this sphere [Vaïsse 2009a].

As concluding remarks on the French foreign policy the following assumptions should be mentioned. At first, declaring the grandeur of France and its sovereignty in international affairs, the general realized that France couldn't be called a superpower under any circumstances and couldn't be placed in the same row with the USA and the USSR. It didn't have either great industry or labor force or vast territory. At the same time, de Gaulle was sure that France could be one of the world leading powers also having great influence on the world order and agenda. That's why one of the priorities of Paris was to change the status quo in the bipolar world, that according to de Gaulle was less stable and equilibrium than the multipolar one. Moreover, the bipolar world stack to the block policy where the policy of the superpower was the main one. At the same time

de Gaulle favored intergovernmental cooperation that was aimed at strengthening all the participants of the process. This was the classic concept of the general concluded during the times of the Cold War period.

So, how did the Gaullists change after the end of the bipolar world system and how did they see the role of France in the new one?

From 1986 Jacques Chirac and his supporters were getting the main positions in the government. The party "The Rally for the Republic" that is a Gaullist party gain the majority in the National assembly on the elections of 1993 and in 1995 Jacques Chirac became the president of the Fifth Republic. During this period such notions as "chiraqism" and "pragmatic neogaullism" appeared [Pupykin 2010: 331—341]. They were a start of a new period in the history of Gaullism that was connected with the refresh of the traditional ideology to confront the threats of the modern world. Unfortunately, it's difficult to name the researcher who was the first to introduce these notions but even in 1982 René Rémond in his book "Les droites en France" uses these notions to characterize the Gaullist movement at those times [Rémond 1982: 334—335].

Jacques Chirac was the first president who had to perform from the beginning of his presidential term in the new international context and adapt Gaullism to the post-bipolar system. The international situation was rather tense at that period: the USA remained the only superpower, Russia found itself in a very challenging position deprived of territories and having difficulties understanding its new geopolitical and economic space, Europe was pushing its integration even though having significant economic difficulties [Charillon F. 2007]

President Chirac defined the following principles of his presidency, mainly on the basis of the previous Gaullist provisions of pragmatism and voluntarism. Firstly, he wasn't satisfied with the bipolar world, as well as with the unipolar one, even though the only superpower after 1991 was his ally — the USA. So, on 26 of August 1999 during this speech in front of the ambassadors the president defined the multipolar world as one of the priorities⁵. No doubt, France was seen as one of two key leaders of the

⁵ Réception des ambassadeurs à l'Elysée. Le 26 août 1999. URL: <http://discours.vie-publique.fr/notices/997000157.html> (accessed: 10.06.2018).

united Europe and one of the centers of the decision-making in the new world. President Chirac was for the continuation of the European construction, although the more powerful Europe was, the more sovereignty France had to transfer to supranational institutions [Fabius 2004]. But he fully realized that without further integration the EU wouldn't be the center of the world politics. In accordance with the strengthening of Europe Jacques Chirac was considering the topic of the building of European defense system as he didn't want to rely entirely on the USA in this sphere⁶.

Joining the concept of multipolarity contributed to the appearance of one more element in his foreign policy agenda. This was the desire to strengthen the role of international institutions in adopting the decisions in particular the UNO which the activity had to help in the construction of the new world that had to be based on the supremacy of the international law and participation of several centers of power in decision-making process [Vaisse 2009b: 30].

Needless to say that these concepts and decisions were formed not only by the president. A significant role in the formation of the foreign policy agenda were playing two eminent figures: 1) Dominique de Villepin, a longtime supporter of Jacques Chirac, who was at first the general secretary of the Elysee palace (the head of the presidential administration), from 2002 to 2004 — the minister of Foreign Affairs; 2) Jean-David Levitte — an experienced diplomat that was a diplomatic adviser and “Sherpa”⁷ not only of Jacques Chirac, but also of Nicolas Sarkozy [Vaisse 2009b: 30]. Both advisors graduated from Sciences Po, both had significant experience in diplomatic sphere and work in the government. Since 1981, Dominique de Villepin participated in the Centre for analysis and planning of the Ministry of Foreign Affairs, a think-tank on strategic issues.

France still lacks a special expertise and research center where the external priorities of neogaullism would be developed. Sciences Po has been elaborat-

ing some strategy for the president and its supporters. Centre of political studies and Centre of international studies, functioning on the platform of Sciences Po, closely collaborate with the French National Center for Scientific Research. Eminent foreign policy experts and scholars (Christian Lequesne, Samy Cohen, Maurice Vaisse, Serge Berstein, David Valence) contributed to their functioning. M. Vaisse, S. Berstein, D. Valence are members of the scientific council of the Foundation of Charles de Gaulle that analyses Gaullism and political actions of the general.

It would be an exaggeration to claim that J. Chirac managed to reach all the goals set at the beginning of the presidency. Trying to show the independence from the USA in decision-making and pretending to be a leading center of power, France didn't support in 2003 the military operation of NATO in Iraq. In January 20, 2003, the French minister of Foreign Affairs Dominique de Villepin claimed: “We consider military invasion in Iraq to be the worst decision”⁸. This position led to a big disagreement in French—American and French—British relations, but it made the president and his cabinet very popular in France. At the same time, Chirac could not allow a complete rapture with NATO, entertaining some steps to establish closer ties with the Alliance. In December 5, 1995, Jacques Chirac returned France to the Military Commandment of NATO, as the war on the territory of former Yugoslavia showed European and French military forces couldn't stabilize the situation alone. Besides, France had limited influence on adoption of the decisions on some key questions because of the absence of its representatives in military structures of NATO. J. Chirac hoped that the fully integrated participation of France in NATO could help to gain the right for the Europeans to dispose control over the military forces of NATO. But this return didn't lead to the desired effect [Pupykin 2010: 331—341].

Jacques Chirac demonstrated a particular diplomatic activity during his second presidential term when he didn't have to consider the “cohabitation government”. The relations with Russia, an important partner even during the times of Charles de Gaulle,

⁶ See: Laurent L. La politique extérieure du Président Jacques Chirac dans un monde américano-centré. URL: http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/IMG/pdf/24_Lombart.pdf (accessed: 10.06.2018).

⁷ Sherpa is a personal representative of the head of state or government who prepares international summits (in particular G7). Sherpa are rather influential although the decisive vote on this or that problem is up to the president.

⁸ Conference de Presse de M. Dominique de Villepin, Ministre des Affaires Étrangères de la France. 20 Janvier 2003. URL: https://www.un.org/press/fr/2003/conference_de_presse_France.doc.htm (accessed: 14.03.2018).

got a high dynamics. Jacques Chirac had a rather positive perception of Russia. He realized that both countries had common interests [Lequesne, Vaïsse 2012: 159]. Diplomatic activity on the Middle East was rather ambiguous. On the one hand, the president tried to follow the traditional pro Arabic strategy that had been accepted from the de Gaulle presidency [Vaïsse 1998: 40—45]. On the other hand, Jacques Chirac took several steps to reestablish the relations with Israel and improve mutually beneficial cooperation in military and economic sphere. Besides, France continued anti-Israeli actions in the UN and actively cooperated with Arabic regimes in Libya, Egypt, Jordan [Lequesne 2007].

As for the political concept of Nicolas Sarkozy, there was an obvious contradiction between political slogans and real actions [Védrine, Boniface, Lequesne 2018]. On the one hand, at the beginning of his presidency, Sarkozy declared a complete rupture with the policy of predecessor and in this sense with Gaullist principles [de Charrette 2008: 7—12]. On the other hand, his real actions during the whole term of the presidency mostly corresponded to neogaullism. Together with Chirac, Sarkozy declared the necessity to reform international institutions [Panyuzheva 2013]. At the beginning of his term he insisted on the UN Security Council enlargement including Germany, Japan, India and some African states. Besides, there were some remarks about the enlargement of the G8⁹.

President Sarkozy made European direction one of his main priorities, especially the EU that was in the institutional crisis. On the day of the inauguration the president paid a visit to Germany and called Angela Merkel to start active cooperation. During his election campaign Sarkozy claimed that he was determined to make a new EU treaty that had to include institutional changes derived from the European constitution rejected by France and the Netherlands in May — June 2005. Finally, Sarkozy stepped with a proposal to elaborate a new strategy of European security instead of the one in 2003 [Gaillard 2010: 144—145].

⁹ La politique étrangère de Nicolas Sarkozy. Rupture ou continuité ? Compte rendu de la conférence // Maison de l'Europe. 2010, 13 avril. URL: http://www.iris-france.org/docs/kfm_docs/docs/cr-conferences/2010-04-13-la-politique-etrangere-de-nicolas-sarkozy.pdf (accessed: 10.06.2018).

As for the EU and its enlargement, the president actively supported the idea of the enlargement towards the Balkans (candidate — Macedonia, potential candidate — Serbia, Bosnia and Herzegovina, Montenegro and Albania) and even saw a European potential for Kosovo that claimed its independence in 2008. But he didn't regard Turkey that had been a candidate since 1987 as a member of the EU. Sarkozy was ready to develop different cooperation projects such as “partnership” or “association” [Zuqian 2002]. This desire not to accept Turkey in the EU was supported, according to the survey, by about 70% of the French [Zvereva 2008: 34—38]. This formed the concept of the Mediterranean Union that would join all the countries of the Mediterranean into a single organization. The idea was launched even in 1995 in the framework of the Barcelona process but didn't reach its objectives. According to Sarkozy, the Mediterranean Union had to contribute to the dialogue between two rivers of the Mediterranean historically connected with each other, as well as to find a way to solve such a great problem as migration [Gaillard 2010: 163]. No doubt, he also took into a consideration the role of France in the project as he wanted the country to regain the lost influence in the region. But due to significant disagreements with Germany the idea of the Mediterranean union was transformed in the Union for the Mediterranean that included all EU member states (even those that didn't have any access to the Mediterranean Sea) that made the work difficult [Kareva 2015: 98—160]. Furthermore, due to the revolutionary events in Arab world, historical disagreements between Arab states and Israel, the Union didn't become such an organization that could fulfil the ideas of N. Sarkozy.

The idea of strengthening the influence of France in a strategically important region from the Atlantic till the Indian Ocean was also touched in the White Paper of 2008¹⁰. This region had a great significance for France not only in the framework of the strengthening the global influence of France, but also in connection with the security agenda [Bagayoko-Penone, Cazelles 2007] That's why in 2008 White Paper a great attention is paid to the

¹⁰ Défense et Sécurité. Le livre blanc. 2008. URL: <http://www.ladocumentationfrancaise.fr/var/storage/rapports-publics/084000341.pdf> (accessed: 10.06.2018).

development of intelligence service and its technical support (the development and launch of the military satellite systems, the creation of the joint commandment of space forces)¹¹. In general, the modernization of forces in order to prepare them for global challenges as information warfare, terrorist attacks¹² were organized¹³.

Nicolas Sarkozy is famous for the proatlantic statements and the speech delivered in the US Congress when he announced his plan to be the friend and partner of the States [Pupykin 2010: 331—341]. Needless to say, transatlantic relations were closer during the presidency of Nicolas Sarkozy compared with the one of Charles de Gaulle. Sarkozy made a rapture with the policy of de Gaulle claiming in March 2009 that “it was time for France to return to the Military Commandment of NATO”. He

reminded that his predecessors also made some changes in the policy of France, so he only continues their political actions. The decision of the president approved by the Parliament was actively criticized by Allain Juppé and Dominique de Villepin [Boniface 2010]. At the same time, France tried to show its independent position on the international arena criticizing the USA for the Iraq war [Zvereva 2014: 124—125].

To sum up, the political “heirs” of de Gaulle have to give answers to current challenges such as the international terrorism, new conflicts, not defined format of the current international system, etc. Usually, they propose thought-provoking initiatives on the international arena. At the same time neogaullists try to stick to the main principles that had been formed by the general de Gaulle and that are associated with main priorities of the foreign policy of Gaullism. First of all, it is the perseverance of national sovereignty of France, based on centralized power and military force. Foreign policy of gaullists has undergone thorough different periods due to the changes in political, economic and social situation in the world. Gaullism has always been about pragmatism. So gaullists try to solve their political problems basing on the modern global conditions. But for the French politicians Gaullism is still the basis that has been forming the political culture of the country and the main priorities and objectives of the foreign policy.

¹¹ See: Le Livre blanc sur la défense revoit à la baisse le format des armées // *Le monde*, 17.06.2008 URL: https://www.lemonde.fr/politique/article/2008/06/16/le-livre-blanc-sur-la-defense-revoit-a-la-baisse-le-format-des-armees_1058685_823448.html (accessed: 10.06.2018).

¹² See: Discours de M. le Président de la République sur la Défense et la Sécurité Nationale. URL: http://archives.livreblancdefenseetsecurite.gouv.fr/2008/information/les_dossiers_actualites_19/livre_blanc_sur_defense_875/livre_blanc_1337/discours_president_republique_1338/index.html (accessed: 10.06.2018).

¹³ La politique de défense après le livre blanc 2008. URL: <http://www.vie-publique.fr/politiques-publiques/politique-defense/livre-blanc-defense-securite-nationale/> (accessed: 10.06.2018).

References

- Bagayoko-Penone, N. & Cazelles, C. (2007). Vers une gestion interministérielle des sorties de conflits? *Horizons stratégiques*, 5 (3), 130—151. URL: <https://www.cairn.info/revue-horizons-strategiques-2007-3-page-130.htm> (accessed: 10.06.2018).
- Boniface, P. (2010). *La politique étrangère de Nicolas Sarkozy. Rupture ou continuité?* Compte rendu de la conférence. Maison de l’Europe, 13 avril. Institut de relations internationales et stratégiques. URL: https://www.iris-france.org/docs/kfm_docs/docs/cr-conferences/2010-04-13-la-politique-etrangere-de-nicolas-sarkozy.pdf (accessed: 10.06.2018).
- Charillon, F. (2007). La politique étrangère de la France: l’heure des choix. *Politique étrangère*, 1, 139—150. DOI: <https://doi.org/10.3917/pe.071.0139>.
- De Charrette, H. (2008). Nicolas Sarkozy et la politique étrangère de la France: entre changement et continuité. *Revue internationale et stratégique*, 70 (2), 7—12.
- Fabius, L. (2004). Diplomatie française: passer de la posture à la stratégie. *Revue internationale et stratégique*, 53 (1), 53—56. DOI: <https://doi.org/10.3917/ris.053.0053>.
- Gaillard, M. (2010). *France — Europe: Politique européenne de la France de 1950 à nos jours*. P.: De Boeck Supérieur.
- Kareva, D.O. (2015). *Mediterranean Policy of France in the End of 20th and in the beginning of the 21st century* [PhD thesis]. Moscow. (In Russian).
- Lequesne, C. (2007). La politique étrangère de Jacques Chirac ou la France sans surprise. *DGAP-Analyse Frankreich*, 2. Berlin: Forschungsinstitut der Deutschen Gesellschaft für Auswärtige Politik e.V. URL: https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/13137/ssoar-2007-lequesne-la_politique_etrangere_de_jacques.pdf?sequence=1 (accessed: 10.06.2018).
- Lequesne, C. & Vaisse, M. (2012). *La politique étrangère de Jacques Chirac*. P.: Riveneuve.

- Narochnitskaya, E.A. (2015). Foreign Policy the Legacy of Gaullism in Modern France. In: *France on the Threshold of Change: Economics and Politics in the Early 21st Century*: Materials of all-Russian Scientific Conference, 7 December. Moscow: IMEMO RAN publ. P. 210—221.
- Panyuzheva, M.M. (2013). French Politics of N. Sarkozy. *Obozrevatel — Observer*, 11 (286), 118—127. URL: http://www.observer.materik.ru/observer/N11_2013/118_127.pdf (accessed: 20.06.2018). (In Russian).
- Pupykin, N.I. (2010). From Gaullism to Neogaullism: Evolution of Ideology and Policy. *Dialogue with Time*, 33, 331—341. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2012/12/26/1251396117/19.pdf> (accessed: 10.06.2018). (In Russian).
- Rémond, R. (1982). *Les droites en France*. P.: Éditions Aubier-Montaigne.
- Vaïsse, M. (1998). *La grandeur. Politique étrangère du général de Gaulle 1958—1969*. P.: Fayard.
- Vaïsse, M. (2009a). La France et l'OTAN: une histoire. *Politique étrangère*, 4, 861—872. DOI: <https://doi.org/10.3917/pe.094.0861>.
- Vaïsse, M. (2009b). *La puissance ou l'influence. La France dans le monde depuis 1958*. P.: Fayard.
- Védrine, H., Boniface, P. & Lequesne, C. (2018). La politique étrangère de la France en débat. *Esprit*, mars (3), 103—116. DOI:10.3917/espri.1803.0103.
- Zuqian, Z. (2002). La politique étrangère de la France entre continuité et ajustements post-guerre froide. *Revue internationale et stratégique*, 45 (1), 113—120. DOI: 10.3917/ris.045.0113.
- Zvereva, T.V. (2008). Foreign Policy of France after the Arrival to Power of N. Sarkozy. *World Economy and International Relations*, 6, 34—48. (In Russian).
- Zvereva, T.V. (2014). *Main Directions of Foreign Policy of France during Globalization* [PhD thesis]. Moscow. (In Russian).

Received: 02.04.2018

For citations: Kornilov, A.A. & Afonshina, A.I. (2019). Gaullism and Neogaullism: Foreign Policy Continuity and Dynamics in France. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (2), 256—263. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-256-263.

About the authors: Kornilov Alexander Alekseevich — PhD, Dr. of Science (History), Professor, Head of the Department of Foreign Regional Studies and Local History of the Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (UNN) (e-mail: region@imomi.unn.ru).

Afonshina Alexandra Ilyinichna — a postgraduate student, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (UNN) (e-mail: aleksandra.inbox@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-256-263

Голлизм и неоголлизм: преемственность и динамика внешнеполитической стратегии Франции

А.А. Корнилов, А.И. Афоньшина

Нижегородский национальный исследовательский университет имени Н.И. Лобачевского,
Нижегород, Российская Федерация

В статье авторы рассматривают основные внешнеполитические приоритеты и цели голлизма и неоголлизма, выявляя те аспекты, которые остались неизменными на протяжении десятилетий, и те, которые трансформировались вместе с изменением внешнеполитической обстановки. Авторы также характеризуют понятие «величие», часто употребляемое генералом Ш. де Голлем, и оценивают влияние концепции «величия Франции» на её внешнюю политику.

В качестве основных приоритетов внешней политики Франции при Шарле де Голле выступали независимая внешняя политика Франции, изменение международного статус-кво в биполярном мире и восстановление статуса Франции как великой державы.

Говоря о внешней политике неоголлистов, то есть Ж. Ширака и Н. Саркози, можно сказать, что основные приоритеты Франции, по сути, не поменялись, однако способы достижения внешнеполитических целей часто были иные. Оба президента старались развивать интеграцию в рамках ЕС, пусть даже путем усиления наднациональных институтов, и интеграцию с НАТО (Н. Саркози даже вернул Францию в военные структуры НАТО).

При неоголлистах Париж также проводил активную политику в регионе Средиземноморья, сотрудничая не только с традиционными партнерами (арабскими странами), но и предпринимая попытки по восстановлению отношений с Израилем. Н. Саркози выступил с идеей создания Средиземноморского союза, целью которого было усилить влияние Франции в регионе, наладить сотрудничество между средиземноморскими странами и решить многочисленные накопившиеся проблемы, которые стоят перед ними. Однако данная идея не была воплощена в жизнь именно в том формате, в каком задумывалась. В итоге неоголлисты следуют основным принципам генерала Ш. де Голля, также отвечая при этом на вызовы современности.

Следует отметить, что в данном исследовании авторы комплексно рассматривают внешнеполитический курс французских президентов именно с точки зрения политики неоголлизма, стараясь оценить степень преемственности курса на протяжении десятилетий, а также актуальность положений голлизма для Франции XXI в.

Ключевые слова: неоголлизм, голлизм, Шарль де Голль, Жак Ширак, Николя Саркози, Средиземноморский союз, Франция, ЕС, НАТО

Библиографический список

- Зверева Т.В.* Внешняя политика Франции после прихода к власти Николя Саркози // *Мировая экономика и международные отношения*. 2008. № 6. С. 34—48.
- Зверева Т.В.* Основные направления внешней политики Франции в условиях глобализации: дис. ... д-ра полит. наук. М., 2014.
- Карева Д.О.* Средиземноморская политика Франции в конце XX — начале XXI вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2015.
- Нарочницкая Е.А.* Внешнеполитическое наследие голлизма в современной Франции // *Франция на пороге перемен: экономика и политика в начале XXI века: материалы Всероссийской научной конференции, 7 декабря 2015 г.* М.: ИМЭМО РАН, 2016. С. 210—221.
- Панюжева М.М.* Французская политика Н. Саркози (2007—2012 гг.) // *Обозреватель — Observer*. 2013. № 11 (286). С. 118—127. URL: http://www.observer.materik.ru/observer/N11_2013/118_127.pdf (дата обращения: 20.06.2018).
- Пупыкин Н.И.* От голлизма к неоголлизму: эволюция идеологии и политики // *Диалог со временем*. 2010. № 33. С. 331—341. URL: <http://ecsocman.hse.ru/data/2012/12/26/1251396117/19.pdf> (дата обращения: 10.06.2018).
- Bagayoko-Penone N., Cazelles C.* Vers une gestion interministérielle des sorties de conflits? // *Horizons stratégiques*. 2007. Vol. 5. No. 3. P. 130—151. URL: <https://www.cairn.info/revue-horizons-strategiques-2007-3-page-130.htm> (accessed: 10.06.2018).
- Boniface P.* La politique étrangère de Nicolas Sarkozy. Rupture ou continuité? // *Compte rendu de la conférence. Maison de l'Europe*, 13 avril 2010. Institut de relations internationales et stratégiques. URL: https://www.iris-france.org/docs/kfm_docs/docs/cr-conferences/2010-04-13-la-politique-etrangere-de-nicolas-sarkozy.pdf (accessed: 10.06.2018).
- Charillon F.* La politique étrangère de la France: l'heure des choix // *Politique étrangère*. 2007. No. 1. P. 139—150. DOI: <https://doi.org/10.3917/pe.071.0139>.
- De Charrette H.* Nicolas Sarkozy et la politique étrangère de la France: entre changement et continuité // *Revue internationale et stratégique*. 2008. Vol. 70. No. 2. P. 7—12.
- Fabius L.* Diplomatie française: passer de la posture à la stratégie // *Revue internationale et stratégique*. 2004. Vol. 53. No. 1. P. 53—56. DOI: <https://doi.org/10.3917/ris.053.0053>.
- Gaillard M.* France — Europe: Politique européenne de la France de 1950 à nos jours. P.: De Boeck Supérieur, 2010.
- Lequesne C.* La politique étrangère de Jacques Chirac ou la France sans surprise // *DGAP-Analyse Frankreich*. 2007. No. 2. Berlin: Forschungsinstitut der Deutschen Gesellschaft für Auswärtige Politik e.V. URL: https://www.ssoar.info/ssoar/bitstream/handle/document/13137/ssoar-2007-lequesne-la_politique_etrangere_de_jacques.pdf?sequence=1 (accessed: 10.06.2018).
- Lequesne C., Vaïsse M.* La politique étrangère de Jacques Chirac. P.: Riveneuve, 2012.
- Rémond R.* *Les droites en France*. P.: Éditions Aubier-Montaigne, 1982.
- Vaïsse M.* La grandeur. Politique étrangère du général de Gaulle 1958—1969. P.: Fayard, 1998.
- Vaïsse M.* La France et l'OTAN: une histoire // *Politique étrangère*. 2009a. No. 4. P. 861—872. DOI: <https://doi.org/10.3917/pe.094.0861>.
- Vaïsse M.* La puissance ou l'influence. La France dans le monde depuis 1958. P.: Fayard, 2009b.
- Védrine H., Boniface P., Lequesne C.* La politique étrangère de la France en débat // *Esprit*. 2018. Mars. No. 3. P. 103—116. DOI: [10.3917/espri.1803.0103](https://doi.org/10.3917/espri.1803.0103).
- Zuqian Z.* La politique étrangère de la France entre continuité et ajustements post-guerre froide // *Revue internationale et stratégique*. 2002. Vol. 45. No. 1. P. 113—120. DOI: [10.3917/ris.045.0113](https://doi.org/10.3917/ris.045.0113).

Дата поступления статьи: 02.04.2018

Для цитирования: Kornilov A.A., Afonshina A.I. Gaullism and Neogaullism: Foreign Policy Continuity and Dynamics in France // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2019. Т. 19. № 2. С. 256—263. DOI: [10.22363/2313-0660-2019-19-2-256-263](https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-2-256-263).

Сведения об авторах: *Корнилов Александр Алексеевич* — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения и локальной истории Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.Н. Лобачевского (e-mail: region@imomi.unn.ru).

Афоншина Александра Ильинична — аспирант Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.Н. Лобачевского (e-mail: aleksandra.inbox@mail.ru).

© Kornilov A.A., Afonshina A.I., 2018

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-264-273

Вынужденная миграция в странах Африки южнее Сахары

Д.П. Коммегни Фонганг

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Миграция является значимой составляющей в системе современных международных экономических отношений. Значительная доля международных мигрантов проживает в Африке, из них большинство — в странах Африки южнее Сахары (АЮС).

Африка — континент, где миграция имеет множество видов и активно влияет на политическую ситуацию в странах континента. Миграция в Африке вызвана как внутренними проблемами стран (политическая нестабильность, голод, массовые убийства, военные конфликты, нарушение общественного порядка), так и внешними факторами. И внутренние, и внешние факторы провоцируют массовые перемещения населения, формируя новые конфигурации миграционных процессов. Несмотря на то что в Африке развита миграция населения из сельской местности в города, все же большинство африканцев мигрирует по причинам политической нестабильности и отсутствия безопасности в большинстве стран континента. При этом часто игнорируется тот факт, что большинство мигрантов, перемещаясь на новые места проживания, остаются на африканском континенте.

Актуальность статьи обусловлена ростом объемов вынужденной миграции в странах АЮС в 2000—2018 гг. и необходимостью осмысления причин данного процесса.

В статье рассматривается вынужденная миграция в странах АЮС. На основании проведенного анализа определены основные причины вынужденной миграции в странах АЮС, среди которых: политическая нестабильность, голод, военные конфликты, нарушения прав человека, ухудшение социально-экономических условий и окружающей среды в странах региона.

Ключевые слова: Африка южнее Сахары, миграция, вынужденная миграция, военные конфликты, беженцы

Введение

Сегодня научные исследования по вопросам международной миграции вызывают все больший интерес. Тем не менее, проблемы, связанные с изучением миграции в международных экономических отношениях во второй половине XX в. (после деколонизации), находились вне фокуса внимания исследований. Считалось, что поскольку международная миграция не оказывает существенного влияния на эволюцию отношений между Востоком и Западом, она не представляет особого интереса. Ситуация несколько изменилась в конце 1980-х гг., когда миграционные проблемы были признаны предметом «высокой политики».

Целью данного исследования является определение особенностей вынужденной миграции в странах АЮС. Достижению данной цели способствовало использование в рамках исследования методов ретроспективного и сравнительного анализа, а также системного анализа. Системный

анализ позволил выявить комплекс военно-политических, социально-экономических, правовых, экологических факторов, способствующих росту числа вынужденных мигрантов в регионе. Ретроспективный метод дал возможность в хронологической последовательности выявить особенности изменения объемов и основных параметров вынужденной миграции в странах АЮС.

В исследовании особенностей вынужденной миграции, вызванной военными конфликтами, автор опирался на труды российских и зарубежных ученых, посвященные международной миграции, а также военным конфликтам и вынужденной миграции в странах АЮС. Отдельные аспекты миграционных процессов в субрегионах Африки были рассмотрены в работах Л.В. Гевелинга [2001; 2006; 2011; 2012; 2013а; 2013б; 2013с], А.Л. Емельянова [2011; 2015; Emel'yanov 2017], В.М. Татаринцева [2012], В.В. Намкина [2011], А.М. Васильева [2012], Т.Л. Дейч, Е.Н. Корендясова [Африка и мир в XXI веке...

2010; Новые партнеры Африки... 2016], В.И. Юртаева, Ф.К. Ндакиссы Онкасса [2017], а также М. Тандонне [2002].

Причины вынужденной миграции в странах АЮС

По оценкам Организации Объединенных Наций, число международных мигрантов и беженцев в мире только за 30 лет (с начала 1960-х до начала 1990-х гг.) почти удвоилось, достигнув 130 млн человек, а в 2017 г. международных мигрантов и беженцев в мире стало около 257 млн¹.

В ежегодном докладе «Глобальные тенденции» Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (УВКБ ООН) отмечает, что к концу 2017 г. 68,5 млн человек являлись вынужденно перемещенными лицами. Среди них — 16,2 млн человек, которые в 2017 г. были перемещены либо впервые, либо повторно. Это значит, что в вынужденном перемещении находилось около 44 500 людей ежедневно².

УВКБ ООН указывало также, что в 2017 г. число беженцев, покинувших свои страны, чтобы избежать конфликтов и преследований, составило 25,4 млн человек из 68,5 млн мигрантов, что на 2,9 млн больше по сравнению с 2016 г. Это стало самым большим увеличением, когда-либо зарегистрированным ООН за один год. Число внутренне перемещенных лиц в 2017 г. составило 40 млн, что немногим меньше, чем 40,3 млн внутренне перемещенных лиц в 2016 г. Согласно данным ООН, один из 110 мигрантов покинул свой дом в результате насилия³.

Как отмечалось в докладе ООН по международной миграции в 2017 г., около 10% от общего числа международных мигрантов в мире проживало в Африке, при этом 93% африканских мигрантов — в странах АЮС (табл. 1)⁴.

По оценкам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) на 2018 г., более 80 млн африканцев переехали в другие страны на постоянное место жительства⁵.

Причины вынужденной миграции в странах АЮС разнообразны и имеют свою специфику.

Голод — один из наиболее распространенных факторов, который приводит к перемещению людей. Африка является регионом, где доля недоедающего населения является самой высокой (от 20,4 до 31,4% в Восточной Африке). В 2017 г. на долю Африки пришлась наибольшая доля прироста недоедающих (прирост на 15 млн человек)⁶, что закономерно привело к массовому перемещению населения в поисках лучших условий жизни (рис. 1).

В докладе ООН за 2015 г. отмечалось, что военные конфликты и как следствие стремление «избежать насилия и бедствий» являлись основной причиной миграции в Африке⁷. При этом при анализе военных конфликтов в странах Африки было выявлено, что большинство мятежных формирований состоят также из мигрантов, беженцев и перемещенных лиц. Военные конфликты являлись причиной 75% новых миграционных перемещений в Африке в первой половине 2017 г., согласно статистическим данным отчета, опубликованного ООН. Таким образом, около 2,7 млн человек, проживающих на африканском континенте, были вынуждены перемещаться на новые места из-за внутренних конфликтов⁸.

В 2000—2014 гг. из 14 конфликтов в мире 7 произошли в странах АЮС (Кот-д'Ивуар,

publications/migrationreport/docs/MigrationReport2017_Highlights.pdf (accessed: 02.09.2018).

⁵ Perspectives des migrations internationales // OCDE. 20.06.2018. URL: http://www.oecd.org/fr/migrations/perspectives-des-migrations-internationales-99912_58.htm (accessed: 13.11.2018).

⁶ См.: Maetz M. Chiffres et faits sur la malnutrition dans le monde // La faim expliquée. Septembre 2018. URL: http://www.lafaimexpliquee.org/La_faim_expliquee/Faits_et_chiffres.html (accessed: 12.11.2018).

⁷ См.: Tigrine M. Conflits, principale cause des migrations en Afrique // Liberté. 07 decembre 2017. URL: <https://www.liberte-algerie.com/international/conflits-principale-cause-des-migrations-en-afrique-282693> (accessed: 12.11.2018).

⁸ См.: Annuaire statistique 2016 de l'ONU // ALSAPERFO. 3 octobre 2016. URL: <https://alsaperfo.wordpress.com/2016/10/03/annuaire-statistiques-2016-de-lonu/> (accessed: 13.11.2018).

¹ Миграция // Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/migration/index.html> (дата обращения: 02.09.2018).

² Там же.

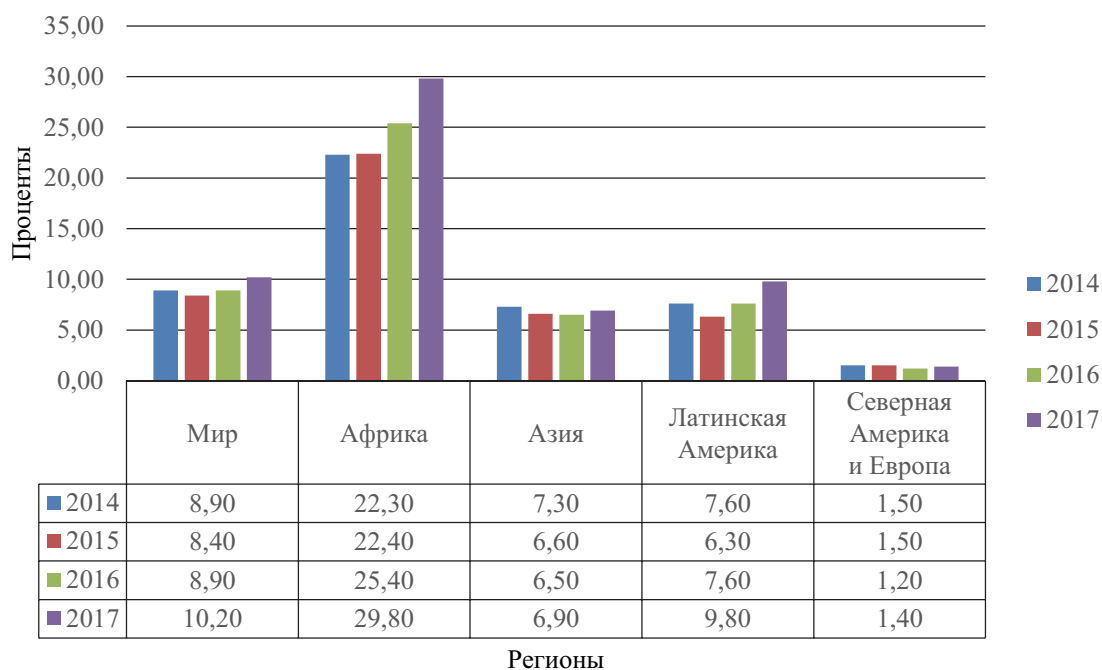
³ Вынужденное перемещение в 2017 году затронуло более 68 миллионов человек, новое глобальное соглашение по беженцам критически необходимо // Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев. URL: <http://www.unhcr.ru/arkhiv-novostei/podrobnee/article/vynuzhdennoe-peremeshchenie-v-2017-godu-zatronulo-bolee-68-mi.html> (дата обращения: 02.09.2018).

⁴ International Migration Report // UN. 2017. URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/>

Таблица 1. Динамика международной миграции в Восточной, Центральной и Западной Африке в 2000—2017 гг. (тыс. чел.; %) /**Table 1.** Dynamics of international migration in East, Central and West Africa, 2000—2017 (thousands of people; %)

Регион / страна / Region / Country	Численность между- народных мигрантов, тыс. чел. / Number of international migrants, thousands of people		Международные мигранты (% населе- ния) / International Migrants (% of the population)		Женщины среди мигрантов, % / Women among inter- national migrants, %		Средний возраст мигрантов / The average age of international migrants	
	2000	2017	2000	2017	2000	2017	2000	2017
Мир	172 604	257 715	2,8	3,4	49,3	48,4	38	39,2
Африка	14 800	24 650	1,8	2	46,9	47,1	27,6	30,9
Африка южнее Сахары	13 717	22 976	2	2,2	47,4	47,8	27,3	30,6
Восточная Африка	4,845	7,592	1,9	1,8	48,8	50,1	28,5	29,5
Бурунди	126	300	2	2,8	51,4	50,7	30,2	31
Джибути	101	116	14	12,1	47,3	47,4	28,5	30,8
Эритрея	13	16	0,4	0,3	47,1	44,6	30,1	31,2
Эфиопия	611	1,227	0,9	1,2	47,3	49,1	29,4	22,1
Кения	699	1,079	2,2	2,2	50,1	50,1	20	24,6
Мадагаскар	24	34	0,1	0,1	43,6	43	41,1	42,5
Малави	233	237	2	1,3	52,1	52,4	31,5	34,5
Маврикий	16	29	1,3	2,3	63,3	44,6	28,8	39
Мозамбик	196	247	1,1	0,8	47,3	51,1	24,6	30
Руанда	347	443	4,3	3,6	49,4	50,2	29	29,2
Сомали	20	45	0,2	0,3	47,1	47,5	26	28,1
Южный Судан	—	845	—	6,7	—	48,9	—	29,4
Уганда	635	1,692	2,6	3,9	50,5	53,1	29,2	30,5
Танзания	928	493	2,7	0,9	49,3	40,1	31,2	34,3
Замбия	321	157	3	0,9	49,1	49,5	27	33,9
Зимбабве	410	404	3,4	2,4	43	43,1	33,6	38,3
Центральная Африка	1,757	3,54	1,8	2,2	48,5	48,4	27	29
Ангола	46	638	0,3	2,1	49,3	51,8	27,4	21,9
Камерун	228	540	1,5	2,2	45,4	50,6	33,5	28,9
ЦАР	124	89	3,3	1,9	46,9	47	27,9	32
Чад	105	490	1,3	3,3	46,1	53,9	22,5	25,9
Конго	305	399	9,5	7,6	49,9	45,2	28,5	31,9
ДР Конго	744	879	1,6	1,1	51	51,3	23,9	28
Экваториальная Гвинея	5	222	0,7	17,5	47	22,9	32,4	33,8
Габон	196	280	15,9	13,8	42,9	42,9	28,2	32
Западная Африка	5,091	6,77	2,2	1,8	46,9	46,7	25,3	30,1
Бенин	134	253	1,9	2,3	46,4	43,9	23,6	31,1
Буркина-Фасо	520	709	4,5	3,7	51,8	52,4	16,7	31
Кабо-Верде	11	15	2,5	2,8	47,8	49,4	30,5	38,3
Кот-д'Ивуар	1,994	2,197	12	9	44,6	44,6	29,1	36,2
Гамбия	183	205	14,8	9,8	46,8	47,3	25	30,8
Гана	192	418	1	1,4	49,2	49,1	17,9	28
Гвинея	560	123	6,4	1	50,2	41,1	21,2	25,6
Гвинея-Бисау	20	23	1,6	1,3	50,3	50,5	21,2	25,6
Либерия	152	99	5,3	2,1	45,9	43	23,5	29,6
Мали	189	384	1,7	2,1	48,4	48,8	18,6	26,9
Мавритания	57	168	2,1	3,8	45,7	43,5	26	25
Нигер	122	296	1,1	1,4	52,4	52,6	22,5	25,2
Нигерия	488	1,235	0,4	0,6	44,6	45,1	20,2	18,9
Сенегал	232	266	2,3	1,7	47,6	46,9	27,9	29,1
Того	138	284	2,8	3,6	49,9	49,7	21,3	23,1

Источник / Source: International Migration Report // UN. 2017. URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2017_Highlights.pdf (accessed: 02.09.2018).

Рис. 1. Недостаток продовольствия в мире в 2014—2017 гг. (% населения) /

Fig. 1. Food shortage in the world, 2014—2017 (% of population)

Источник / Source: L'état de la sécurité alimentaire et de la nutrition dans le monde. Renforcer la résilience face aux changements climatiques pour la sécurité alimentaire et la nutrition // Organisation des Nations Unies pour l'alimentation et l'agriculture. 2018. P. 8. URL: <http://www.fao.org/3/I9553FR/i9553fr.pdf> (accessed: 12.11.2018).

Таблица 2. Рейтинг стран по количеству беженцев, покинувших и прибывших в страну в 2017 г. /
Table 2. Ranking of countries by the number of refugees who left and arrived in the country in 2017

Страна-донор / Donor country	Кол-во беженцев / Amount of refugees	Страна-реципиент / Recipient country	Кол-во принятых беженцев (чел.) / Number of accepted refugees
Южный Судан	2 439 868	Европейский союз	2 287 804
Сомали	986 356	Судан	906 585
Судан	694 506	ДР Конго	537 074
ДР Конго	620 775	Чад	411 460
ЦАР	545 498	Уганда	1 350 495
Кения	431 880	Камерун	337 367
Бурунди	439 280	Танзания	308 528
Руанда	258 956	Южный Судан	283 400
Нигерия	238 942	Конго	48 494
Мали	150 285	Буркина-Фасо	24 147
Кот-д'Ивуар	39 939	Мали	17 036
Сенегал	26 559	Сенегал	14 646
Чад	16 295	Сомали	14 555
Камерун	10 982	Того	12 420
Ангола	8 267	Гана	12 148
Того	8 100	Гвинея-Бисау	11 197
Кения	7 547	ЦАР	10 023
Уганда	6 369	Гамбия	8 034
Либерия	5 989	Зимбабве	7 566

Источник / Source: Refugee population by country or territory of origin // World Bank. 2018. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SM.POP.REFG.OR> (accessed: 15.01.2019).

Центральноафриканская Республика, Мали, Нигерия, Демократическая Республика Конго, Южный Судан, Бурунди). В странах региона в 2014 г. насчитывалось 3,7 млн беженцев и 111,4 млн перемещенных лиц [Новые партнеры Африки... 2016: 7—28].

Например, Судан — одна из крупнейших стран Африки, в 2010—2016 гг. стал ареной самого затяжного на континенте гражданского конфликта. В ходе почти полувековой вооруженной борьбы между преимущественно мусульманским Севером и христианским Югом было убито примерно 2 млн человек. В 2014 г. по крайней мере 4 млн мирных жителей сменили место проживания внутри самого Судана, а еще полмиллиона человек искали убежища в соседних государствах, став беженцами⁹.

В 2014 г. в Камеруне проживало более 300 тыс. иностранных беженцев. Они находились в нескольких областях на востоке и севере страны, на границах с Центральноафриканской Республикой и Нигерией соответственно. Камерун принимал беженцев из ЦАР, покинувших свою страну из-за нестабильности, возникшей с началом политического кризиса в 2013 г.¹⁰ Беженцы из Нигерии мигрировали в Камерун из-за пагубной деятельности группировки «Боко харам», которая своими действиями вызвала массовую миграцию населения терроризируемых регионов в соседние страны. Согласно статистике ООН, в 2016 г. деятельность «Боко харам» в Нигерии привела к прибытию более 70 тыс. беженцев на территорию Камеруна, в то время как 124 тыс. камерунцев вынуждены были перемещаться внутри страны, чтобы избежать вторжений «Боко харам» в приграничные с Нигерией районы Камеруна¹¹.

⁹ См.: Soudan du Sud, portrait d'un pays déchiré par la guerre // Radio Canada. URL: <https://ici.radio-canada.ca/nouvelles/special/2017/03/soudan-sud-portrait-guerre-civile-conflit-interne-famine/index.html> (accessed: 21.11.2018).

¹⁰ «La crise en République centrafricaine risque de s'étendre à toute la sous-région», prévient le Chef du Bureau pour l'Afrique centrale // Nations unies. Conseil de sécurité. 20 novembre 2013. URL: <https://www.un.org/press/fr/2013/CS11182.doc.htm> (accessed: 13.11.2018).

¹¹ La France offre 360 millions FCfa pour l'encadrement des réfugiés au Cameroun // Investir au Cameroun. 02 mars 2016. URL: <https://www.investiraucameroun.com/gestion-publique/0203-7185-la-france-offre-360-millions-fcfa-pour-l-encadrement-des-refugies-au-cameroun> (accessed: 12.11.2018).

Говоря о других странах региона, следует отметить, что в начале XXI в. высоким уровнем внутренней миграции характеризовались такие страны, как Кот-д'Ивуар, Гана, Сенегал [Осминина, Смирнова 2010: 142]. Ряд центральноафриканских стран (Габон, Камерун, Конго) длительное время также являлись регионами активной миграции.

В Демократической Республике Конго (ДРК) постоянное возобновление военных действий в восточных провинциях страны провоцировало новые гуманитарные катастрофы. Только в первой половине 2017 г. в ДРК произошло 997 тыс. новых перемещений людей по причине военных конфликтов, что превысило данные за весь 2016 г.

В других субрегионах АЮС, например в Восточной Африке, можно наблюдать активные перемещения населения, которые происходят в Сомали, Судане и Южном Судане также по причине военных конфликтов. Ежегодный отчет УВКБ ООН (2017 г.) сообщает о беспрецедентных 65,6 млн беженцев, появившихся вследствие военных конфликтов. Свой вклад в эту статистику внес Южный Судан, который в 2016 г. покинуло 737 тыс. человек, при этом число беженцев продолжило расти и в 2017 г.¹²

Социально-экономические факторы, такие как низкий уровень жизни, высокий уровень коррупции или ущемление прав человека, способствуют росту вынужденной миграции в странах АЮС. По данным на 2016 г., ни одно государство АЮС, за исключением островного Маврикия, не входило в число стран, имеющих высокий показатель Индекса человеческого развития (Human Development Index). За исключением Ботсваны, Габона, ЮАР, Намибии, Республики Конго, Экваториальной Гвинеи, Ганы, Замбии и Кении, попавших в группу стран со средними показателями индекса, 34 государства, то есть подавляющее число африканских стран, находятся в нижней части индекса (самые низкий показатель — 0,353 у охваченной гражданской войной ЦАР и мирного Нигера) [Громогласова 2018: 77—91].

¹² См.: Edwards A. Le nombre de personnes déplacées atteint son plus haut niveau depuis des décennies // The UN Refugee Agency. 19 juin 2017. URL: <http://www.unhcr.org/fr/news/stories/2017/6/5943f3eca/nombre-personnes-deplacees-atteint-haut-niveau-decennies.html> (accessed: 31.10.2018).

Гуманитарная организация ACAPS (The Assessment Capacities Project), специализирующаяся на анализе и оценке гуманитарных кризисов, заявила об усугублении миграционного кризиса в Африке в 2018 г. по сравнению с 2017 г.¹³

Кризисные процессы в социально-экономической сфере, способные привести к росту вынужденной миграции, наблюдаются также в Эритрее, Нигерии, Камеруне, Судане, Центральноафриканской Республике, Демократической Республике Конго, Мали, Конго и Сомали¹⁴.

Эритрею ежегодно покидали тысячи преимущественно молодых людей, направляющихся, как правило, в Эфиопию, Судан или транзитом через Ливию в Европу. Эритрея относится к одной из самых авторитарных стран в мире со слабой экономикой и сложной ситуацией с правами человека. По данным УВКБ ООН, к 2014 г. страну покинули 357 тыс. человек, что составляло более 5% населения¹⁵. Многие из них молодые люди, уклоняющиеся от призыва в армию, 18-месячный срок службы в которой на практике часто многократно продлевается.

Ухудшение состояния окружающей среды в результате истощения земель в традиционных зонах сельскохозяйственной деятельности, природные катастрофы (многолетние засухи, налеты саранчи и др.), грядущие климатические изменения порождают новые волны перемещения населения в АЮС. Особую тревогу вызывают прогнозы повышения температуры в ближайшие десятилетия в сахарской зоне — на 3,6%, а в наиболее прохладном регионе, в Восточной Африке — на 2,5%. Прогнозируется также сокращение осадков и увеличение продолжительности крайне жарких сезонов — на 20% [Новые партнеры Африки... 2016: 7—28].

¹³ Humanitarian Overview: An Analysis of Key Crises into 2018 // ACAPS. URL: https://www.acaps.org/sites/acaps/files/products/files/acaps_humanitarian_overview_analysis_of_key_crises_into_2018.pdf (accessed: 06.12.2018).

¹⁴ См.: Piché V. 2018, une autre année de crises migratoires à prévoir // Metro. 09 janvier 2018. URL: <http://journalmetro.com/opinions/parlons-immigration/1335742/2018-une-autre-annee-de-crisis-migratoires-a-prevoir/> (accessed: 06.12.2018).

¹⁵ См.: Miles T. U.N. Eritrea inquiry finds clear patterns of rights violations // Reuters. March 16, 2015. URL: <https://www.reuters.com/article/us-eritrea-un-idUSKBN0MCOZZ20150316> (accessed: 13.12.2018).

Общее число беженцев и внутренних мигрантов в странах Африканского Рога оценивается на уровне 22 млн человек. Большинство из них находится в Эфиопии (6,7 млн человек), Эритрее (1,5 млн) и Судане (1,3 млн человек). В общей сложности из этих 22 млн 11 млн человек мигрировали в результате конфликтов, экологических бедствий или голода [Esambu Matenda 2018: 150].

Основные характеристики вынужденной миграции в странах АЮС

Большинство международных мигрантов из АЮС не покидали континента. В 2017 г. статистика показала, что 13,4% из 32 млн мигрантов, зарегистрированных в мире, являлись выходцами из стран Африки, и большинство из них остались на континенте. ЮАР являлась самой иммигрантской страной в Африке, в которой только в 2015 г. проживало 3,15 млн мигрантов преимущественно из соседних стран: Зимбабве, Мозамбика и Лесото¹⁶.

Крупнейшими странами в АЮС, принимающими беженцев, являлись Уганда, Эфиопия, Нигерия примерно с 2,5 млн беженцев, ДРК, где находится 1,5 млн перемещенных лиц, а также Судан и Кения. Все эти страны приютили, в частности, беженцев из Южного Судана¹⁷.

Растущие лагеря беженцев создают проблемы для принимающих стран, которые не готовы нести огромные расходы на содержание лагерей без ощутимой международной поддержки. Неспособность принимающих стран оплачивать устройство поселений для беженцев в будущем способна привести к возникновению серьезных проблем гуманитарного, эпидемиологического характера в районах, где размещаются данные поселения.

Вынужденная миграция из стран АЮС связана с многочисленными рисками для жизни. Отправившиеся в Европу по средиземноморскому маршруту мигранты должны сначала пересечь пустыню Сахару, затем охваченную конфликтами

¹⁶ См.: Mobilités et migrations intra-africaines // Géoconfluence. 23.01.2018. URL: <http://geoconfluences.ens-lyon.fr/actualites/veille/brevs/migrations-intra-africaines> (accessed: 13.11.2018).

¹⁷ См.: Сэбё М. Искатели счастья // Иносми.ру. 15.05.2016. URL: <https://inosmi.ru/social/20160515/236526676.html> (дата обращения: 13.11.2018).

Ливию, после чего отправиться по опасному морскому маршруту на Мальту или в Италию. По данным Международной организации по миграции (МОМ), с января по июнь 2016 г. 204 311 африканских беженцев прибыло в Европу по Средиземному морю, при этом 2 443 человека погибло¹⁸.

Заключение

Африка южнее Сахары в XXI в. стала регионом, отмеченным наибольшим количеством военных конфликтов, самыми высокими темпами роста недоедающего населения, массовыми нарушениями прав человека, политической нестабильностью, высокой активностью террористических организаций, неблагоприятными климатическими изменениями и ухудшением окружающей среды. Все эти факторы приводят к росту вынужденной миграции.

Вынужденные мигранты пополняют ряды мятежных формирований, деятельность которых приводит к очередному витку роста вынужденной миграции.

Желание многих африканцев уехать в Европу сдерживается ужесточением иммиграционного контроля в европейских странах.

Вынужденная миграция из стран АЮС связана с многочисленными рисками для жизни, многие мигранты погибают в пути.

Растущие миграционные потоки в странах АЮС требуют от правительств принятия мер для их эффективного регулирования. Однако следует признать, что во многих странах государственные

структуры остаются слабыми и неэффективными в решении миграционных проблем. То же можно сказать и о дипломатических усилиях. Африканские государства разработали и подписали на двустороннем уровне и в рамках Африканского союза большое число деклараций и договоров о миграционном сотрудничестве. Однако многие из них так и остаются декларациями о намерениях, которые не претворяются в жизнь.

Многочратно возросшие по объему и интенсивности миграционные процессы оказывают мощное воздействие на структуру и содержание отношений между странами АЮС. Миграционная проблема стала приоритетной темой для большинства государств региона. Африканская дипломатия стремится добиться благоприятного баланса интересов со странами — реципиентами мигрантов, соблюдения прав мигрантов африканцев [Лебедева 2009: 40—52].

Африка в ближайшие 30 лет станет одним из основных локомотивов роста мирового населения. В 2018 г. численность населения Африки составила около 1,2 млрд человек. Согласно оценкам ООН, численность население Африки к 2050 г. удвоится и составит 2,4 млрд человек¹⁹. Это способно вызвать пропорциональный рост числа мигрантов и обострение проблем, связанных с миграцией в Африке. Поэтому борьба с проблемой мигрантов в странах АЮС требует от национальных правительств и международных организаций выработки своевременных и комплексных решений, учитывающих множество факторов, приводящих к росту миграции в регионе.

¹⁸ Mediterranean Migrant Arrivals in 2016: 204,311; Deaths 2,443 // International Organization of Migration. May 31, 2016. URL: <https://www.iom.int/news/mediterranean-migrant-arrivals-2016-204311-deaths-2443> (accessed: 13.11.2018).

¹⁹ См.: Bish J.J. Population growth in Africa: grasping the scale of the challenge // The Guardian. January 11, 2016. URL: <https://www.theguardian.com/global-development-professionals-network/2016/jan/11/population-growth-in-africa-grasping-the-scale-of-the-challenge> (accessed: 13.11.2018).

Библиографический список

- Африка и мир в XXI веке* / отв. ред. Т.Л. Дейч, Е.Н. Корендясов. М.: Институт Африки РАН, 2010.
- Васильев А.М. Африка и вызовы XXI века. М.: Наука, 2012.
- Гевелинг Л.В. Выборы в Нигерии: время политических парадоксов // *Азия и Африка сегодня*. 2011. № 8 (649). С. 37—44.
- Гевелинг Л.В. Зарубежный опыт борьбы с коррупцией: Федеративная Республика Нигерия // *Аналитический вестник Совета Федерации Федерального Собрания РФ. Серия: Проблемы национальной безопасности*. 2012. № 10 (453). С. 39—53.
- Гевелинг Л.В. Независимая Нигерия // *Нигерия: справочно-монографическое издание*. М.: Институт Африки РАН, 2013а. С. 70—123.

- Гевелинг Л.В. Нигерийская модель борьбы с коррупцией // Нигерия: справочно-монографическое издание. М.: Институт Африки РАН, 2013b. С. 253—260.
- Гевелинг Л.В. Социально-политическое измерение коррупции и негативной экономики. Борьба африканского государства с деструктивными формами организации власти. М.: Гуманитарий, 2001.
- Гевелинг Л.В. Тропическая Африка: развитие переходных форм организации власти // Ломоносовские чтения. Востоковедение: научная конференция, апрель 2006 г.: тезисы докладов. М.: Академия гуманитарных исследований, 2006. С. 386—390.
- Гевелинг Л.В. Четвертая республика в Нигерии: хроника политического насилия // Конфликты в Африке: причины, генезис и проблемы урегулирования (этнополитические и социальные аспекты). М.: Институт Африки РАН, 2013c. С. 147—173.
- Громогласова Е.С. Гуманитарная составляющая внешней политики государства // Пути к миру и безопасности. 2018. № 1 (54). Спецвыпуск: Гуманитарные вызовы, гуманитарное реагирование и защита гражданского населения в вооруженных конфликтах / под ред. Е.А. Степановой. С. 77—91. DOI: 10.20542/2307-1494-2018-1-77-91.
- Емельянов А.Л. Имитационная демократия: Африканский вариант // Новая и новейшая история. 2015. № 5. С. 104—124.
- Емельянов А.Л. Колониальная история Африки южнее Сахары. М.: МГИМО Университет, 2011.
- Корендясов Е.Н. Миграция в Африке: внешнеполитические аспекты // Африканская миграция в контексте современных международных отношений: сборник статей / отв. ред. Т.Л. Дейч, Е.Н. Корендясов. М.: Институт Африки РАН, 2015. С. 7—28.
- Лебедева Э.Е. Миграционная политика стран Африки южнее Сахары. Миграционные процессы в странах Азии и Африки // Опыт государственного: сборник статей / отв. ред. А.А. Рогожин. М.: ИМЭМО РАН, 2009. С. 40—52.
- Наумкин В.В. Этнополитические конфликты в современном мире. М.: Наука, 2011.
- Новые партнеры Африки: влияние на рост и развитие стран континента / отв. ред. Т.Л. Дейч, Е.Н. Корендясов. М.: Институт Африки РАН, 2016.
- Осминина М.А., Смирнова О.А. Анализ нестабильной ситуации на Африканском континенте: сравнительный анализ, характеристики // Система ценностей современного общества. 2010. № 14. С. 142—147.
- Тандонне М. Иммиграционная политика во Франции и проблема нелегальной миграции // Иммиграционная политика западных стран: альтернативы для России / под ред. Г.С. Витковской. М.: Гендальф, 2002. С. 204—212.
- Татаринцев В. М. Африка: настоящее и будущее. М.: Восточная книга, 2012.
- Юртаев В.И., Ндакисса Онкасса Ф.К. Дипломатия малых африканских стран: опыт Габона // Африка: устойчивое развитие и дипломатия диалога: Ежегодник — 2017: сб. статей / под ред. Н.С. Кирабаева, Л.В. Пономаренко, В.И. Юртаева, Е.А. Долгинова. М.: РУДН, 2017. С. 152—164.
- Emelyanov A.L. Political Systems and Political Culture of the States of Africa // Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective / Ed. by A.D. Voskressenski. Singapore: World Scientific Publishing Co., 2017. P. 127—144.
- Esambu Matenda G.J.B. Flux migratoires et émergence du fondamentalisme en Afrique Centrale. P.: L'Harmattan, 2018.

Дата поступления статьи: 17.02.2019

Для цитирования: Коммегни Фонганг Д.П. Вынужденная миграция в странах Африки южнее Сахары // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 2. С. 264—273. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-264-273.

Сведения об авторе: Коммегни Фонганг Джоаддан Приска — аспирант кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: kprisca.lord@hotmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-264-273

Forced Migration in Sub-Saharan Africa

J.P. Kommegni Fongang

RUDN University, Moscow, Russian Federation

Abstract. Migration is an important issue in modern international relations. This article discusses the characteristics of forced migration in Sub-Saharan Africa (SSA).

Africa is a continent where migration has many species and actively influences the political situation in the countries of the continent. Migration in Africa is caused both by internal problems of the countries (political instability, famine, massacres, military

conflicts, disturbance of public order, human rights violations) and external factors. All of these factors provoke mass population movements, forming new configurations of migration processes. At the same time, the fact that most of the migrants, moving to new places of residence, remain on the African continent is often ignored.

Frequent causes of migration in Africa are economic factors: imbalances and uneven development, lack of employment opportunities, bad living conditions and low wages. At the same time, people migrate to Africa not only to improve their well-being. Military conflicts, threats to life or human rights violations are extremely common causes of forced migration in Africa. According to the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) (2018), more than 80 million Africans emigrated, leaving their country to settle permanently in another.

The relevance of the article is due to the increase of forced migration volume in the SSA countries in 2000—2018 and the need to understand the reasons for this process.

This article discusses forced migration in SSA countries. Based on the analysis, the main causes of forced migration in the SSA countries are identified, including political instability, famine, military conflicts, human rights violations, deterioration of socio-economic conditions and the environmental problems in the countries of the region.

Key words: Sub-Saharan Africa, migration, forced migration, military conflicts, refugees

References

- Deych, T.L & Korendyasov, E.N. (Eds.). (2010). *Africa and the World in the 21st Century*. Moscow: Institute for African Studies publ. (In Russian).
- Deych, T.L & Korendyasov, E.N. (Eds.). (2016). *New Partners of Africa: Impact on the Growth and Development of the Continent*. Moscow: Institute for African Studies publ. (In Russian).
- Emelyanov, A.L. (2011). *Colonial History of Sub-Saharan Africa*. Moscow: MGIMO-University publ. (In Russian).
- Emelyanov, A.L. (2015). Imitating Democracy: African Version. *Modern and Current History Journal*, 5, 104—124. (In Russian).
- Emelyanov, A.L. (2017). Political Systems and Political Culture of the States of Africa. In: *Is Non-Western Democracy Possible? A Russian Perspective* / Ed. by A.D. Voskressenski. Singapore: World Scientific Publishing Co. P. 127—144.
- Esambu Matenda, G.J.B. (2018). *Flux migratoires et émergence du fondamentalisme en Afrique Centrale*. P.: L'Harmattan.
- Geveling, L.V. (2001). *Socio-political Dimension of Corruption and a Negative Economy. The Struggle of the African State with the Destructive Forms of Power Organization*. Moscow: Gumanitarniy publ. (In Russian).
- Geveling, L.V. (2006). Tropical Africa: the Development of Transitional Forms of Organization of Power. In: *Lomonosov Readings. Orientalism: Scientific Conference, April 2006: Abstracts of Reports*. Moscow: Akademiya gumanitarnykh issledovaniy publ. P. 386—390. (In Russian).
- Geveling, L.V. (2011). Elections in Nigeria: Time of Political Paradoxes. *Asia and Africa Today*, 8 (649), 37—44. (In Russian).
- Geveling, L.V. (2012). Foreign Experience in the Fight against Corruption: the Federal Republic of Nigeria. *Analytical Bulletin of the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation. Series: National Security Issues*, 10 (453), 39—53. (In Russian).
- Geveling, L.V. (2013a). Independent Nigeria. In: *Nigeria*. Monograph reference book. Moscow: Institute for African Studies publ. P. 70—123. (In Russian).
- Geveling, L.V. (2013b). Nigerian Anti-Corruption Model. In: *Nigeria*. Monograph reference book. Moscow: Institute for African Studies publ. P. 253—260. (In Russian).
- Geveling, L.V. (2013c). Fourth Republic in Nigeria: A Chronicle of Political Violence. In: *Conflicts in Africa: Causes, Genesis and Settlement Problems (Ethnopolitical and Social Aspects)*. Moscow: Institute for African Studies publ. P. 147—173. (In Russian).
- Gromoglasova, E.S. (2018). Humanitarian Component of a State's Foreign Policy. *Pathways to Peace and Security*, 1 (54). Special Issue: Humanitarian Challenges, Humanitarian Support and Human Protection in Armed Conflicts / Ed. by E.A. Stepanova. P. 77—91. DOI: 10.20542/2307-1494-2018-1-77-91. (In Russian).
- Korendyasov, E.N. (2015). Migration in Africa: Foreign Policy Aspects. In: *African Migration in the Context of Contemporary International Relations: Collected Articles* / Ed. by T.L. Deych, E.N. Korendyasov. Moscow: Institute for African Studies publ. P. 7—28. (In Russian).
- Lebedeva, E.E. (2009). Migration Policy of Sub-Saharan Africa. Migration Processes in Asia and Africa. In: *State Experience: Collected Articles* / Ed. by A.A. Rogozhin. Moscow: IMEMO RAN publ. P. 40—52. (In Russian).
- Naumkin, V.V. (2011). *Ethnopolitical Conflicts in the Contemporary World*. Moscow: Nauka publ. (In Russian).
- Osmirina, M.A. & Smirnova, O.A. (2010). Analysis of the Unstable Situation on the African Continent: A Comparative Analysis and Characteristics. *Modern Society's System of Values*, 14, 142—147. (In Russian).
- Tandonnet, M. (2002). Immigration Policy in France and the Problem of Illegal Migration. In: *Western Immigration Policies: Alternatives for Russia* / Ed. by G.S. Vitkovskaya. Moscow: Gendalf publ. P. 204—212. (In Russian).

- Tatarintsev, V.M. (2012). *Africa: the Present and the Future*. Moscow: Vostochnaya kniga publ. (In Russian).
- Vasiliev, A.M. (2012). *Africa and the Challenges of the 21st Century*. Moscow: Nauka publ. (In Russian).
- Yurtaev, V.I. & Ndakissa Onkassa, F.C. (2017). The Diplomacy of Lesser African Countries: The Experience of Gabon. In: *Africa: Sustainable Development and the Diplomacy of Dialogue: Yearbook—2017* / Ed. by N.S. Kirabaev, L.V. Ponomarenko, V.I. Yurtaev, E.A. Dolginov. Moscow: RUDN publ. P. 152—164. (In Russian).

Received: 17.02.2019

For citations: Kommegni Fongang, J.P. (2019). Forced Migration in Sub-Saharan Africa. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (2), 264—273. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-264-273.

About the author: *Kommegni Fongang Joaddan Prisca* — post-graduate student of the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: kprisca.lord@hotmail.com).

© Коммегни Фонганг Д.П., 2019

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-274-283

Повестка международного развития в решениях и резолюциях Генеральной Ассамблеи и ЭКОСОС ООН в 1946—2000 гг.

А.А. Игнатов, Е.А. Сафонкина

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ,
Москва, Российская Федерация

В статье исследуется роль двух ключевых органов ООН — Генеральной Ассамблеи (ГА ООН) и Экономического и Социального Совета (ЭКОСОС) в формировании и содействии международному развитию с момента создания Организации и до принятия Целей развития тысячелетия (ЦРТ) в 2000 г. на основании статистического анализа решений по вопросам развития, принятых Генеральной Ассамблеей и ЭКОСОС в исследуемый период. Целью исследования является определение характера участия Генеральной Ассамблеи и ЭКОСОС ООН в развитии рассматриваемой повестки.

Для реализации поставленной цели авторы использовали исследовательские методы контент-анализа и сравнительного исторического анализа. Отобранные резолюции и решения Генеральной Ассамблеи и ЭКОСОС по вопросам развития, принятые в 1946—2000 гг., были систематизированы и разбиты по тематическим категориям.

В результате проведенного исследования авторы пришли к выводу, что роль и функции, которые выполняли Генеральная Ассамблея и ЭКОСОС ООН в процессе расширения и углубления повестки международного развития, различаются в зависимости от рассматриваемого десятилетия. Так, на начальном этапе (1946—1959 гг.) ГА ООН и ЭКОСОС решали схожие задачи по созданию новой системы институтов и налаживанию их деятельности, однако после принятия ООН в 1961 г. первой программы международного экономического сотрудничества — «Декады развития» начался процесс постепенного разделения полномочий двух органов, продолжавшийся вплоть до 2000 г. В этот период поступательно возрастает доля программных документов в дискурсе ГА ООН, которые создадут базис для принятия в 2000 г. мировым сообществом ЦРТ, а организационные и операционные вопросы переходят в ЭКОСОС.

Ключевые слова: ООН, Генеральная Ассамблея (ГА ООН), Экономический и Социальный Совет (ЭКОСОС), международное развитие, Цели развития тысячелетия (ЦРТ)

Введение

Учрежденная после окончания Второй мировой войны странами-победительницами Организация Объединенных Наций (ООН) стала ключевым институтом, в рамках которого формировались концептуальные рамки международного развития.

Согласно Уставу ООН, принятому в 1945 г., тремя основополагающими целями организации стали поддержание международного мира и безопасности; развитие дружественных отношений между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов; осуществление международного сотрудничества для гармо-

ничного социально-экономического развития всех стран мира. Для достижения поставленных целей были созданы соответствующие органы — Совет Безопасности (СБ ООН), Генеральная Ассамблея (ГА ООН), а также Экономический и Социальный Совет (ЭКОСОС). Именно на Генеральную Ассамблею на уровне специальных комитетов и на ЭКОСОС были возложены задачи по формулированию и совершенствованию подходов Организации к проблематике содействия развитию. Цель настоящего исследования — определить характер участия Генеральной Ассамблеи и ЭКОСОС в развитии рассматриваемой повестки на основе анализа принятых резолюций и решений.

В качестве хронологических рамок исследования был выбран период с 1946 по 2000 г. Первые сессии Генеральной Ассамблеи и Экономического и Социального Совета состоялись спустя год после создания ООН, а рубеж XXI в. ознаменовался принятием Целей развития тысячелетия (ЦРТ) и значительным изменением парадигм международного сотрудничества в целях развития, основа для которого была сформирована в предыдущий полувековой период.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что ни в отечественной, ни в зарубежной исследовательской практике подобный анализ пока не проводился. ООН представляет научный интерес, в первую очередь, с точки зрения изучения Совета Безопасности [Meltzer 1978; Chesterman 2011], сотрудничества по секторальным вопросам (борьба с ВИЧ/СПИДом обеспечение безопасности, продвижение гендерных вопросов) [Breen 2007; Seckinelgin 2009; Исаченко 2010; Rushton 2010; Jansen et al. 2014; Гнатик 2014], «разделения труда» между ООН и неформальными институтами глобального управления [Cinelli 2013], приоритетов конкретных стран в ООН [Борзова 2012], работы отдельных органов [Green 1952; Lubin, Murden 1955; Sharp 1968; Chimni 2011; Fasulo 2015], в том числе по тематике развития [Weiss 2013; Ларионова, Сафонкина 2018].

Кроме того, в ряде имеющихся исследований встречаются тезисы о недостаточной вовлеченности ЭКОСОС в процесс формирования и совершенствования повестки международного развития. Авторы настоящего исследования утверждают, что подобные заключения некорректны. Генеральная Ассамблея и ЭКОСОС, как будет наглядно продемонстрировано в ходе анализа, действовали на основе принципа «разделения труда», что позволяло эффективно реагировать на возникающие вызовы и проблемы международного развития.

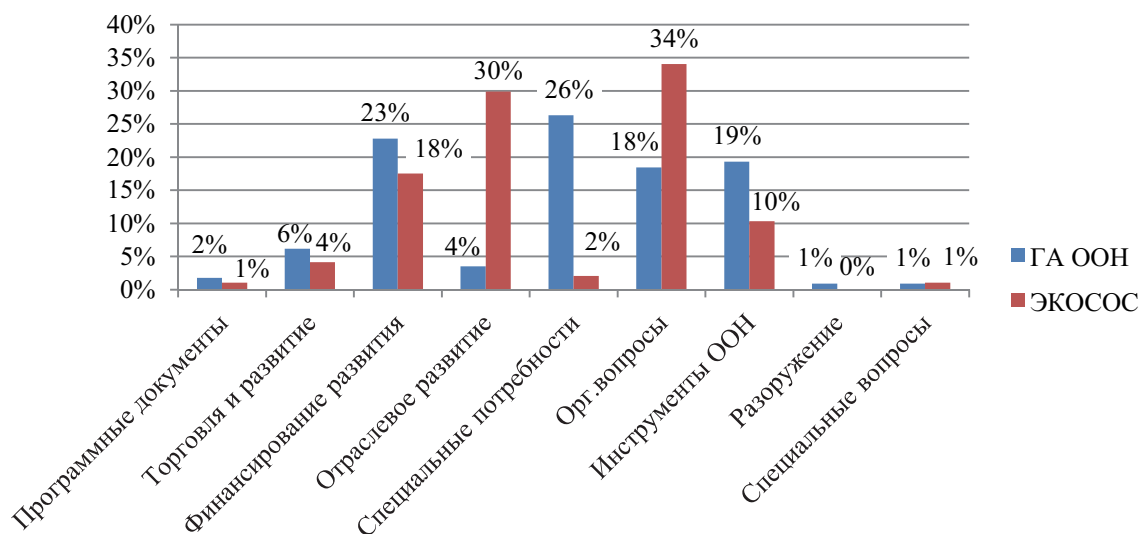
Для проведения исследования авторы при помощи контент-анализа проанализировали документы ГА ООН и ЭКОСОС, принятые с 1946 по 2000 г., и отобрали документы, касающиеся развития, в специальную базу данных. Всего было отобрано 1010 резолюций Генеральной Ассамблеи и 576 резолюций ЭКОСОС. Для классификации документов внутри базы данных авторы использовали категории, выделенные профессором М.В. Ларионовой в ходе анализа резолюций Ге-

неральной Ассамблеи ООН, принятых в первые десятилетия сотрудничества для развития [Ларионова, Сафонкина 2018]. Эти категории включают: основные программные документы; торговлю и развитие; финансирование развития; отраслевое развитие; специальные потребности отдельных стран; организационные и операционные вопросы; создание инструментария ООН; разоружение и развитие; специальные вопросы развития (гендерная повестка и др.).

От послевоенного восстановления к новой концепции международного развития: первые годы работы (1946—1959 гг.)

Исследователи-девелопменталисты разделяют вторую половину XX в. на несколько периодов, для каждого из которых характерна определенная парадигма сотрудничества в целях развития, опирающаяся на соответствующую международную нормативно-правовую базу [например, Дегтерев 2013; Rietkerk 2015]. Ключевую роль в формировании парадигмы на протяжении всех периодов играла ООН и ее головной орган — Генеральная Ассамблея. На начальном этапе перед Организацией стояла задача восстановления пострадавших в ходе Второй мировой войны стран мира, в том числе за счет создания новой системы институтов и налаживания их деятельности. Это подтверждает преобладание четырех категорий резолюций в общем массиве резолюций ГА ООН по вопросам развития — специальные потребности отдельных стран (26%), финансирование развития (23%), создание инструментария ООН (19%) и организационные и операционные вопросы (18%) (рис. 1). В качестве основных достижений работы ГА ООН в области развития этого периода можно выделить учреждение Международного Чрезвычайного фонда помощи детям и Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ); определение порядка бюджетного и финансового взаимодействия со специализированными учреждениями; выработку политики в отношении экономического развития малоразвитых стран, в том числе учреждение программ технической помощи ООН.

Как и в случае с Генеральной Ассамблеей, перед ЭКОСОС на начальном этапе стояла задача решения организационных вопросов, поиска инструментов финансирования развития и создания

Рис. 1. Соотношение документов ГА ООН и ЭКОСОС по категориям, 1946—1959 гг. /
Fig. 1. The ratio of documents of the UN General Assembly and ECOSOC by categories, 1946—1959

Источник / Source: рассчитано авторами.

инструментария, что подтверждается статистическими показателями (34, 18 и 10% соответственно) (рис. 1). В ходе 1-й сессии в 1946 г. было принято два решения, на основании которых были учреждены Комиссия по вопросам экономики и занятости (Резолюция 1/6 от 16.02.1946 г.), роль которой включала изучение процесса экономического развития слаборазвитых стран, но не ограничивалась этим, и Статистическая комиссия (Резолюция 1/8 от 16.02.1946 г.), на которую в дальнейшем будут возложены задачи по обеспечению развивающихся стран необходимой экспертизой, а также подготовка национальных кадров для статистических ведомств.

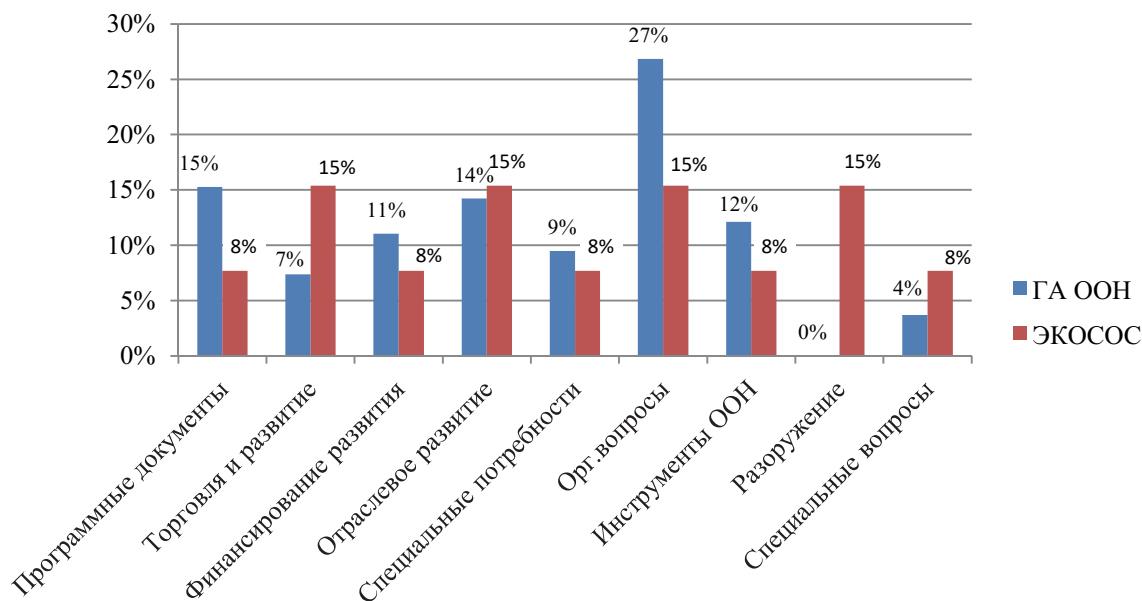
В отличие от Генеральной Ассамблеи в повестке Совета в этот период было много вопросов отраслевого развития (доля составляет 30%), например, индустриализации, земельной реформы, использования энергетических ресурсов слаборазвитыми странами.

Наиболее значительным результатом работы ЭКОСОС в сфере развития до первой Декады развития ООН стало создание региональных экономических комиссий. Специальные Экономические комиссии были учреждены для стран Европы, Азии и Дальнего Востока, Ближнего (Среднего) Востока, Латинской Америки и Африки. В список первоочередных задач региональных экономических комиссий входило содействие восстановлению подотчетных регионов, проведение экономических исследований и др.

В первой половине 1950-х гг. была создана институциональная основа для взаимодействия ЭКОСОС с международными финансовыми организациями в интересах развития. По поручению Совета, Международный банк реконструкции и развития (МБРР) на протяжении ряда лет предоставлял экспертную оценку различных аспектов создания Международной финансовой корпорации (например, Резолюция № 416 (XIV) от 23.06.1952 г.; Резолюция № 482 (XVI) от 04.08.1953 г.). Корпорация была учреждена как структура в составе Всемирного банка в 1956 г. и в том же году был выдвинут проект Соглашения между ООН и Международной финансовой корпорацией о совместной деятельности в интересах финансирования развития (Резолюция № 634 (XXII) от 17.12.1956 г. и Резолюция № 635 (XXII) от 19.12.1956 г.).

Десятилетия развития ООН: эволюция решений Генеральной Ассамблеи и ЭКОСОС

19 декабря 1961 г. ООН была принята первая программа международного экономического сотрудничества — «Декада развития», которая предполагала помощь в индустриализации развивающихся стран, модернизации их сельскохозяйственного сектора, мобилизации внутренних ресурсов, ликвидации голода и болезней, развитию образования и профессиональной подготовки. В этот и последующий периоды (1970—1980 гг.)

Рис. 2. Соотношение документов ГА ООН и ЭКОСОС по категориям, 1960—1970 гг. /
Fig. 2. The ratio of documents of the UN General Assembly and ECOSOC by categories, 1960—1970

Источник / Source: рассчитано авторами.

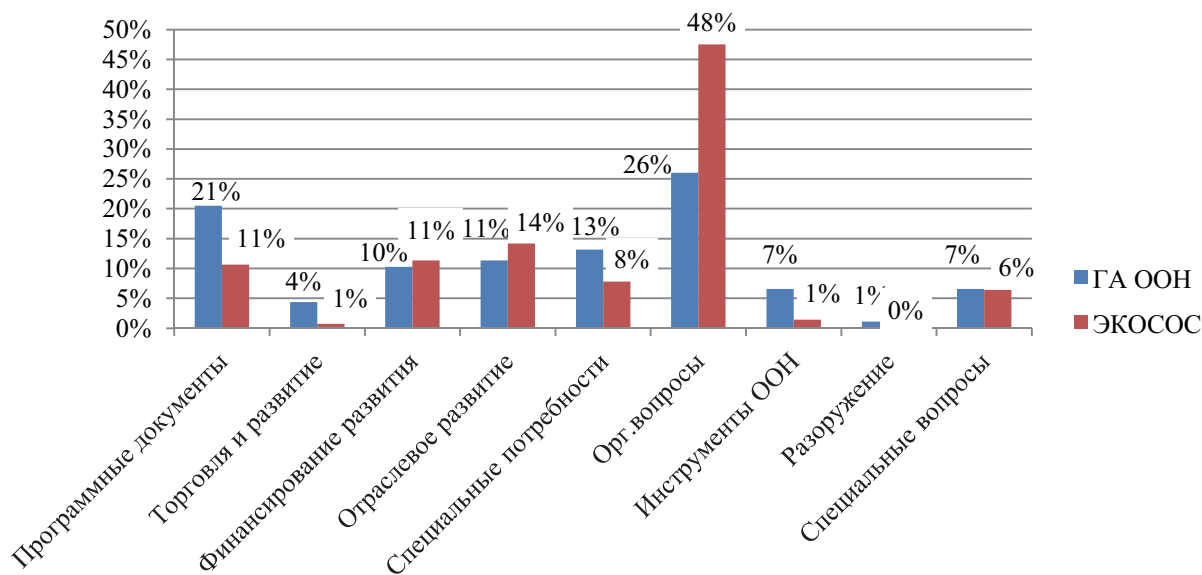
наблюдается наибольший период активности ГА ООН в отношении вопросов международного развития. На первое место вышли организационные и операционные вопросы (27%), далее с отставанием почти в два раза — программные документы (15%) и вопросы отраслевого развития (14%) (рис. 2). Основные достижения ГА ООН в этот период включают учреждение Фонда капитального развития ООН и Конференции ООН по торговле и развитию, а также Программы развития ООН; наращивание секторального сотрудничества, в том числе в сфере подготовки кадров, научно-технического сотрудничества, охраны природы.

В указанный период на повестке ЭКОСОС в равной мере стояли организационные вопросы, вопросы отраслевого развития, торговли и развития и разоружения (по 15%) (рис. 2). В ходе 34-й сессии (1962 г.) ЭКОСОС впервые обратился к вопросу о взаимосвязи сокращения военных расходов и финансирования программ развития (Резолюция № 891 (XXXIV) от 26.07.1962 г.), который впоследствии прочно войдет в повестку ГА ООН.

В 1970-е гг. основным из вопросов международного сотрудничества в целях развития становится борьба с бедностью. В этот период немного снижается доля резолюций ГА ООН по организа-

ционным и операционным вопросам (с 27 до 26%), однако возрастает доля программных документов (с 15 до 21%) и документов, посвященных специальным потребностям отдельных стран (с 9 до 13%). Внимание Генеральной Ассамблеи в 1970-е гг. было сфокусировано на вопросах международного валютного положения, решения проблемы растущих долговых обязательств развивающихся стран, международной торговли, охраны окружающей среды. В 1974 г. была принята Хартия экономических прав и обязанностей государств, направленная на укрепление международного сотрудничества в целях развития. В этот период в силу политических подвижек в диалоге между двумя сверхдержавами — СССР и США — по вопросам приостановки гонки вооружений ГА ООН начинает принимать резолюции по вопросу использования ресурсов, высвободившихся в результате разоружения, для развития, доля которых возрастет в 1980-е гг. (с 1 до 2%). В русле концепции «Юг—Юг», получившей распространение в тот период, ГА ООН выступила в поддержку экономического сотрудничества между развивающимися странами.

Во втором десятилетии развития ООН ЭКОСОС активно участвовал в процессе выработки общих стратегий и программ развития. В отличие от ГА ООН, где доля организационных

Рис. 3. Соотношение документов ГА ООН и ЭКОСОС по категориям, 1970—1980 гг. /
Fig. 3. The ratio of documents of the UN General Assembly and ECOSOC by categories, 1970—1980

Источник / Source: рассчитано авторами.

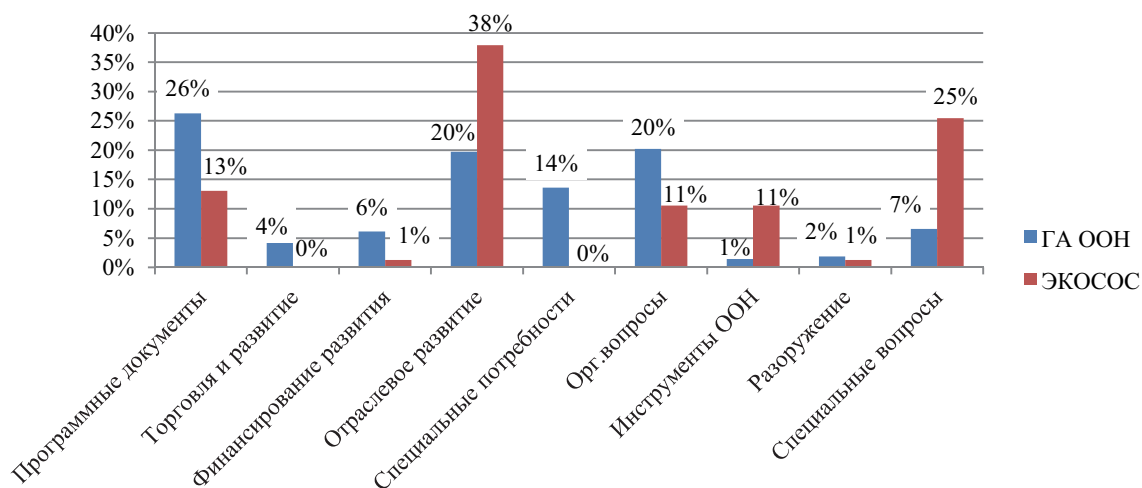
вопросов снизилась, в ЭКОСОС она резко возросла (до 48%), что свидетельствует о передаче Генеральной Ассамблеей Совету ряда вопросов развития для проработки. В указанный период в повестке дня ЭКОСОС сохранили актуальность вопросы отраслевого развития (14%) и финансирования развития (11%). Резко снижается доля документов по вопросам разоружения (с 15 до 0%), что может быть обусловлено переходом этого вопроса в повестку ГА ООН. Наблюдается увеличение доли программных документов (с 1% на начальном этапе до 11%) (рис. 3). Среди достижений работы Совета в этот период можно выделить обращение к Генеральной Ассамблее об утверждении Программы действий по ликвидации голода и недоедания (Резолюция № 2124 (LXIII) от 04.08.1977 г.); предложение об учреждении межправительственного комитета (Резолюция № 1980 (LIX) от 31.07.1975 г.) и детальное рассмотрение вопроса гуманитарных обменов между развитыми и развивающимися странами, а именно утечки квалифицированных кадров.

1980-е гг. стали периодом распространения неолиберальных идей, снижения роли государства в экономике и, соответственно, в этот период в поведении стран-доноров наблюдалось стремление заменить официальную помощь развитию частными инвестициями. На первое место в распределении резолюций ГА ООН по категориям

вышли программные документы (26%), что демонстрирует осознание государствами — членами ООН необходимости трансформации формата сотрудничества и выработки единой глобальной парадигмы международного развития (рис. 4). Этот процесс займет 20 лет и завершится принятием Целей развития тысячелетия в 2000 г.

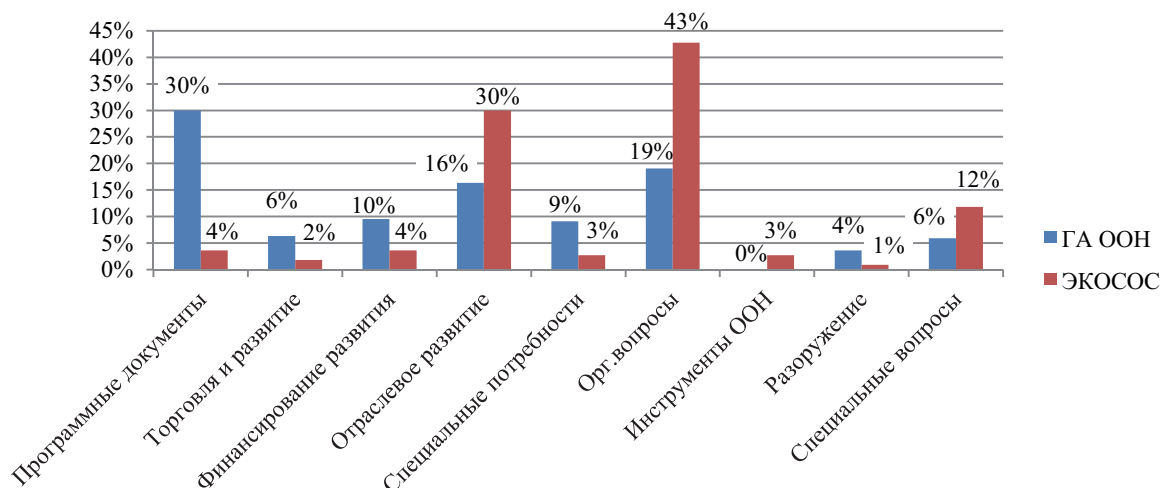
В центре повестки ГА ООН в этот период были вопросы сотрудничества в промышленной, энергетической, научно-технической сферах с развивающимися странами, укрепления доверия в международных экономических отношениях и развития устойчивых моделей потребления. Важным решением стало принятие в 1986 г. Резолюции A/RES/41/128 с Декларацией о праве на развитие.

Во время третьего десятилетия развития ООН резко возрастает доля документов ЭКОСОС в области отраслевого развития (с 11 до 38%) и по специальным вопросам развития, например, о роли женщин в экономическом развитии (Резолюция № 1982/19 от 04.05.1982 г., а также резолюции под номерами 1982/19, 1985/46, 1986/27, 1986/28, 1986/31, 1987/18, 1987/19, 1987/20 и др.), о мерах поддержки коренного населения (Резолюция № 1985/38 от 30.05.1985 г.), о роли традиционных институтов в развитии (Резолюция № 1983/23 от 26.05.1983 г.). В то же время практически уходят из повестки дня вопросы

Рис. 4. Соотношение документов ГА ООН и ЭКОСОС по категориям, 1980—1990 гг. / **Fig. 4.** The ratio of documents of the UN General Assembly and ECOSOC by categories, 1980—1990

Источник / Source: рассчитано авторами.

Рис. 5. Соотношение документов ГА ООН и ЭКОСОС по категориям, 1990—2000 гг. / **Fig. 5.** The ratio of documents of the UN General Assembly and ECOSOC by categories, 1990—2000

Источник / Source: рассчитано авторами.

финансирования развития и торговли и развития, что было обусловлено общим разочарованием в существующих подходах в этой сфере.

В 1990-е гг. продолжает расти разочарование существующей системой международного развития и осознание необходимости ее пересмотра, что отражается в высокой доле программных резолюций ГА ООН в указанный период (30%) (рис. 5). После распада СССР и налаживания отношений между Российской Федерацией и США вопросы разоружения вновь становятся актуальными для глобальной повестки дня. Доля резолюций ГА ООН по этому вопросу выросла до 4%,

максимального показателя с момента создания ООН. В 1990-е гг. ГА ООН уделяла повышенное внимание укреплению сотрудничества Организации с другими международными институтами и внутренней коммуникации, поиску новых источников финансирования развития и др. — вопросам, решить которые было необходимо для формирования новой глобальной парадигмы развития. Именно в 1990-е гг. охрана окружающей среды стала рассматриваться в повестке дня ГА ООН как неотъемлемая составляющая развития. Снова выросла доля торговых вопросов в резолюциях ГА ООН, посвященных

развитию, что было обусловлено активизацией торговых переговоров и созданием ВТО в 1995 г.

Работа ЭКОСОС в годы четвертого десятилетия развития ООН была сосредоточена на повышении эффективности системы содействия международному развитию, а также проблемах отраслевого развития. Поскольку Генеральная Ассамблея была сфокусирована на разработке программных документов, на плечи Совета легла задача решения организационных вопросов, и в этой связи их доля в общем объеме документов резко возрастает (с 11 до 43%).

Заключение

Таким образом, проведенное исследование решений и резолюций Генеральной Ассамблеи и ЭКОСОС ООН в области развития, принятых в 1946—2000 гг., позволило определить некоторые закономерности в эволюции интересующей повестки и роли в этом процессе рассматриваемых органов ООН.

Несмотря на изначально различные задачи, возложенные на Генеральную Ассамблею и Экономический и Социальный Совет в рамках процесса послевоенного восстановления и последу-

ющего развития, только к началу второго десятилетия развития ООН данные органы перешли на модель «разделения труда». В течение предшествующих периодов (в 1946—1959 гг. и 1960—1970 гг.), когда перед ООН стояла задача восстановления пострадавших в ходе Второй мировой войны стран мира и формирования концептуальной и функциональной базы содействия развитию, Генеральная Ассамблея и ЭКОСОС принимали схожие по своему характеру решения, направленные на создание инструментов и институтов содействия международному развитию. Начиная с 1970-х гг. ГА ООН и ЭКОСОС работали в различных предметных областях — Генеральная Ассамблея формулировала и принимала основные решения и документы в области развития, тогда как ЭКОСОС обеспечивал согласованную работу специализированных органов и совершенствование инструментов содействия международному развитию. Слаженная деятельность ГА ООН и ЭКОСОС позволила выработать концептуальные рамки, в том числе в отношении нужд мало-развитых стран и регионов, которые составили основу Целей развития тысячелетия и Целей устойчивого развития.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта проведения научных исследований «Эволюция многостороннего сотрудничества по содействию развитию под эгидой ООН: от декады развития к Целям устойчивого развития (ЦУР)», проект № 18-014-00008.

Библиографический список

- Борзова А.Ю.* Подходы Бразилии к реформированию ООН // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2012. Т. 7. № 3. С. 237—245.
- Гнатик Е.А.* Роль ООН в формировании международных стандартов в сфере здравоохранения // *Вестник РУДН. Серия: Юридические науки*. 2014. № 4. С. 304—313.
- Дегтерев Д.А.* Содействие международному развитию. Эволюция международно-правовых режимов и эффективность внешней помощи. М.: ЛЕНАНД, 2013.
- Исаченко Т.М.* Взаимодействие международных организаций в процессе формирования торговой политики // *Вестник МГИМО*. 2010. № 6. С. 215—221.
- Ларионова М.В., Сафонкина Е.А.* Первые десятилетия сотрудничества для развития. Участники, достижения и трудности // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2018. Т. 13. № 4. С. 96—121. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-04-05 (принято в печать).
- Breen C.* The Necessity of a Role for the ECOSOC in the Maintenance of International Peace and Security // *Journal of Conflict and Security Law*. 2007. Vol. 12. Issue 2. P. 261—294. DOI: 10.1093/jcsl/krm012.
- Cinelli C.* The G-20 at the UN ECOSOC: A Complementary Perspective // *Bossone B. Cafaro S., Di Benedetto S., Malaguti M.C. Legitimacy and Effectiveness in Global Economic Governance*. Cambridge Scholars Publishing, 2013. P. 80—106.
- Chesterman S.* The Outlook for UN Reform. 2011. NYU School of Law, Public Law Research Paper No. 11—55. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1885229 (accessed: 24.10.2018).
- Chimni B.S.* ECOSOC and International Economic Institutions // *Wilde R., Charlesworth H., Schrijver N., Krisch N., Chimni B.S. et al. United Nations Reform Through Practice: Report of the International Law Association Study Group on United Nations Reform*. 2011. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1971008 (accessed: 24.10.2018).

- Fasulo L.* An Insider's Guide to the UN. 3rd ed. Yale University Press, 2015.
- Green J.F.* ECOSOC: Its Role and Its Achievements // *World Affairs*. 1952. Vol. 115. No. 3. P. 74—76.
- Jansen R., Loranger A., Da Pont M. et al.* Measuring International Trade and Economic Globalization. Paper Prepared for the IARIW 33rd General Conference, Rotterdam, the Netherlands, August 24—30, 2014. URL: <https://unstats.un.org/unsd/trade/events/2014/mexico/documents/session1/IARIW%20-%20Session%207C%20-%20Jansen%20Paper.pdf> (accessed: 04/10/2018).
- Lubin I., Murden F.* ECOSOC: Concept Versus Practice // *Journal of International Affairs*. 1955. Vol. 9. No. 2. P. 67—78.
- Meltzer R.I.* Restructuring the United Nations System: Institutional Reform Efforts in the Context of North-South Relations // *International Organization*. 1978. Vol. 32. Iss. 4. P. 993—1018. DOI: 10.1017/S0020818300032069.
- Rietkerk A.* In Pursuit of Development: the United Nations, Decolonization and Development Aid, 1949—1961. PhD thesis, London School of Economics and Political Science (LSE). 2015. URL: <http://etheses.lse.ac.uk/3158/> (accessed: 24.10.2018).
- Rushton S.* AIDS and International Security in the United Nations System // *Health Policy Plan*. 2010. Vol. 25. No. 6. P. 495—504. DOI: 10.1093/heapol/czq051.
- Seckinelgin H.* Global Social Policy and International Organizations: Linking Social Exclusion to Durable Inequality // *Global Social Policy*. 2009. Vol. 9. No. 2. P. 205—227. DOI: 10.1177/1468018109104626.
- Sharp W.R.* Decision-making in the Economic and Social Council // *International Organization*. 1968. Vol. 22. No. 4. P. 881—901.
- Weiss T.G.* ECOSOC and the MDGs: What Can Be Done? Global Poverty Summit in Johannesburg, GPS 1/26. 2013. DOI: 10.4324/9780203104798.

Дата поступления статьи: 15.11.2018

Для цитирования: *Игнатов А.А., Сафонкина Е.А.* Повестка международного развития в решениях и резолюциях Генеральной Ассамблеи и ЭКОСОС ООН в 1946—2000 гг. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2019. Т. 19. № 2. С. 274—283. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-274-283

Сведения об авторах: *Игнатов Александр Александрович* — младший научный сотрудник Центра исследований международных институтов (ЦИМИ), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) (e-mail: ignatov-aa@ranepa.ru).

Сафонкина Елизавета Андреевна — научный сотрудник Центра исследований международных институтов (ЦИМИ), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС) (e-mail: safonkina-ea@ranepa.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-274-283

International Development Agenda in Resolutions of General Assembly and ECOSOC of the United Nations from 1946 to 2000

A.A. Ignatov, E.A. Safonkina

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPА),
Moscow, Russian Federation

Abstract. The United Nations established after the Second World War by the winner countries was a key institution which formed the conceptual basis for international development possessed all necessary instruments and knowledge for its implementation in concrete countries.

The paper explores a role of two main UN bodies — General Assembly (UN GA) and Economic and Social Council (ECOSOC) in forming and pushing international development from the Organization establishment and till adoption of the Millennium Development Goals (MDGs) in 2000.

To implement this research task the authors apply content-analysis and comparative historical analysis methods. A special database of the UN GA and ECOSOC documents dated 1946—2000 devoted to the development issues was made as well.

The authors come to a conclusion that at the initial stage (1946—1959) both the UN GA and ECOSOC handled the similar tasks aimed at creating a new system of development institutions. After the adoption in 1961 the first Development Decade by the UN and till 2000 a process of division of powers of two bodies started. During this period a share of program documents

in the GA discourse increased that laid a foundation for adoption by the global community the MDGs in 2000, operational and organizational issues were absorbed by the ECOSOC.

The UN General Assembly was an important platform for the international dialogue on development which made it possible for the global community to adopt the Millennium Development Goals and Sustainable Development Goals (SDGs) in the 21st century. The UN GA acted as a catalyzing power for inclusion of new development issues in the agenda and creations of instruments and mechanisms for their implementation. The ECOSOC played a technical and coordinating role in a process of elaborating the international development agenda.

Key words: United Nations, General Assembly, Economic and Social Council (ECOSOC), international development, Millennium Development Goals (MDGs)

Acknowledgements: The research was carried out with financial support of Russian Foundation for Basic Research (RFBR) within the framework of a research project “Evolution of Multilateral Development Cooperation under the Auspices of the United Nations: from Development Decade to Sustainable Development Goals (SDGs)”, project № 18-014-00008.

References

- Borzova, A.Yu. (2012). Brazil Approaches to the UN Reform. *International Organisations Research Journal*, 7 (3), 237—245.
- Breen, C. (2007). The Necessity of a Role for the ECOSOC in the Maintenance of International Peace and Security. *Journal of Conflict and Security Law*, 12 (2), 261—294. DOI: 10.1093/jcsl/krm012
- Chesterman, S. (2011). *The Outlook for UN Reform*. NYU School of Law, Public Law Research Paper No. 11—55. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1885229 (accessed: 24.10.2018).
- Chimni, B.S. (2011). ECOSOC and International Economic Institutions. In: Wilde, R., Charlesworth, H., Schrijver, N., Krisch, N., Chimni, B.S., Gowlland-Debbas, V., Klabbers, J., Yee, S. & Shearer, I. *United Nations Reform Through Practice: Report of the International Law Association Study Group on United Nations Reform*. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1971008 (accessed: 24.10.2018).
- Cinelli, C. (2013). The G-20 at the UN ECOSOC: A Complementary Perspective. In: Bossone, B., Cafaro, S., Di Benedetto, S. & Malaguti, M.C. *Legitimacy and Effectiveness in Global Economic Governance*. Cambridge Scholars Publishing. P. 80—106.
- Degterev, D.A. (2013). *International Development Assistance: Aid Efficiency and Evolution of International Law Regimes*. Moscow: LENAND.
- Fasulo, L. (2015). *An Insider's Guide to the UN*. 3rd ed. Yale University Press.
- Gnatik, E.A. (2014). Role of the UN in the Elaboration of International Health Standards. *RUDN Journal of Law*, 4, 304—313.
- Green, J.F. (1952). ECOSOC: Its Role and Its Achievements. *World Affairs*, 115 (3), 74—76.
- Isachenko, T.M. (2010). The Interaction of international Organizations in the Processes to Formation of Trade Policy. *Vestnik MGIMO-University*, 6, 215—221.
- Jansen, R. (Eds.). (2014). *Measuring International Trade and Economic Globalization*. Paper Prepared for the IARIW 33rd General Conference, Rotterdam, the Netherlands, August 24—30. URL: <https://unstats.un.org/unsd/trade/events/2014/mexico/documents/session1/IARIW%20-%20Session%20C%20-%20Jansen%20Paper.pdf> (accessed: 04/10/2018).
- Larionova, M.V. & Safonkina, E.A. (2018). The First Five Decades of Cooperation for Development. Actors, Achievements and Challenges. *International Organisations Research Journal*, 13 (4), 96—121. DOI: 10.17323/1996-7845-2018-04-05.
- Lubin, I. & Murden, F. (1955). ECOSOC: Concept Versus Practice. *Journal of International Affairs*, 9 (2), 67—78.
- Meltzer, R.I. (1978). Restructuring the United Nations System: Institutional Reform Efforts in the Context of North—South Relations. *International Organization*, 32 (4), 993—1018. DOI: 10.1017/S0020818300032069.
- Rietkerk, A. (2015). *In Pursuit of Development: the United Nations, Decolonization and Development Aid, 1949—1961*. PhD thesis, London School of Economics and Political Science (LSE). URL: <http://etheses.lse.ac.uk/3158/> (accessed: 24.10.2018).
- Rushton, S. (2010). AIDS and International Security in the United Nations System. *Health Policy Plan*, 25 (6), 495—504. DOI: 10.1093/heapol/czq051.
- Seckinelgin, H. (2009). Global Social Policy and International Organizations: Linking Social Exclusion to Durable Inequality. *Global Social Policy*, 9 (2), 205—227. DOI: 10.1177/1468018109104626
- Sharp, W.R. (1968). Decision-making in the Economic and Social Council. *International Organization*, 22 (4), 881—901.
- Weiss, T.G. (2013). *ECOSOC and the MDGs: What Can Be Done?* Global Poverty Summit in Johannesburg, GPS 1/26. 2013. DOI: 10.4324/9780203104798.

Received: 15.11.2018

For citations: Ignatov, A.A. & Safonkina, E.A. (2019). International Development Agenda in Resolutions of General Assembly and ECOSOC of the United Nations from 1946 to 2000. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (2), 274—283. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-274-283.

About the authors: *Ignatov Alexander Alexandrovich* — Researcher of the Center for International Institutions Research (CIIR), Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA) (e-mail: ignatov-aa@ranepa.ru).

Safonkina Elizaveta Andreyevna — Researcher of the Center for International Institutions Research (CIIR), Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (RANEPA) (e-mail: safonkina-ea@ranepa.ru).

© Игнатов А.А., Сафонкина Е.А., 2018

ДВУСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-284-292

Algerian—Russian Cooperation: True Strategic Partnership?

M. Mousli

Mission of the League of Arab States, Moscow, Russian Federation

Abstract. Formally, the Algerian—Russian partnership is labeled “strategic”. This research is providing the answer whether this relationship could be qualified as a “strategic partnership”. Firstly, through the “strategic partnership” concept analysis as a mechanism of modern international cooperation, and secondly, applying the defined elements of “strategic partnership” to the Algerian—Russian relations.

The interstate strategic partnership is generally based on the following elements: long and distinguished historical relations, material factors such as strong economic and political relations in the long term, and non-material factors such as common values. By process-tracing some selected economic and political fields and issues of the Algerian—Russian relationship, this article reveals the significance of 2001 as a crucial point that has urged both Algiers and Moscow to significantly alter both their outlook on global politics and on each other. Moreover, distinguished historical lasting and steady ties are at the heart of Algeria's strategic partnership with Russia. The Algerian—Russian / Soviet relations have always been distinct and exemplary both during the War of Independence and during the Cold War or after.

Algeria and Russia link a number of common values. These include commitment to democracy, pluralism, the rule of law, and respect for international law. Both countries also respect the sovereignty and territorial integrity of the partner states, promoting a more equitable and balanced system of international relations based on collective solution of global problems, the primacy of international law, and equal relations with the central coordinating role of the UN as the main organization governing international relations. This leads to the conclusion that cooperation between Algeria and Russia is both real and formally a “strategic partnership”.

Key words: strategic partnership, Algerian—Russian relations, common values, Algerian foreign policy

Russia and Algeria have staged a remarkable comeback to the international arena after a decade of political and economic instability that followed the Soviet collapse in 1991, and a “dark decade” in Algeria¹. Both countries have become more flexible in their external relations after being freed from ideological considerations.

Algeria, the largest country in Africa, is following the changing global power dynamics as well as aiming for a more systematic approach towards rising powers. It struggles to be a regional power and join BRICS club which is made up of the emerging countries, by 2030 through the program of economic diversification adopted in 2016 and the strategic partnerships with global powers like Russia and China.

For Algeria, Russia is a trusted and reliable strategic partner [Vasiliev, Tkachenko 2011]. There has been a steady growth in bilateral cooperation since the signing of the ‘Declaration of Strategic Partnership between Algeria and the Russian Federation in April 2001². The Algerian—Russian economic relationship has changed from that of buyer — seller or “import — export” to a co-producer in design, development and scientific research.

Russia, being the largest country in the world, uses this new institutional form of post-Cold War international relations and has adopted many strategic partnerships with global and regional powers in order

---

¹ Algeria has experienced major economic, social and political crises and from 1990 to 1999, around to 200 thousand people were killed by terrorists. It was the biggest tragedy of independent Algeria.

---

² Sur la visite du Ministre russe des Affaires étrangères Sergueï Lavrov en Algérie. Communiqué de presse // Le Ministère des affaires étrangères de la Fédération de Russie. 24 janvier 2019. URL: http://www.mid.ru/fr/web/guest/maps/dz/-/asset_publisher/Hmfoyt4xEw9B/content/id/3482775 (accessed: 01.02.2019).

to assure a more balanced world order and promote multipolarity rather than allowing any country or bloc of countries to dominate international relations [Vasiliev 1993].

The research paper aims to answer the question: Is the Algerian—Russian partnership formally labeled “strategic” really strategic? To answer this problematic, the article inquires on the definition of “strategic partnership”, the historical ties, depth, and scope of the current relations between Algeria and Russia, outlines the reasons for establishing a strategic partnership in the contemporary context, and focuses on the shared values.

What Is a Strategic Partnership?

Scholars and policymakers differ on a definition of “strategic partnership”. This concept originated in the contacts between the United States and the Soviet Union during their 1990 bilateral discussions on how to manage post-Cold War European security. In this context, the notion of a “strategic partnership” was advanced by the Soviets and appeared to mean a division of authority in Europe vis-a-vis the United States and its allies and a Soviet sphere of influence in the East [Kay 2000; Landa 2008].

The notion of “partnership” in international relations is not an especially new phenomenon, but it is difficult to pinpoint when the term “strategic” was first used to characterize such diplomatic relationships.

Strategic relationships have been defined by some scholars and policymakers alike as “special relationships”, “particular bilateral relations”, “extraordinary relations”, “preferential treatment” namely relationships encompassing long-lasting historical ties, shared interests across various policy fields, and a common sense of project and purpose based on shared ideas and values. Hence, special relationships, not only encompass preferential treatment in line with shared political-economic interests, but also consist of non-material factors such as shared history and common values and ideas [Heiduk 2014].

Therefore, strategic partnerships mostly fit into the realist concepts of international relations theory, particularly the relationship between offensive and defensive state strategies because this mechanism of cooperation aims to achieve a combination of common interests and goals. But the emphasis given to non-material factors such as beliefs, values, ideas,

norms, and identity in this definition appropriates exclusively to the constructivist approach which acknowledges that states interact in a social environment — the international system — and they act on the basis of a particular state identity and the respective meanings and understandings associated with it and not merely in response to material interests and structures³.

Historical Lasting and Steady Ties between Algeria and Russia

Historical ties are traditionally at the heart of Algeria’s strategic partnership with Russia. Algerian—Russian / Soviet relations have always been distinct and exemplary both during the War of Independence and during the Cold War or after.

During the Algerian War of Independence, the Soviet Union had been providing military, technical and material assistance to Algeria⁴. The USSR was one of the first countries in the world to recognize the Provisional Government of the Algerian Republic in October 1960, and then de jure on March 23, 1962, by establishing diplomatic relations, a few months before the official proclamation of Algeria’s independence [Bogucharsky 2007: 108—125].

In the 1960s and 1970s, Algerian—Russian / Soviet relations reached the peak of bilateral cooperation. Algeria was close to the Soviet in this period not only because of the supply of arms. The 1970s were described as the golden age of Algerian—Russian / Soviet cooperation, during which Algerian foreign policy aimed to strengthen ties and cooperation with the anti-imperialist powers of the world, including the Soviet Union.

The president Houari Boumediene visited the Soviet Union in 1965 and 1967, and in March 1969, the Chairman of the Presidium of Supreme Soviet Nikolai Podgorny made an official visit to Algeria. To preserve its strategic relations with the USSR, Algeria was obliged to navigate a delicate course. In fact, it made a concession to the Soviets in 1968, when as a member of the UN Security Council; Algeria had abstained on a resolution condemning the Soviets invasion of Czechoslovakia [Ghettas 2017].

³ For further details about “Constructivism” in International Relations, see: [Wendt 1999].

⁴ Indeed, by the close of 1959, the communist world had become the FLN’s main source of ordnance and ideology alike. For further information, see: [Byrne 2016: 54].

During the Cold War as these relations were occurring, Algeria had been playing the role of the Global South leadership politically and economically. While the broader political agenda was primarily set and promoted through the Non-Aligned Movement (NAM) process, the economic agenda was driven primarily by the expanding Group of 77 (G77) members and the newly created trade organization, United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). By 1973, these two parallel processes had converged with the call for a New International Economic Order (NIEO) at the NAM summit in Algiers. Overall stance, iterated by hosting the summit, was not one of supporting either side in the Cold War. One of the main points emphasized at Bandung was that the third world countries should make a stand against colonialism and neo-colonialism. In a post-colonial Algeria, subscribing to these ideologies was integral to domestic stability.

By the mid-1970s, Algeria was fully engaged in the zenith of the Non-Aligned Movement and saw both Moscow and Washington as imperial powers that looked down upon the third world. Nevertheless, presidential visits, diplomatic ties, and cordial bilateral relations continued with both of superpowers [Kesseiri 2005].

Since coming to power in 1979, Algerian president Shadli Bendjedid changed the foreign policy orientations. A new trend towards the de-ideologization of the country's foreign policy emerged. During the 1980s, president Bendjedid gradually shifted the focus of Algerian diplomacy from the Third World leadership of a regional policy focused on the Maghreb and the establishment of the Union of the Arab Maghrib "Union du Maghreb Arabe (UMA)". Also, he improved relations with the West, including the United States of America with the interest to diversify Algeria's sources of arms. This strategy contributed to weakening ties between Algiers and Moscow [Bogucharsky 2003; Zherlitsina 2015].

In the late 1980s and early 1990s, the trend of declining levels of cooperation between the two countries continued for different reasons, for instance, the collapse of the USSR, which was described by the president V. Putin, as the "greatest geopolitical catastrophe" that has not only affected bilateral interstate interactions, but also the world order. From another side, during this "dark decade", Algeria

sharply reduced its activities on the international scene and its interactions with other countries.

However, in 1999, the president Abdelaziz Bouteflika⁵ brought a major change to Algeria's foreign policy strategy based on national interest pragmatism [Mortimer 2015; Zherlitsina 2017], enhancing Algeria's image abroad and reinserting the country into international affairs.

Bouteflika's presidency, which began in April 1999 was followed shortly by Putin's presidency and two leaders pushed for the return to more cordial relations, including discussions of arms sales and economic cooperation. In 2006 there was a significant rise in arms sales, as well as a settlement of Algeria's debt to Russia. The bilateral relations thus were at a very strong point.

Shared Interests between Algeria and Russia: Multi-Faceted Cooperation

Russian—Algerian relations are better today than they have ever been, since Algerian independence in 1962. Their "strategic partnership" is profound, both stronger and more multi-faceted than generally appreciated.

Since president Bouteflika's visits to Moscow (2001, 2008) and president Putin's than president Medvedev visit to Algiers (2006, 2010)⁶, relations between Algeria and Russia have witnessed an important qualitative development reflecting the common desire to distinguish the traditional relations of friendship and cooperation existing between the two countries.

The strategic partnership declaration signed in 2001 constitutes the reference text and the cornerstone for the relations between the two countries in the post-Cold War period. Algeria is the first Arab and African country to sign a strategic partnership agreement with the Russian Federation for strengthening and expanding relations. And since the adopting of this document, consultations between the two

⁵ Bouteflika was a member of the Border Army than Foreign Minister during Boumediene presidency for more than a decade.

⁶ Official visits continued regularly at the high level, we quote for instance, Russian Prime Minister Dmitry Medvedev official visit to Algeria on October, 2017 and Algerian Prime Minister Abdelmalek Sellal official visit to Russia on April 2016.

Governments have made significant evolution in the progressive establishment of the legal framework within which bilateral exchanges should take place.

The established solid legal framework so far encompasses a vast spectrum. In fact, two countries have signed plenty cooperation agreements in various fields, including Convention for the avoidance of double taxation with respect to taxes on income and capital (2008), Agreement on cooperation in the field of mass communications (2017), Convention on mutual legal assistance in criminal matters (2018), Agreement on cooperation in the field of maritime transport (2007), Agreement on air traffic (2007), Agreement on ensuring the safety of secret information (2002), Agreement on the promotion and mutual protection of investments and the Protocol to the Agreement (2006), Agreement on cooperation in the field of culture, science, education, sports, tourism and archives (2001), Agreement on trade, economic and financial relations and on the debt settlement of the Algerian People's Democratic Republic to the Russian Federation on earlier loans and its Protocol (2006), Agreement on the mutual abolition of visa requirements for holders of diplomatic or official passports (2018)⁷.

The implementation of many mechanisms of cooperation between Algeria and Russia reflects the success of the partnership strategy between the two parties. For instance, the Russian—Algerian Joint Intergovernmental Commission for Trade, Economic and Scientific and Technical Cooperation is a smoothly running practical mechanism for interaction in all spheres. Working groups in various fields of cooperation regularly meet within the framework of this commission.

Moreover, intergovernmental contacts are complemented with dialogue between businesses in the framework of the Russian—Algerian business forum that greatly contributes to deepening relations between the two countries. Business communities are also cooperating with the Russian—Arab and the Russian—Algerian business councils. In 2018, the trade exchange between Algeria and Russia reached USD 4 billion according to the Russian Ministry of Economy⁸.

⁷ The General Secretariat of the Government. URL: www.joradp.dz (accessed: 15.12.2018).

⁸ For more statistics details about Algerian Russian trade exchange, see: The Report on Russia's Foreign Trade

Algeria is currently making efforts to diversify its economy. Russia is also diversifying sources of income from diverse fields. Hence, the two countries also cooperate in this field by establishing joint industrial enterprises to produce machinery and equipment, especially agricultural machinery. They cooperate in the geological mineral exploration as well as modernization of the economic projects implemented at the time of the Soviet Union. Russian companies invest in the energy sector in Algeria.

For the cooperation in the military-technical sphere and arms supply, Russia is the first partner for Algeria. With the bulk of Algerian defense equipment being of Soviet / Russian origin, cooperation in this sphere constitutes an important and even decisive part of the Algerian—Russian strategic partnership.

Although Algeria is continuing to pursue its larger goal of “algerianization” of defense production as well as diversifying sources of supply and Russia, on the other side, aims to diversify and increase a number of partners [Kazdaghli 2017; Connolly, Sendstad 2017: 10], the two countries are signatories to the long-term military-technical agreement. Moreover, Algeria is purchasing sophisticated military hardware from Russia covering all branches of its armed forces.

The two countries are also seeking new ways and means of continuing military-technical cooperation, including joint production, joint servicing of Soviet / Russian equipment supplied to third countries, cooperation in the field of research and development and modernization of old Soviet equipment. For instance, they are currently discussing the possibility of creating a joint venture in Algeria for the production, extension of service life and disposal of guided and unguided ammunition⁹.

During Vladimir Putin's March 2006 visit to Algiers, Algeria signed a massive deal to buy USD 7.5 billion in Russian military equipment in exchange

---

in Goods with Algeria in 2017: Exports, Imports, Products, Dynamics. February 15, 2018. URL: <http://en.russian-trade.com/reports-and-reviews/2018-02/russian-trade-with-algeria-in-2017/> (accessed: 01.01.2019).

⁹ See: Russia to Create Joint Venture with Algeria for Production of Guided and Unguided Ammunition // Africa Military Blog. November 14, 2018. URL: <https://www.africanmilitaryblog.com/2018/11/russia-to-create-joint-venture-with-algeria-for-production-of-guided-and-unguided-ammunition> (accessed: 01.01.2019).

for a write-off of Algeria's USD 4.7 billion in debt to Russia [Algeria — Russia: Military Package... 2006; Katz 2007].

Algeria became Russia's third largest customer for military goods after China and India¹⁰ and about half of the Russian weapons sold in Africa were bought by Algeria. Algeria's heavy demand for Russian weapons is due to many reasons, but most notably the historical link between the two countries through economic and historical relations since Algerian independence in which Russia had played an important role revealed Russian ambassador to Algeria, Igor Belyaev¹¹.

The energy sector is the backbone of the Russian economy as well as the Algerian economy and the two countries are the principal exporter of gas and oil in the world. The bilateral and multilateral cooperation between Algeria and Russia in this field are deep and various, Algeria has significantly contributed to persuading Russia and other oil-producing countries (Non-OPEC) to cooperate with OPEC to stop the collapse of oil prices since 2014. The Historic Algiers Accord on September 28, 2016, laid to the foundations of the OPEC, Non-OPEC Declaration of Cooperation, adopted by 25 countries which helped to eliminate the excess of oil stocks and restore oil market balance. The Declaration of Cooperation is a remarkable historical success of Algerian diplomacy. It is today, in the interest of producers, the oil industry and consumers to capitalize on its positive effects and ensure a smooth transition so as not to destabilize the ongoing return to market equilibrium¹².

Furthermore, Russia remains the largest energy exporter and producer in the world in 2018. For Algeria, estimates indicate that it has the third largest gas and shale oil reserves in the world [Antonyuk,

Monogarov, Lapo 2017]. Algeria and Russia closely cooperate as part of the Gas Exporting Countries Forum (GECF). Russia provides extensive support for Algeria's initiative to create a special institution under the auspices of the forum, Algeria, on the other side, will be joining the International Association of Oil Transporters at the invitation of Russia¹³.

Bilateral cooperation is strong in this sphere, for instance, the intergovernmental agreement on cooperation in the peaceful uses of nuclear energy was signed in September 2014, Algeria plans to build its first nuclear power plant in 2025.

For the cooperation on global issues, both Algeria and Russia stress the need for strengthening the United Nations with respecting international law and norms. As Algeria and Russia are seeking integration of their economies with the world economy, they both have a common interest in striving for an equitable world economic order and further introduction of reforms in the structures and mechanisms of multilateral trade and financial institutions like the WTO, IMF, World Bank, etc.

A vital priority for both countries is strengthening global and regional security. Obviously, Algeria and Russia have broad experience in fighting terrorism. The continued terrorist menace in the Sahel, the return of foreign fighters from Syria¹⁴ and the precarious security situation in Libya would force Algeria and Russia to regard the combat against new threats as the priority area for their cooperation and joint action. Algeria has joined an international database set up by the Russian Federal Security Service

¹⁰ McGregor A. Defense or Domination? Building Algerian Power with Russian Arms // Eurasia Daily Monitor. 2018. Vol. 15. Iss. 122.

¹¹ Algeria has bought half of the Russian weapons sold in Africa // Middle East Monitor. July 20, 2018. URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20180720-algeria-has-bought-half-of-the-russian-weapons-sold-in-africa/> (accessed: 01.01.2019).

¹² Speech by Algeria's Minister of Energy Mustapha Guিতouni at the 10th Meeting of the Joint Ministerial Monitoring Committee (JMMC). 23 September 2018, Algiers, Algeria. URL: https://www.opec.org/opec_web/en/5151.htm (accessed: 01.01.2019).

¹³ Foreign Minister Sergey Lavrov's Remarks and Answers to Media Questions during a Joint News Conference Following Talks with Algerian Foreign Minister Abdelkader Messahel. Moscow, February 19, 2018. URL: http://www.mid.ru/en/press_service/video/-/asset_publisher/i6t41cq3VWP6/content/id/3085195 (accessed: 01.01.2019).

¹⁴ See: News Analysis: Algeria preparing for the return of foreign fighters with efforts to fight terrorism // Xinhua. February 17, 2018. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-02/17/c_136981866.htm (accessed: 01.01.2019). Ilya Rogachev, director of the Department for New Challenges and Threats at Russia's Foreign Ministry said: "Our intelligence agencies know the names of everyone who traveled to Syria to fight, everyone agrees that terrorism is a global threat and should be addressed by joining efforts" (Russia Warns of Risk to Global Antiterrorism Efforts // Financial Times. December 27, 2018. URL: <https://www.ft.com/content/2cb20a7a-0769-11e9-9fe8-acdb36967cfc> (accessed: 01.01.2019)).

(FSB) as part of its anti-terrorism efforts. Both countries intensify joint actions for drying the fountain-head of international terrorist financing including the kidnapping.

In this context, UN Security Council recalls in its resolution 2133 (2014) the adoption by the Global Counterterrorism Forum (GCTF) of the “Algeria Memorandum on Good Practices on Preventing and Denying the Benefits of Kidnapping for Ransom by Terrorists” and encourages the United Nations Counter Terrorism Committee Executive Directorate (CTED) to take it into account, as appropriate, consistent with its mandate, including in its facilitation of capacity building to member states.

Shared Non-Material Factors: Common Values Binding Algeria and Russia

“Strategic partnership” is not only a highly institutionalized form of cooperation and dense network or encompassing preferential treatment in line with shared political-economic interests and historical ties. It also consists of the so-called non-material factors such as shared values. Algeria and Russia, not sharing common border, share common values of democracy, pluralism, rule of law, normative outlook and common sense of project and purpose.

These common values strongly bind Algeria and Russia. Both countries are sovereign democratic with a republican form of government¹⁵, separation of powers and social justice. Both Algerian and Russian history dates back thousands of years in a long chain of battles which have made Algeria and Russia forever countries of freedom and dignity. The two peoples have always fought for freedom and democracy and while sticking to their national sovereignty and independence.

Algeria and Russia are promoting international peace, global security and stability, advancing more just and balanced system of international relations based on collective decision-making, primacy of international law, equal partnership relations with the central coordinating role of the UN as the principal organization regulating international relations¹⁶.

¹⁵ Algerian Constitution of 1989, reinstated in 1996 with amendments through 2016 (Articles 1, 15); Russian Federation’s Constitution of 1993 with amendments through 2008 (Article 1).

¹⁶ Algeria Foreign Minister Abdelkader Messahel speech about “Learning to Live Together”, 204th session of the Exe-

They coordinate for enhancing and promoting good-neighborly relations with adjoining states and helping to overcome existing and prevent potential tensions and conflicts. Moreover, they extend their solidarity to all peoples who are fighting for political and economic liberation, for the right of self-determination and against all forms of racism¹⁷.

Russia and Algeria also share the value of reinforcement of international cooperation and development of an amicable bilateral and multilateral partnership between the states on the basis of equality, mutual interest, non-interference in internal affairs and the respect of independence and sovereignty. They recognize the principles and objectives of the UN Charter and consider universally recognized principles and norms of international law as well as international agreements an integral part of their legal system¹⁸.

Algeria continues to carry great weight in the promotion of peace and reconciliation values on the basis of “Living Together in Peace”. On December 8, 2017, the United Nations General Assembly adopted at the initiative of Algeria a resolution 72/130 proclaiming May 16 as the International Day of Living Together in Peace.

The International Day of Living Together in Peace constitutes a means of regularly mobilizing the efforts of the international community to promote peace, tolerance, inclusion, understanding, and solidarity, and to express its attachment to the desire to live and act together, united in differences and diversity¹⁹.

Conclusion

Declaration on the Strategic Partnership between Algeria and Russia signed in 2001 provides the general and solid framework, elaborating the principles and contours of Algerian—Russian relations in the 21st century.

cutive Board of UNESCO, Paris, April 10, 2018, Concept of the Russian Foreign Policy (approved on November 30, 2016), paragraph 3/e.

¹⁷ Algerian Constitution (Article 30); the preamble of the Russian constitution; Concept of the Russian Foreign Policy (approved on November 30, 2016), paragraph 31.

¹⁸ Algerian Constitution (Articles 29, 31); Russian constitution (Article 15/4).

¹⁹ Resolution 72/130. International Day of Living Together in Peace, resolution adopted by the UN General Assembly on December 8, 2017, paragraph 2.

Scholars and policymakers agree that the strategic Algeria — Russia partnership is based on three fundamental elements: long and distinguished historical relations, material factors or common interests, as well as common values.

By evaluating the relations in these spheres, some examples were provided to demonstrate the depth of the historical relations between the two countries. The fields of the current cooperation are numerous and diverse, from education, scientific research, tourism, and culture, to maritime transport, air traffic, mass communications, justice, investment protection and other.

Obviously, common or shared values also contribute to binding Algeria and Russia, but there is another important element, that is “mutual trust”. Over the years, great confidence and mutual respect have been created between both Algerian and Russian people.

Algeria has always recognized the importance of Russia as a global leading power and repeatedly emphasized that its relationship with one great power is not at the cost of its relations with its other friends

and partners. On the other side, Russia has recognized the role of Algeria as a regional power in the Arab world and in the Mediterranean Sea.

This article has proven that current Algerian—Russian cooperation could be fully qualified as a strategic partnership. At the same time, the Algerian—Russian relationship is not exclusive, nor is it expected to be so in the post-Cold War world scenario. Moreover, the strategic partnership between Algiers and Moscow is still lacking in substance due to the structural diversity between the two countries which explains that investment cooperation dynamics is not at the desired level. Western sanctions against Russia specifically the CAATSA Act²⁰, the accelerated growth of Algerian—Chinese economic and military relations constitute a real challenge for the steady strategic Algeria—Russia partnership.

²⁰ Countering America’s Adversaries through Sanctions Act signed into law by US President Donald Trump in 2017, would impose sanctions on any country that buys military equipment from Russia.

References

- Algeria — Russia: Military Package. (2006). *Africa Research Bulletin: Political, Social and Cultural Series*, 43 (3), 16591—16592. DOI: 10.1111/j.1467-825x.2006.00309.x.
- Antonyuk, V.S., Monogarov, N.N. & Lapo, A.S. (2017). Strategic Cooperation of the Russian Federation and the People’s Democratic Republic of Algeria in the Sphere of Energy Economics (by the Example of the Oil and Gas Sector). *Bulletin of South Ural State University. Series “Economics and Management”*, 11 (4), 7—12. DOI: 10.14529/em170401.
- Bogucharsky, E.M. & Bogucharsky, M.E. (2003). Algeria’s Foreign Policy at the Turn of the Century. *Asia and Africa Today*, 4, 21—27. (In Russian).
- Bogucharsky, E.M. (2007). *Diplomacy and Diplomatic Service of Algeria (1962—2006)*. Moscow: MGIMO University publ. (In Russian).
- Byrne, J. (2016). *Mecca of Revolution: Algeria, Decolonization, and the Third World Order*. Oxford University Press.
- Connolly, R. & Sendstad, C. (2017). *Russia’s Role as an Arms Exporter: The Strategic and Economic Importance of Arms Exports for Russia*. London: The Royal Institute of International Affairs.
- Ghettas, M.L. (2017). *Algeria and the Cold War: International Relations and the Struggle for Autonomy*. London: I.B. Tauris.
- Heiduk, F. (2014). What Is in a Name? Germany’s Strategic Partnerships with Asia’s Rising Powers. *Asia, Europe Journal*, Springer-Verlag Berlin Heidelberg. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10308-014-0399-1>.
- Katz, N.K. (2007). Russia and Algeria: Partners or Competitors? *Middle East Policy Council*, 4 (4). URL: <https://www.mepec.org/journal/russia-and-algeria-partners-or-competitors> (accessed: 01.01.2019).
- Kay, S. (2000). What Is a Strategic Partnership? *Problems of Post-Communism*, 47 (3), 15—24.
- Kazdaghli, N. (2017). Cooperation of Russia with the Countries of North Africa in the Framework of the Russian—Arab Business Council. *Proceedings of Voronezh State University. Series: History. Political Science. Sociology*, 1, 58—62.
- Kesseiri, R. (2005). *Ideologized Foreign Policy and the Pragmatic Rationale: The Case of Algeria under Houari Boumediene, 1965—1978*. PhD thesis. University of Leeds.
- Landa, R.G. (2008). Russia and Algeria: General Features of the Transition Period. *Vostok (Oriens)*, 5, 140—146. (In Russian).
- Mortimer, R.A. (2015). Algerian Foreign Policy: from Revolution to National Interest. *The Journal of North African Studies*, 20 (3), 466—482.
- Vasiliev, A.M. & Tkachenko, A.A. (Eds.). (2011). *Russia and the Countries of the Maghreb*. Moscow: Institute of African Studies of RAS publ.

- Vasiliev, A.M. (1993). *Russia in the Middle East: from Messianism to Pragmatism*. Moscow: Vostochnaya literature publ. (In Russian).
- Wendt, A. (1999). *Social Theory of International Politics*. Cambridge University Press.
- Zherlitsina, N.A. (2015). The Strategic Partnership of Russia and Algeria in Condition of Downturn: Potential and Challenges. *Vestnik Universiteta*, 8, 24—31. (In Russian).
- Zherlitsina, N.A. (2017). Prospects of Cooperation between Russia and the Countries of the Maghreb in the Light of New Global Challenges. *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*, 21 (2), 96—103. DOI: 10.15688/jvolsu4.2016.2.9. (In Russian).

Received: 21.01.2019

For citations: Mousli, M. (2019). Algerian—Russian Cooperation: True Strategic Partnership? *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (2), 284—292. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-284-292.

About the author: *Mousli Malek* — PhD (International Relations), diplomat at the Moscow Mission of the League of Arab States (e-mail: mousli_malek@hotmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-284-292

Алжирско-российское сотрудничество: стратегическое партнерство?

М. Мусли

Представительство Лиги арабских государств, Москва, Российская Федерация

Формально алжирско-российское партнерство называют «стратегическим». Данное исследование нацелено на то, чтобы выяснить, действительно ли эти отношения являются «стратегическим партнерством». Автор рассматривает концепцию «стратегического партнерства» как механизм современного международного сотрудничества, а затем применяет элементы определения стратегического партнерства к российско-алжирским отношениям.

Исследование показало, что стратегическое партнерство между странами основывается на трех элементах: длительные исторические отношения, материальные факторы, такие как прочные экономические и политические отношения в долгосрочной перспективе, а также нематериальные факторы, такие как общие ценности.

Анализируя некоторые экономические и политические аспекты российско-алжирских отношений, эта статья раскрывает значение 2001 г. как ключевого момента, который заставил как Алжир, так и Москву значительно изменить свои взгляды на глобальную политику и взглянуть друг на друга по-новому. Более того, прочные и устойчивые исторические связи лежат в основе стратегического партнерства между Алжиром и Россией. Отношения между двумя странами всегда были прозрачными и достойными подражания как во время войны за независимость Алжира, так и в годы холодной войны и после нее.

Целый ряд общих ценностей связывает Алжир и Россию. Среди них приверженность демократии, плюрализму, верховенство закона, а также уважение норм международного права. Обе страны также уважают суверенитет и территориальную целостность государств-партнеров, продвигая более справедливую и сбалансированную систему международных отношений, основанную на коллективном решении глобальных проблем, примате международного права, равноправных отношениях с центральной координирующей ролью ООН как главной организации, регулирующей международные отношения. Это позволяет сделать вывод, что сотрудничество между Алжиром и Россией и реально, и формально является «стратегическим партнерством».

Ключевые слова: стратегическое партнерство, российско-алжирские отношения, общие ценности, внешняя политика Алжира

Библиографический список

- Антонюк В.С., Моногаров Н.Н., Лано А.С. Стратегическое взаимодействие Российской Федерации и Алжирской Народной Демократической Республики в энергетической сфере (на примере нефтегазового сектора) // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент*. 2017. Т. 11. № 4. С. 7—12. DOI: 10.14529/em170401.
- Богучарский Е.М. *Дипломатия и дипломатическая служба Алжира (1962—2006 гг.)*. М.: МГИМО-Университет, 2007.

- Богучарский Е.М., Богучарский М.Е.* Внешняя политика Алжира на рубеже столетий // *Азия и Африка сегодня*. 2003. № 4. С. 21—27.
- Васильев А.М.* Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму. М.: Восточная литература, 1993.
- Жерлицына Н.А.* Перспективы сотрудничества России со странами Магриба в свете новых глобальных вызовов // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения*. 2017. Т. 21. № 2. С. 96—103. DOI: 10.15688/jvolsu4.2016.2.9.
- Жерлицына Н.А.* Стратегическое партнерство России и Алжира в условиях кризиса: потенциал и вызовы // *Вестник университета*. 2015. № 8. С. 24—31.
- Каздагли Н.* Сотрудничество России со странами Северной Африки в рамках Российско-арабского делового совета // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*. 2017. № 1. С. 58—62.
- Ланда Р.Г.* Россия и Алжир: общие черты переходного периода // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2008. № 5. С. 140—146.
- Россия и страны Магриба* / под ред. А.М. Васильева, А.А. Ткаченко. М.: Институт Африки РАН, 2011.
- Algeria — Russia: Military Package* // *Africa Research Bulletin: Political, Social and Cultural Series*. 2006. Vol. 43. Iss. 3. P. 16591—16592. DOI: 10.1111/j.1467-825x.2006.00309.x.
- Byrne J.* Mecca of Revolution: Algeria, Decolonization, and the Third World Order. Oxford University Press, 2006.
- Connolly R., Sendstad C.* Russia's Role as an Arms Exporter: The Strategic and Economic Importance of Arms Exports for Russia. London: The Royal Institute of International Affairs, 2017.
- Ghettas M.L.* Algeria and the Cold War: International Relations and the Struggle for Autonomy. London: I.B. Tauris, 2017.
- Heiduk F.* What Is in a name? Germany's Strategic Partnerships with Asia's Rising Powers // *Asia, Europe Journal*. Springer-Verlag Berlin Heidelberg, 2014. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10308-014-0399-1>.
- Katz N.K.* Russia and Algeria: Partners or Competitors? // *Middle East Policy Council*. 2007. Vol. 4. No. 4. URL: <https://www.mepc.org/journal/russia-and-algeria-partners-or-competitors> (accessed: 01.01.2019).
- Kay S.* What Is a Strategic Partnership? // *Problems of Post-Communism*. 2000. Vol. 47. No. 3. P. 15—24.
- Kesseiri R.* Ideologized Foreign Policy and the Pragmatic Rationale: The Case of Algeria under Houari Boumediene, 1965—1978. PhD thesis. University of Leeds, 2005.
- Mortimer R.A.* Algerian Foreign Policy: from Revolution to National Interest // *The Journal of North African Studies*. 2015. Vol. 20. No. 3. P. 466—482.
- Wendt A.* Social Theory of International Politics. Cambridge University Press, 1999.

Дата поступления статьи: 21.01.2019

Для цитирования: *Mousli M.* Algerian—Russian Cooperation: True Strategic Partnership? // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2019. Т. 19. № 2. С. 284—292. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-284-292.

Сведения об авторе: *Мусли Малек* — кандидат политических наук, дипломат, сотрудник Представительства Лиги арабских государств в Москве (e-mail: mousli_malek@hotmail.com).

© Mousli M., 2019

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-293-301

Международная политика Оливера Тамбо: уникальные особенности внешнеполитического процесса ЮАР и личностный фактор

А.А. Архангельская

Институт Африки РАН, НИУ Высшая школа экономики,
Москва, Российская Федерация

27 октября 2017 г. отмечается 100 лет со дня рождения выдающегося южноафриканского политического деятеля — Оливера Реджинальда Тамбо (1917—1993 гг.). Цель данной работы — раскрыть уникальность роли О. Тамбо как создателя и руководителя неофициальной внешнеполитической структуры Африканского национального конгресса (АНК) в условиях борьбы с режимом апартеида в Южно-Африканской Республике (ЮАР), а также выявить особенности его внешнеполитической активности на протяжении более чем трех десятилетий (1960—1993 гг.) и влияние его личности на внешнеполитический процесс АНК в описываемый период.

В статье подчеркивается уникальность роли О. Тамбо как организатора «теневой дипломатии» АНК в ЮАР. Она заключается в том, что впервые в истории полноценные международные отношения устанавливались стороной, объявленной официальным правительством страны вне закона. Таким образом, важнейшим аспектом автор обозначает дуальность международной активности Южной Африки в описываемый период: параллельно с официальной дипломатией правящего режима с начала 1960-х гг. развивалась альтернативная внешняя политика, которую осуществляли руководители и члены АНК, специально отправлявшиеся в эмиграцию для установления контактов с дружественными государствами. Поводом для роста такой активности стали окончательное утверждение политики апартеида, насильственные действия властей в противовес мирному протесту и последовавшие после расстрела демонстрации в Шарпевиле в 1960 г. репрессии в отношении лидеров и участников сопротивления. О. Тамбо оставался ключевой фигурой в международных контактах АНК вплоть до падения режима апартеида, а его руководство внешней миссией АНК можно сравнить с осуществлением функций полноценного министра иностранных дел.

Другой, особый акцент автор делает на не менее важный аспект деятельности О. Тамбо — сохранение нейтралитета в отношении различных политических блоков и государственных идеологий. В условиях серьезных международных противоречий и открытого противостояния холодной войны позиция О. Тамбо опиралась на принципы демократического и гражданского выбора, при котором предпочтение отдавалось ненасильственным методам борьбы, а не вооруженному противостоянию. Автор приходит к выводу, что данный подход позволил при переходе власти к коренному большинству в ЮАР избежать длительных гражданских войн или конфликтов с привлечением международных вооруженных формирований. Ведущая роль АНК, и О. Тамбо в особенности, проявилась в обеспечении стабильности в социально-экономическом развитии ЮАР при транзите власти в 1990-х гг. и дальнейшем сохранении темпов развития ЮАР в 2000-е гг.

Ключевые слова: Оливер Тамбо, внешняя политика, международные отношения, Африка, Южно-Африканская Республика, апартеид, Африканский национальный конгресс (АНК)

Эпоха апартеида и борьбы с ним во внешней политике ЮАР

1960 г. в историографии принято называть Годом Африки, поскольку тогда в процессе падения колониальных режимов на континенте появилось 17 независимых государств. На севере Африки продолжалась национально-освободительная война в Алжире. На этом фоне борьба Африканского национального конгресса (АНК)

против расовой дискриминации, активно развернувшаяся с конца 1950-х гг., носила мирный характер: руководители организации ограничивались массовыми протестными акциями и избегали насильственных методов. Ситуацию изменил трагический инцидент, известный как «расстрел в Шарпевиле» (21 марта 1960 г.), когда в процессе разгона мирной демонстрации властями 69 человек погибли, 180 были ранены. Это событие стало

водоразделом, определившим, с одной стороны, развитие феномена дуализма во внешней политике Южной Африки, а с другой — повлиявшим на уникальные особенности внешнеполитического процесса, осуществляемого как официальным режимом, так и АНК, которые можно объединить термином «личная дипломатия» [Geldenhuys 1984: 15].

Такой акт государственного насилия, как Шарпевильский расстрел, стал возможен в период правления Хендрика Фервурда, который занял пост премьер-министра Южно-Африканского Союза (ЮАС) в 1958 г. и заслужил репутацию «архитектора апартеида». Именно Х. Фервурд ввел ряд законов, окончательно оформивших политику расовой сегрегации в ЮАС, которая проводилась с начала его основания в 1910 г. и сделавших ее основой государственной идеологии образованной в 1961 г. ЮАР [Урнов 1982: 49]. Прежде всего, речь идет об идеологии «раздельного развития», воплотившейся в Законе самоуправления банту, который предусматривал создание восьми хоумлендов — территорий для компактного проживания черных африканцев в ЮАР [Lipton 1972].

Усиление политики апартеида вызвало сопротивление черного населения ЮАС. Начиная с 1950-х гг. АНК проводил кампании неповиновения. Однако сопротивление не смогло сломить решимости Х. Фервурда в реализации апартеида. Политик искренне верил в то, что «раздельное развитие» станет залогом процветания Южной Африки, в чем международное сообщество должно вскоре убедиться [Feraudy Espino 2012: 32]. Однако реакция мира была обратной: в международном сообществе росла оппозиция режиму апартеида. Апогеем неприятия южноафриканской политики стало введение ООН в 1963 г. эмбарго на поставки оружия в ЮАР. Впрочем, членство Южной Африки в ООН еще с конца 1950-х гг. оставалось формальным — только угроза лишения дискуссионной площадки, где ЮАР могла бы защищать свои позиции, удерживала правительство республики от выхода из организации [Geldenhuys 1984: 65].

Таким образом, к началу 1960-х гг. ЮАР оказалась в дипломатической изоляции, и отстаивание интересов страны полностью легло на плечи премьер-министра Х. Фервурда. Используя свои

незаурядные личностные качества, такие как твердая воля, блестящий интеллект, красноречие и умение убеждать, Х. Фервурд так или иначе оставался весомым игроком на международной арене в период отсутствия полноценно работающей дипломатической системы. Беспрецедентное международное давление делало позицию Фервурда непреложной: «Чем большее давление на нас оказывают, чтобы мы пошли на уступки, тем более решительно мы должны отказываться сделать это» [Урнов 1982: 51]. В сознании Фервурда первостепенной и неизменной целью национальной политики являлось обслуживание интересов белой расы в Южной Африке. Поэтому любые уступки в этом отношении, с его точки зрения, являлись угрозой для свободы и выживания белых. Фервурд был твердо уверен, что дружба с другими государствами возможна только при условии, что они признают неотъемлемое право Южной Африки самостоятельно принимать решения в рамках своей внутренней политики [Geldenhuys 1984: 64].

Для официальных властей Союза события в Шарпевиле послужили толчком к началу репрессий против оппозиционных объединений. Деятельность АНК была запрещена (1960 г.), а лидеры движения были вынуждены уйти в подполье. Президент АНК Альберт Лутулу был сослан в свое родное селение, а Оливер Тамбо — его заместитель на тот момент — не мог покидать район Йоханнесбурга. В этой ситуации в руководстве Конгресса началась дискуссия о переходе к насильственным методам борьбы. Итогом стало создание в 1961 г. военной организации «Умконто ве сизве» («Копье нации»). К радикальным вариантам борьбы подталкивали не только репрессии со стороны режима, но и примеры освободительных войн в Марокко и Алжире. Несмотря на решимость взять в руки оружие, положение «Умконто ве сизве» осложнялось тем, что для военного сопротивления собственных ресурсов не хватало. АНК пришел к пониманию, что без помощи союзников из-за рубежа не обойтись [Mandela, First 1965: 13].

По решению руководства АНК Оливер Тамбо в 1960 г. покинул Южную Африку для установления международных контактов. Задачей политика, как ее сформулировал Конгресс, было «организовать международную поддержку действий

по изоляции государств апартеида» и «создать надежную тыловую поддержку нашей борьбы» [Шубин 1999: 76]. В противовес агрессивной оборонительной тактике режима, которая полностью определялась главой правительства ЮАР Х. Фервурдом и приводила лишь к возрастанию международной враждебности, активисты АНК, находясь на нелегальном положении, добились широкой поддержки в ряде дружественных государств и достигли практических результатов, по сути создав собственную дипломатическую сеть, параллельную официальной.

Влияние «дипломатии в эмиграции», или «миссии в изгнании», на реальное положение дел движения сопротивления в ЮАР сложно переоценить: всего за три года с момента запрета АНК и начала репрессий борцы с апартеидом получили конкретную политическую и экономическую помощь для подготовки вооруженной борьбы. А главное — установили прямые контакты с рядом европейских государств, с США, Китаем, а также с самым могущественным союзником — СССР. Последовавшая от Советского Союза систематическая помощь предопределила многие важные аспекты в истории антирасистского движения Южной Африки в 1960-х — начале 1970-х гг. Ключевой фигурой внешней политики АНК на долгие годы стал Оливер Тамбо.

Биография и политический портрет О. Тамбо

Прежде чем обратиться к описанию уникальных особенностей внешнеполитической деятельности одного из лидеров АНК, следует проанализировать некоторые факты его биографии, чтобы выявить факторы, повлиявшие на его мировоззрение и личностные черты.

О. Тамбо родился 27 октября 1917 г. в деревне Кантила в Восточно-Капской провинции. Его отец, Мзимени Тамбо, придерживался традиционной религии, имел четырех жен и десять детей, занимался сельским хозяйством и мелкой торговлей. Позднее родители приняли христианство в Англиканской церкви. Будучи неграмотным, Мзимени Тамбо однако понимал важность образования и стремился дать его всем своим детям. Оливер обучался в нескольких школах — методистской в Людеке, англиканской миссионерской во Флагстаффе, затем — в средней школе

в Розеттенвиле, которую окончил с успехом в 1938 г., что позволило ему выиграть стипендию для обучения в Университете Форт-Хэйр — единственном в то время высшем учебном заведении ЮАС, в котором имели право обучаться темнокожие жители. Вероятно, выбор в пользу естественно-научной сферы повлиял на формирование О. Тамбо как, прежде всего, практического деятеля и системно мыслящего организатора, которому оказалось по силам выстроить полноценную внешнеполитическую структуру. В Форт-Хэйр О. Тамбо познакомился с будущим соратником Нельсоном Манделой, который учился на бакалавра гуманитарных наук. Оба были членами Студенческой христианской ассоциации.

Приверженность О. Тамбо христианству — еще один фактор для понимания его как общественного деятеля и политика. Международные связи он поддерживал в том числе и по церковной линии, активно общаясь со священнослужителями-антирасистами, такими как Тревор Хадлстоун (Софиатаун, ЮАР) или Джон Коллинз, организатор международного церковного движения против апартеида (Лондон, Великобритания). Во время одной из встреч с последним О. Тамбо сказал о своем желании стать священнослужителем, чему не суждено было сбыться [Tambo, Tambo 1988: 35]. В 1940-е гг. политик выступал с резкой критикой коммунизма. Однако со второй половины 1950-х гг. наблюдается все большее сближение АНК с Коммунистической партией Южной Африки (КПЮА), а также симпатии Н. Манделы и О. Тамбо по отношению к социализму [Callinicos 2004; Давидсон, Филатова 2012].

Как это примирялось с христианскими убеждениями О. Тамбо? Причина заключалась в изменении образа социализма. Коммунистические режимы таких стран, как Китай и СССР, в 1930—1950-е гг. носили атеистический характер, что сопровождалось уничтожением религиозных организаций и гонениями на верующих. Однако уже во время революции на Кубе (конец 1950-х — начало 1960-х гг.) марксистские идеи стали тесно переплетаться с христианским мировоззрением: многие революционные движения в Латинской Америке стали использовать лозунги христианского социализма [Prevost 2007: 133]. Таким образом, социализм О. Тамбо всегда носил на себе

отпечаток христианского гуманизма [Van Wyk, Callinicos 1994: 78]. Мировоззрение лидера АНК стало одной из причин, по которой под его руководством организация сохранила внеблоковый статус и не присоединилась к противостоянию США и СССР, а также стремилась отдавать приоритет ненасильственным методам борьбы, несмотря на период активности вооруженного крыла АНК [Ellis, Sechaba 1992: 42].

Начало деятельности Оливера Тамбо как лидера АНК и главы «миссии в изгнании»

Еще учась в университете, в 1941 г., О. Тамбо принял участие в своей первой акции протеста. За протестную деятельность он был исключен из университета, однако его бывшая школа св. Петра в Розеттенвиле предоставила ему должность учителя математики. Проживая в окрестностях Йоханнесбурга, юноша стал посещать собрания активиста Уолтера Сисулу — в будущем одного из лидеров АНК. В доме У. Сисулу пути О. Тамбо и Н. Манделы вновь пересеклись. Через У. Сисулу они познакомились с Альфредом Битини Ксумой, тогдашним президентом АНК. Совместно с У. Сисулу О. Тамбо принимал участие в создании Молодежной лиги АНК, которая провела свое первое заседание в сентябре 1944 г., а О. Тамбо стал ее секретарем.

В 1948 г. после прихода к власти правительства Х. Фервурда Молодежная лига АНК под руководством О. Тамбо разработала «План действия», опирающийся на теорию ненасильственной борьбы Махатмы Ганди. План предусматривал такие шаги, как саботаж, бойкот и неподчинение властям. С 1948 г. О. Тамбо также занялся заочным изучением права и к 1951 г. получил статус адвоката. В том же году вместе с Н. Манделой он открыл юридическую фирму в Йоханнесбурге, однако Н. Манделе вскоре было запрещено проживать в этом городе и О. Тамбо стал руководить компанией в одиночку.

Параллельно развивалась политическая карьера О. Тамбо. В 1953 г. Альберт Лутули был избран президентом АНК, а О. Тамбо занял пост секретаря вместо Уолтера Сисулы, отправленного в ссылку по обвинению в организации кампании неповиновения 1952 г. Уже через два года О. Тамбо был избран генеральным секретарем

АНК и вскоре после этого получил предписание правительства покинуть Йоханнесбург. В этот период он составил «Хартию свободы», которая была одобрена на «Конгрессе народа» в 1955 г.

В 1955 г. О. Тамбо стал встречаться с Аделайдой Фрэнсис Тсухуду, которая работала медсестрой. Их свадьба была назначена на 22 декабря 1956 г., но была отложена, поскольку О. Тамбо с группой других активистов был задержан властями по обвинению в «измене родине». После того как все внесли залог, свадьба состоялась. После этапа предварительных слушаний О. Тамбо и А. Лутули были оправданы. В общей сложности 155 членов АНК были обвинены по «делу об измене» 1956 г.

В 1957 г. политик был избран на пост вице-президента АНК. В апреле 1958 г. О. Тамбо признался супруге: АНК хочет, чтобы он вместе с семьей отправился с миссией за границу. К тому времени у пары было трое детей. После событий в Шарпевиле, которые стали переломными в политической карьере О. Тамбо и всего АНК, этот вопрос был окончательно решен, и в апреле 1960 г. политик покинул страну, положив начало своей уникальной деятельности «дипломата в изгнании». Его целью было заручиться международной поддержкой южноафриканского освободительного движения и объединить его участников, находящихся вне ЮАР [Jordan 2007: 28].

Первой остановкой на пути О. Тамбо, выехавшего из страны по поддельным документам, стал Дар-эс-Салам в Танганьике, которая через год стала независимым государством Танзания, а впоследствии — штаб-квартирой АНК за пределами ЮАР. Уже первый раунд встреч, организованных О. Тамбо в Африке, прошел на высшем уровне — с премьер-министром Танганьики Джулиусом Ньерере [Othman 2000: 12], президентом Ганы Кваме Нкрумой, президентом Туниса Хабибом Бургибой. Главы африканских государств, буквально только что получивших независимость, прекрасно понимали значимость борьбы АНК и миссии О. Тамбо. В Тунисе лидер АНК произнес свою первую речь за пределами страны [Crais, McClendon 2014: 13].

Далее последовал тур по странам Северной Европы. В 1961 г. О. Тамбо сопровождал в Стокгольме Альберта Лутули, который прибыл в столицу Швеции для получения Нобелевской премии

мира. Впоследствии в Стокгольме было открыто представительство АНК. О. Тамбо нанес визиты во все скандинавские страны, а в Дании был принят на правительственном уровне.

Позиция скандинавских стран к этому времени оформилась: они были готовы поддерживать экономический и торговый бойкот ЮАР, оказывать финансовую поддержку АНК, принимать на обучение в университеты южноафриканских эмигрантов, но без разрыва дипломатических отношений с Преторией, если не будет соответствующей санкции ООН. Вместе с тем министр иностранных дел Дании социал-демократ Йенс Отто Кре выступил в парламенте, где заявил, что намерен добиваться созыва чрезвычайной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по вопросу апартеида, потому что принимаемые на тот момент Советом Безопасности ООН меры безрезультативны [Morgenstierne 2003: 19—21, 23]. Действительно, принятая незадолго до этого декларация Совбеза ООН носила расплывчатый характер, в ней лишь отмечалось, что система апартеида не способствует мировой безопасности [Sundsgård, Mabuza 1987: 48].

Таким образом, «личная дипломатия» О. Тамбо оказалась способной влиять на мнение отдельных политиков или даже на официальную позицию государств. В этот период происходит важнейшее понимание того, что собой представляет АНК и каким образом будет происходить его борьба с режимом апартеида. Деятельность О. Тамбо получила одобрение Конгресса, и его статус как главы внешнеполитической деятельности был подтвержден на собрании правления АНК в Бечуаналенде в октябре 1962 г.

Но самая сложная и ответственная задача была еще впереди. О. Тамбо предстояло заручиться поддержкой СССР и Китая. Первые шаги освободительного движения ЮАР по установлению контактов с Советским Союзом предпринимались в 1960 г. через КПЮА и ее главу Юсуфа Даду. Выход на контакт с одним из представителей верхушки АНК СССР предпринял только в конце 1963 г. — Оливеру Тамбо было передано приглашение прибыть в Советский Союз в качестве вице-президента Конгресса. Политик не сразу откликнулся на предложение советской стороны: его останавливало и личное предубеждение против коммунистов, и желание дистанцироваться

от какого-либо лагеря в условиях холодной войны [Шубин 1999: 87].

В беседе в ЦК КПСС, которую сам О. Тамбо назвал «историческим событием», советские представители внимательно выслушали рассказ о ситуации в Южной Африке и о нуждах «Умконто ве сизве». АНК запрашивал у СССР помощь в подготовке партизанских кадров, в организационной и пропагандистской деятельности, в том числе за пределами ЮАР [Давидсон, Филатова 2012: 34]. При этом советские дипломаты интересовались, прежде всего, политическими аспектами ситуации и настроениями широких масс и не подталкивали собеседников напрямую к вооруженной борьбе.

О. Тамбо во главе АНК в 1970—1980-е гг.: новая стратегия и демонтаж режима апартеида

Конец 1960-х гг. стал для АНК тяжелым периодом внутренних разногласий и ослабления организации, а для О. Тамбо — временем координации, в том числе военных операций, связанных с деятельностью вооруженного крыла АНК «Умконто ве сизве», кадры для которого готовились в СССР. В 1968 г. О. Тамбо лично принял участие в военной операции «Уанки»: в его задачу входили охрана переправы через реку Замбези и разведывательная деятельность.

В течение 1970-х гг., в период кризиса и разобщенности в АНК, О. Тамбо неустанно искал новые пути развития организации, новые способы управления и пропаганды. Осуществлялись попытки наладить контакт с альтернативной силой сопротивления в ЮАР — «Движением черного самосознания», однако полиции удалось сорвать запланированную встречу и подвергнуть арестам активистов. Не прекращалась активность О. Тамбо и в дружественных странах Африки. После студенческого восстания 1976 г. число эмигрантов из ЮАР в Танзанию выросло, и О. Тамбо обратился к правительству этой страны для выделения участка земли, чтобы основать для них школу. В Лусаке (Замбия) начало работу радио, пропагандировавшее идеи АНК [Macmillan 2009].

Много работы было и с «Умконто ве сизве», лагеря которой переместились на территорию Анголы. В вооруженных формированиях, находящихся в бездействии, возникала масса проблем

с дисциплиной, произволом командиров и т.д. С 1978 по 1985 г. О. Тамбо постоянно посещал лагерь, общаясь лично как с командованием, так и с рядовыми солдатами, которые мечтали о возвращении домой, разработал воинский устав, однако, несмотря на все усилия, трудности не прекращались. К концу 1970-х гг. политику удалось усилить позиции АНК как в ЮАР, так и в мире, и О. Тамбо уже воспринимался как фактический глава «государства в изгнании». Но даже в таком положении лидер АНК предпочитал опираться на собственные силы, не принимая идеологическую сторону США или СССР.

В 1985 г. О. Тамбо, наконец, получил статус действительного президента АНК. В мире в это время начались перемены: в СССР накануне перестройки впервые подняли вопрос о целесообразности поддержки африканских революционных движений [Давидсон, Филатова 2012: 44]. Оливеру Тамбо снова пришлось проявить себя как гибкому и дальновидному стратегу: в своей речи 8 января 1985 г. он выступил с идеей о том, что на данном этапе необходимо не бороться с апартеидом «извне», а сделать его неработоспособным изнутри — так, чтобы южноафриканское общество само пришло к осознанию его абсолютной неприемлемости¹.

О. Тамбо налаживает связи с различными силами внутри страны, встречается с бизнесменами из Национальной торговой корпорации и Группы черных предпринимателей [Tambo 1987: 67]. Параллельно внутри правящего режима ЮАР развивается группа, настроенная на демократические перемены в стране. В 1987 г. под руководством лидера АНК создается проект будущей Конституции ЮАР. В это же время была проведена последняя значительная военная операция «Умконтэ ве сизве» под названием «Вула», целью которой было проникновение бойцов в ЮАР и налаживание военной сети внутри страны. При этом курс на демократический и мирный демонтаж режима апартеида благодаря усилиям О. Тамбо становится приоритетным. Несмотря

на жесткие насильственные действия со стороны южноафриканских вооруженных сил, О. Тамбо настаивал на том, чтобы АНК сохранял высокий моральный уровень и избегал гибели гражданского населения в ходе своих операций.

Поистине эпохальным событием стала Харарская декларация 1989 г., выразившая недвусмысленную позицию «изгнанников АНК и массового демократического движения в стране: «Мы призываем... народ Южной Африки в соответствии с его многогранной борьбой приступить к переговорам о ликвидации системы апартеида и согласиться на все меры, необходимые для превращения страны в нерасовую демократию. Мы поддерживаем позицию большинства народа Южной Африки, заключающуюся в том, что переговоры должны вестись для достижения этой цели, а не для исправления или реформирования системы апартеида» [Mandela, Tambo and the African National Congress 1995: 305]. Совместно с Табо Мбеки (будущим президентом ЮАР) О. Тамбо провел встречу с представителями Южно-африканской разведывательной службы, на которой обсуждались вопросы демонтажа правящего режима.

В разгар процесса переходного периода в декабре 1990 г. семья О. Тамбо вернулась в Южную Африку. К этому времени политик пережил инсульт, испытывал проблемы с речью и не смог обратиться к огромному числу людей, встречавших его в аэропорте. В течение 1991—1993 гг., уступив должность главы АНК освобожденному из заключения Нельсону Манделе, О. Тамбо выступал на митингах и конференциях и, несмотря на прогрессирующую болезнь, ежедневно ходил в офис АНК для общественной работы. В первые часы утра 24 апреля 1993 г. Оливер Реджинальд Тамбо скончался после сердечного приступа в возрасте 75 лет. Он был удостоен государственных похорон, где сотни друзей, сторонников, коллег и глав государств попрощались с ним.

Заключение: феномен Оливера Тамбо в контексте истории XX в.

Политическая карьера О. Тамбо представляет собой пример, не имеющий аналогов в истории международных отношений. Вынужденный дей-

¹ См.: Render South Africa Ungovernable! Message of the National Executive Committee of the ANC on the 73rd Anniversary of ANC by O.R. Tambo, 8 January 1985 // ANC Pamphlet. Render South Africa Ungovernable. New York, 1985.

ствовать в условиях послевоенного мира, в котором определяющим являлось противостояние капиталистической и социалистической систем, он выработал практические подходы, целью которых было не присоединение к какой-либо идеологии, но достижение в отдельной стране государственного устройства, построенного на принципах социальной справедливости и гуманизма. Благодаря О. Тамбо деятельность АНК была построена так, что сотрудничать с ним имело возможность любое государство, которое в то же время могло иметь официальные дипломатические отношения с правящим режимом ЮАР.

Можно утверждать, что О. Тамбо в ходе борьбы ставил задачи не только получить власть легитимным путем, но и в последующем сохранить направления социально-экономического развития государства даже путем сотрудничества с ведущими держателями капитала в стране. После прихода АНК к власти не было массовых репрессий в отношении белого населения, и его участие в экономике ЮАР и в международном капитале оставалось на прежнем уровне. В свою очередь, значительное количество активистов АНК получили образование в ведущих мировых университетах, что дало возможность обеспечения роста экономики в 2000-е гг. Можно сказать, что Оливер Тамбо обеспечил возможность разви-

тия страны на долгие годы, при этом не стремясь к реальному обладанию властью.

Практики достижения консенсуса и коллективного принятия решений в АНК, использовавшиеся О. Тамбо, помогли формированию общего направления внешней политики ЮАР. Впервые в истории правительство, находившееся в изгнании и не обладавшее официальным государственным статусом, смогло иметь полноценные международные отношения практически со всеми ведущими странами мира на всех континентах.

Особая значимость О. Тамбо как политика заключается в том, что он не стал типичным представителем оппозиционного движения, который занимается лишь декларированием постулатов и привлечением финансовой помощи ряду мелких организаций националистического толка. Его практический подход и требования «нормальной» человеческой справедливости оказались действеннее и жизнеспособнее на мировой арене, чем логика приверженности тем или иным «лагерям» и сложные дипломатические игры, — и в итоге привели к конкретным позитивным результатам. Процесс мирного перехода власти в ЮАР к черному большинству, несомненно, заслуга О. Тамбо, в течение десятилетий создававшего систему, благодаря которой АНК до сих пор остается правящей партией в Южно-Африканской Республике.

Библиографический список

- Давидсон А.Б., Филатова И.И. Россия и Южная Африка: наведение мостов. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012.
- Шубин В.Г. Африканский национальный конгресс в годы подполья и вооруженной борьбы. М.: Институт Африки, 1999.
- Урнов А.Ю. Политика ЮАР в Африке. М.: Наука, 1982.
- Callinicos L. Oliver Tambo: Beyond the Engeli Mountains. Claremont, South Africa Johannesburg: David Philip; Thorold's Africana Books Distributor, 2004.
- Crais C.C., McClendon T.V. The South Africa Reader: History, Culture, Politics. Durham: Duke University Press, 2014.
- Ellis S., Sechaba T. Comrades against Apartheid. The ANC and the South African Communist Party in Exile. London, Bloomington (Indiana), 1992.
- Feraudy Espino H. África en la Memoria. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales, 2012.
- Geldenhuys D. The Diplomacy of Isolation. South African Foreign Policy Making. Johannesburg, 1984.
- Jordan Z.P. Oliver Tambo Remembered. Johannesburg: Pan Macmillan, 2007.
- Lipton M. The South African Census and the Bantustan Policy // The World Today. 1972. Vol. 28. No. 6. P. 257—271.
- Macmillan H. The African National Congress of South Africa in Zambia: The Culture of Exile and the Changing Relationship with Home, 1964—1990 // Journal of Southern African Studies. 2009. Vol. 35. No. 2. P. 303—329.
- Mandela N., First R. No Easy Walk to Freedom: Articles, Speeches, and Trial Addresses. New York: Basic Books, 1965.
- Mandela, Tambo and the African National Congress. The Struggle against Apartheid, 1948—1990. A Documentary Survey / Ed. by Sh. Johns and R.H. Davis. New York, Oxford: Oxford University Press, 1995.
- Morgenstierne Ch.M. Denmark and National Liberation in Southern Africa. Uppsala: Nordiska Afrikainstitutet, 2003.
- Othman H. Reflections on Leadership in Africa : Forty Years after Independence: Essays in Honour of Mwalimu Julius K. Nyerere, on the Occasion of his 75th Birthday. Brussels: VUB University Press, 2000.

- Prevost G.* Revolutionaries in Power: The Evolution of the African National Congress // From Revolutionary Movements to Political Parties / Ed. by K. Deonandan, D. Close, G. Prevost. New York: Palgrave Macmillan, 2007. P. 133—156.
- Sundsgård E., Mabuza L.* African National Congress. To Sweden from ANC. Stockholm: Swedish Social Democratic Party, 1987.
- Tambo O.* 75 Years of Struggle. Bundoora, Vic.: LaTrobe University, 1987.
- Tambo O., Tambo A.* Preparing for Power: Oliver Tambo Speaks. New York: G. Braziller., 1988.
- Van Wyk C., Callinicos L.* Oliver Tambo. Cape Town: Maskew Miller Longman, 1994.

Дата поступления статьи: 07.11.2017

Для цитирования: Архангельская А.А. Международная политика Оливера Тамбо: уникальные особенности внешне-политического процесса ЮАР и личностный фактор // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 2. С. 293—301. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-293-301.

Сведения об авторе: Архангельская Александра Александровна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра исследований Юга Африки Института Африки РАН, ведущий научный сотрудник НИУ ВШЭ (e-mail: aarkhangelskaya@gmail.com).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-293-301

Oliver Tambo's International Policy: Unique Features of the South African Foreign Policy Process and Personality Factor

A.A. Arkhangelskaya

Institute for African Studies, RAS, Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation

Abstract. The aim of the work is to develop an understanding of the role of Oliver Tambo as the actual head of the foreign policy department of South Africa during the period of implementation of the policy of apartheid and the process of decolonization of the African continent. The author's thesis is that the African National Congress (ANC) foreign policy during the period of South Africa's activities as a state supporting racial segregation was of the nature of external representation. The development of foreign policy was identical to the formation of a new state. The uniqueness of the analyzed situation is expressed in the fact that for the first time in history, international relations were established not only by a party that does not politically agree with state ideology, but also does not show its loyalty to any political blocs. The theses presented by Oliver Tambo in the conditions of the Cold War were democratic, consistent with the principles of civil choice and were not identified as the need for armed confrontation. It is these aspects that enabled the transition of power to the radical majority to avoid prolonged civil wars or conflicts involving international armed groups. The basis of the methodology is the understanding of the international process during the liberation of Africa and the choice of allies for this process by representatives of the leading world powers.

The author uses the historical method and the method of direct oppositions of the position of Oliver Tambo and a significant number of ideological proposals from the leading world powers of the time under investigation. The article shows that the activities of Oliver Tambo fully comply with the regulations and traditions in the performance of their functions by the foreign affairs ministries. The author argues that the leading role of the ANC and O. Tambo in particular is to ensure the preservation of stability in the socio-economic development of South Africa with the transit of power in the 1990s and the preservation of the pace of development of South Africa in the 2000s. The work examines the period from the appointment of O. Tambo to the post of Secretary General of the ANC to his death. It is noted that, in addition to the revealed features of O. Tambo's activities for South Africa for the general theory of international relations, the above facts showed how to build cooperation with non-institutional actors in world politics.

Key words: Oliver Tambo, foreign policy, international relations, Africa, South Africa, apartheid, the African National Congress (ANC)

References

- Callinicos, L. (2004). *Oliver Tambo: Beyond the Engeli Mountains*. Claremont, South Africa Johannesburg: David Philip; Thorold's Africana Books distributor.
- Crais, C.C. & McClendon, T.V. (2014). *The South Africa Reader: History, Culture, Politics*. Durham: Duke University Press.

- Davidson, A.B. & Filatova I.I. (2012). *Russia and South Africa: Building Bridges*. Moscow: Higher School of Economics publ. (In Russian).
- Ellis, S. & Sechaba, T. (1992). *Comrades against Apartheid. The ANC and the South African Communist Party in Exile*. London, Bloomington (Indiana).
- Feraudy Espino, H. (2012). *África en la Memoria*. La Habana: Editorial de Ciencias Sociales.
- Geldenhuis, D. (1984). *The Diplomacy of Isolation. South African Foreign Policy Making*. Johannesburg.
- Johns, Sh. & Davis, R.H. (Eds.) (1995). *Mandela, Tambo and the African National Congress. The Struggle against Apartheid, 1948—1990. A Documentary Survey*. New York, Oxford: Oxford University Press.
- Jordan, Z.P. (2007). *Oliver Tambo Remembered*. Johannesburg: Pan Macmillan.
- Lipton, M. (1972.) The South African Census and the Bantustan Policy. *The World Today*, 28 (6), 257—271.
- Macmillan, H. (2009). The African National Congress of South Africa in Zambia: The Culture of Exile and the Changing Relationship with Home, 1964—1990. *Journal of Southern African Studies*, 35 (2), 303—329.
- Mandela, N. & First, R. (1965). *No Easy Walk to Freedom: Articles, Speeches, and Trial Addresses*. New York: Basic Books.
- Morgenstierne, Ch.M. (2003). *Denmark and National Liberation in Southern Africa*. Uppsala: Nordiska Afrikainstitutet.
- Othman, H. (2000). *Reflections on Leadership in Africa: Forty Years after Independence: Essays in Honour of Mwalimu Julius K. Nyerere, on the Occasion of his 75th Birthday*. Brussels: VUB University Press.
- Prevost, G. (2007) Revolutionaries in Power: The Evolution of the African National Congress. In: *From Revolutionary Movements to Political Parties* / Ed. by K. Deonandan, D. Close, G. Prevost G. Palgrave Macmillan, New York, p. 133—156.
- Shubin, V.G. (1999). *African National Congress in Time of Underground and Military Struggle*. Moscow: Institute for African Studies publ. (In Russian).
- Sundsgård, E. & Mabuza, L. (1987). *African National Congress. To Sweden from ANC*. Stockholm: Swedish Social Democratic Party.
- Tambo, O. & Tambo, A. (1988). *Preparing for Power: Oliver Tambo Speaks*. New York: G. Braziller.
- Tambo, O. (1987). *75 Years of Struggle*. Bundoora, Vic.: LaTrobe University.
- Urnov, A.Yu. (1982). *South African Politics in Africa*. Moscow: Nauka publ. (In Russian).
- Van Wyk, C. & Callinocos, L. (1994). *Oliver Tambo*. Cape Town: Maskew Miller Longman.

Received: 07.11.2017

For citations: Arkhangelskaya, A.A. (2019). Oliver Tambo's International Policy: Unique Features of the South African Foreign Policy Process and Personality Factor. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (2), 293—301. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-293-301.

About the author: Arkhangelskaya Alexandra Alexandrovna — PhD in History, Researcher, Center of Southern African Studies, RAS, Leading Researcher, Higher School of Economics (e-mail: aarkhangelskaya@gmail.com).

© Архангельская А.А., 2017

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-302-305

Studying IR in the Global South

*Interview with Professor Navnita Chadha Behera,
University of Delhi, India*

Abstract. Navnita Chadha Behera is Professor of International Relations at the Department of Political Science at the University of Delhi (India) and currently a Fulbright Visiting Fellow at the Sigur Centre for Asian Studies, George Washington University (USA). Dr. Behera is also presently Vice-President, International Studies Association (ISA) and Honorary Director, the Institute for Research on India and International Studies.

She is a former visiting scholar at the Brookings Institution. Dr. Behera is the author of *Demystifying Kashmir* [Behera 2006a], the editor of *Gender, Conflict and Migration* [Behera 2006b], *International Relations in South Asia: Search for an Alternative Paradigm* [Behera 2008] and *India Engages the World* [Behera, Vanaik 2013], and writes extensively on IR in South Asia.

In her interview, Prof. Behera talks about studying International Relations (IR) in the Global South countries, especially in India, and compares level and quality of education and academic approaches to IR Studies in both the Global North and the Global South. Prof. Behera also analyzes the possibility of Shanghai Cooperation Organization (SCO) to become a unified structure for the Eurasian states.

Key words: the Global South, International Relations, IR Study, Non-Western IR theories, India, Indian schools of IR, Shanghai Cooperation Organization (SCO)

— **Dear Dr. Behera, as we all know, in 2018 you were elected the Vice-President of International Studies Association. That obviously reflects the recognition of your status as a well-known IR scholar. Are the Global South scholars generally well represented in leading academic institutions and journals? Is their voice “heard” in global academic community?**

— Thanks for this opportunity to interact with you and through this dialogue to a wider community of IR scholars in Russia.

I think the field of IR has a long way to go to provide a more equitable platform for scholars from the Global South be it in terms of their representation in the global academic institutions as well as journals or books being published especially from the university presses around the world. This gap can be attributed to a host of factors including historical reasons — both the intellectual and institutional infrastructure of IR has remained centered predominantly in the Global North; disciplinary loci of IR as part

of the Political Science or Area Studies Departments in large parts of the Global South; lack of theoretical innovations both because the Global South scholars have focused more on empirical / policy issues facing their states / regions and, that their theoretical work has never got its due or commensurate recognition of qualifying as “theory” in the mainstream IR.

Having said that, the situation is certainly changing. There is a growing body of literature that underlines the need to listen to voices of the Global South through the debates on non- / beyond / post-western IR and this is also being reflected in both the published literature as well as global institutions of IR scholars. For instance, the World International Studies Committee has in the past few years focused its initiatives on developing networks among scholars from the Global South and the International Studies Association had instituted the Global South Task Force in 2016 to find ways to increase their participation in multiple ways. I had co-chaired this Task Force and many of the recommendations made by the Task

Force were adopted by the Governing Council of ISA in 2018. So, efforts are underway by diverse players at multiple levels but this remains a work-in-progress!

— **Your academic and professional background is quite fascinating. You got your PhD at the University of Kent (UK), you were invited as visiting scholar at the Brookings Institution and the University of Illinois (USA), you lectured at leading universities of Sweden, Italy, Poland, Hungary, etc. At the same time, in 2015—2018 you were the head of Department of political science at the University of New Delhi. Could you compare the level and quality of education and academic approaches to International Studies both in the North and the South?**

— I think the story of how we teach and “do” IR varies a great deal depending on your loci and yet the underlying foundational assumptions have not changed much which is what the scholarly community of IR needs to focus upon, in the years to come and this is necessary because the existing frames, narratives, methods and tools of IR are increasingly proving to be inadequate in the challenges international politics is throwing up both within different countries and in the international domain. So, both the pedagogy and practices of IR need to adapt/change given the rapidly changing nature of our global politics. Let me explain briefly through my personal experiences.

Teaching IR in the University of Delhi has been a challenge because, on the one hand, one is required to teach the basic cannon of IR theories to our students which means relying mostly on western textbooks and yet, their life worlds being radically different, one always has to modify / improvise and even challenge many of these theories to be able to equip them with the critical faculties to make better sense of their own world around them. The class debates in Poland and Hungary were not only different from the kind of class debates I have had in my campus but also distinct from those, say in the classrooms of Sweden and Italy. My current research of IR pedagogy in the USA has helped me learn the distinctions between International Relations being offered in some of its leading universities and, International Studies, being taught in many liberal arts schools which are mostly much smaller in scale and hence much more open to experimentation and open to multi-disciplinary debates in pursuing / teaching IR.

— **You took part in TRIP (Teaching, Research, and International Project) Survey, conducted by William and Mary College some years ago, and you are one of the key actors within the Global South Caucus of ISA. Could you please name the most interesting research initiatives (projects, edited volumes, conferences), aimed at studying IR beyond North America and Europe?**

— There are quite a few and I may not be able to list all of them, so let me give you some examples in which I have been personally involved.

I already listed two earlier in my conversation, the Global South Task Force that was instituted by then ISA President, T.V. Paul, and in this, the leadership of the Global South Caucus was an equal and important partner. As a result of this, ISA has already instituted an annual workshop for Emerging Global South Scholars Workshop. And, then there are the continuing such initiatives by the WISC led by Gunther Hellmann.

TRIP has been involved in undertaking such surveys for a very long time; what’s new is that they are beginning to include new states many of which are located in the Global South, for instance, in India, which was for the first time conducted in 2015, is a case in point. In terms of academic endeavors, an early important initiative was led by Arlene Tickner and Ole Weaver later joined by David Blaney, which started with a volume on *IR Scholarship Around the World* [Tickner, Waever 2009], in which I had contributed a chapter on South Asia and has now become a part of “Worlding Beyond the West” series by Routledge.

Another was led by Barry Buzan and Amitav Acharya on *Non-Western International Relations Theory* [Acharya, Buzan 2010], in which I had contributed a chapter on India. Acharya has since then led a drive on fashioning ‘Global IR’.

Many others including A. Tickner, D. Blaney, T. Trowsell, and myself along with many colleagues across Asia, Latin America and Africa besides of course parts of the Global North are currently involved in a new initiative titled “Doing IR Differently”, that is focusing attention on the relational thinking in IR by exploring other ways of knowing and being in the world or worlds and, other cosmological traditions around the world. Since many of us believe that urgent interventions are also needed in re-working the pedagogy of IR, an initiative is also underway to write a textbook on IR, which better captures the diverse, if not divergent realities of the Global South for IR students.

— In recent years China has been demonstrating the rise of new IR approaches and schools — moral realism (Yan Xuetong), Tianxia System (Zhao Tingyang), relational theory (Qin Yaqing), etc. These theories are in some way interlinked with the leading Western IR paradigms — realism, liberalism and constructivism. But at the same time, they introduce specific Chinese characteristics in IR field and, in this quality, contribute to the development of the IR discipline in general.

What about Indian schools of IR? What is the particularity of the Indian approach to understand and explain international politics? By the way, in this volume we publish a review of the book, issued by professor of your Department Deepshikha Shahi on Kautilya [Shahi 2018].

— You are right that in past one decade, we have witnessed robust debates within China on the IR theories and several important contributions on the Chinese schools of IR. However, I do not think there are any such parallel, systematic initiatives for promoting an Indian school of IR though in the past three years, I have led a small group of scholars who have been engaged in a research initiative on “Reworking the ‘Knowledge Structures’ in International Relations: Some Indian Contributions”, supported by the Indian Council for Social Science Research in India.

I would consider Deepshikha’s work on Kautilya and Adavita as part of this broad endeavor. That is because, I think that while all such endeavors are important to diversify the foundational and disciplinary knowledge base of IR, they also run the risk of being isolated or ghetto-ized in a corner of area studies; what is needed is a serious, multi-pronged critical mass of scholarship from around different parts of the world that is engaging with the fundamental assumptions, parameters, theories and methods of IR as such, I mean the mainstream IR. That is where we all need to focus our energies in the coming years and I certainly hope Russian scholars will become an integral part of such initiatives.

— In June 2017, India joined Shanghai Cooperation Organization (SCO) and now Russia and India are full members of common political

and security alliance. Of course, there are still many challenges within SCO. For example, our Bangladesh students here, at RUDN University, accuse Russia of becoming more pro-Pakistan after 2017. And it’s really difficult to convince them, that now we are all pro-SCO, not pro-Indian, or pro-Pakistan. There is still some misunderstanding between India and China, especially because of Chinese ‘String of Pearls’ strategy. Some experts assume that Russia is jealous about quite massive Chinese investment strategy in Central Asia, etc. Do you personally believe in SCO? Could this organization really unite most of the Eurasian states in close alliance, like it happened with Europe?

— SCO is important not just for exploring avenues for political and security alliances among the policy making communities of this region but also for helping forging new imaginations and solidarities among the member countries and peoples of these regions. I certainly believe SCO holds the potential of uniting the Eurasian states but for this they must actively consider buttressing their policy initiatives by building strong foundations for the same in the world of ideas. And, for this purpose, we need to create new forums and initiatives that bring the world of academia, think tanks and policy makers together. Along with China, I think other member states, especially Russia and India need to allocate much larger quantum of resources in order to materialize such ideas into reality.

— Could you tell us some Indian proverb that helps us to understand better the nature of international relations?

— No singular proverb comes to my mind which would single-handedly capture the nature of international relations. However, in view of the emerging global challenges especially relating to the rapid climate changes and radical policy shifts that are required by each country to save this planet, what I can think of, is “*Vasudhaiva Kutumbakam* (whole world is indeed one family)”, because its only by believing in the unity of human existence, can we earnestly make sacrifices needed by each state individually and collectively to save the humankind.

Interviewed by D.A. Degterev

References / Библиографический список

- Acharya, A. & Buzan, B. (Eds.). (2010). *Non-Western International Relations Theory: Perspectives On and Beyond Asia*. London and New York: Routledge.
- Behera, N.C. (2006a). *Demystifying Kashmir*. Brookings Institution Press.
- Behera, N.C. (Eds.). (2006b). *Gender, Conflict and Migration*. SAGE Publishing.
- Behera, N.C. (Eds.). (2008). *International Relations in South Asia: Search for an Alternative Paradigm*. SAGE Publishing.
- Behera, N.C. & Vanaik, A. (Eds.). (2013). *Political Science: Volume 4: India Engages the World*. Oxford University Press India.
- Shahi, D. (2018). *Kautilya and Non-Western IR Theory*. Palgrave Pivot. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-01728-6>.
- Tickner, A. & Waeber, O. (2009). *IR Scholarship around the World: Worlding Beyond the West*. Oxon: Routledge.

Received: 28.05.2019

For citations: Studying IR in the Global South. Interview with Professor Navnita Chadha Behera, University of Delhi, India. (2019). *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (2), 302—305. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-302-305.

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-302-305

Изучение международных отношений в странах «Глобального Юга»

Интервью с профессором Навнитой Чадха Бехерой, Университет Дели, Индия

Навнита Чадха Бехера — профессор международных отношений на факультете политических наук в Университете Дели (Индия) и в настоящее время приглашенный научный сотрудник Центра азиатских исследований Сигур, Университет Джорджа Вашингтона (США). Д-р Бехера является вице-президентом Ассоциации международных исследований (ISA) и почетным директором Института исследований Индии и международных отношений.

Навнита Бехера — бывший приглашенный ученый в Институте Брукинса. Автор книги «Демистифицируя Кашмир» [Behera 2006a], редактор монографий «Гендер, конфликт и миграция» [Behera 2006b], «Международные отношения в Южной Азии: поиск альтернативной парадигмы» [Behera 2008] и «Индия привлекает мир» [Behera, Vanaik 2013]. Много пишет о международных отношениях в Южной Азии.

В своем интервью профессор Н. Бехера рассказывает об изучении международных отношений в странах «Глобального Юга», особенно в Индии, и сравнивает уровень, качество образования и академические подходы к международным исследованиям в странах «Глобального Севера» и «Глобального Юга». Профессор Бехера также анализирует возможность Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) стать объединяющей структурой для евразийских государств.

Ключевые слова: «Глобальный Юг», международные отношения, международные исследования, незападные теории международных отношений, Индия, индийские школы международных отношений, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)

Дата поступления статьи: 28.05.2019

Для цитирования: Изучение международных отношений в странах «Глобального Юга». Интервью с профессором Навнитой Чадха Бехерой, Университет Дели, Индия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 2. С. 302—305. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-302-305.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-306-316

Образование детей международных мигрантов как вклад в устойчивое развитие?

Е.А. Омельченко

Московский педагогический государственный университет,
Москва, Российская Федерация

Согласно Повестке дня в области устойчивого развития, утвержденной Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций в 2015 г., к 2030 г. мировое сообщество должно обеспечить для всех жителей нашей планеты качественное образование и возможность обучения на протяжении всей жизни. Одной из наиболее уязвимых категорий населения являются дети из семей международных мигрантов. По состоянию на конец 2017 г. к этой категории относятся около 36 млн детей школьного возраста.

В статье рассматриваются проблемы образования детей из семей мигрантов в контексте необходимости достижения Целей устойчивого развития, установленных международным сообществом. Анализируется опыт Европы и России в сфере организации доступа детей из семей мигрантов к дошкольному, начальному и среднему образованию. Приводятся конкретные статистические данные о доле детей из семей международных мигрантов в образовательных учреждениях разных стран. Описываются некоторые подходы к их обучению и созданию благоприятной интеграционной среды. На основе анализа отечественных и зарубежных изданий и собственного исследовательского опыта автором выделяются основные проблемы, препятствующие интеграции детей из семей международных мигрантов в образовательный процесс.

Особое внимание уделяется вопросам обеспечения языковой и социокультурной адаптации обучающихся из семей мигрантов к образовательному процессу. Проводится анализ эффективности ряда конкретных интеграционных практик и возможности их применения в российских условиях. Показывается, что в России пока не сформированы подходы к диагностике процесса и результатов интеграции средствами образования, не разработана законодательная основа регулирования интеграционных процессов. Обосновывается необходимость разработки и реализации в российском образовательном пространстве единого концептуального подхода к социально-культурной, языковой и социально-психологической адаптации обучающихся из семей индигенных мигрантов. Доказывается, что образование этих детей — важный долгосрочный стратегический приоритет и инвестиция в будущее России и всего мира.

Ключевые слова: международная миграция, право на образование, образование детей мигрантов, доступ к образованию, адаптация и интеграция мигрантов, устойчивое развитие, образовательные результаты

В сентябре 2015 г. на 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН перед международным сообществом было поставлено 17 целей устойчивого развития и 169 соответствующих им задач¹. Четвертая глобальная цель сформулирована как «обеспечение всеохватного и справедливого качественного образования и поощрение возможности обучения на протяжении всей жизни для всех»². Образовательные учреждения мира долж-

ны ориентироваться на достижение этой цели, с учетом особенностей аудитории обучающихся. При этом сфера образования во всем мире подвергается серьезному влиянию из-за развивающихся процессов глобальной миграции. Статус международных мигрантов в конце 2017 г. имели около 258 млн человек на нашей планете. Из них 14% (более 36 млн) — это дети и молодые люди в возрасте до 20 лет³. В настоящей статье кратко анализируется зарубежный и российский опыт обеспечения доступа к образованию и интеграции

¹ Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. URL: <https://sustainabledevelopment.un.org/post2015> (дата обращения: 27.01.2018).

² Глобальная программа действий по образованию в интересах устойчивого развития. URL: <https://ru.unesco.org/node/280943> (дата обращения: 10.01.2019).

³ International Migration Report 2017: Highlights (ST/ESA/SER.A/404). URL: http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/MigrationReport2017_Highlights.pdf (accessed: 24.12.2018).

в принимающее общество детей — участников миграционных процессов.

В разных государствах к категории детей из семей мигрантов (иногда их также называют дети-мигранты или дети мигрантов) относят различные группы населения, единого подхода и единой терминологии пока не выработано даже в рамках Европейского союза. Самое популярное определение: дети, живущие не в той стране, в которой они родились. Далеко не всегда «дети мигрантов» — это дети, не имеющие гражданства. Так, в Великобритании дети британских граждан автоматически получают британское гражданство, даже если их родители родились за границей [Ридель 2007: 107].

В Германии детьми «иммигрантского происхождения» считают всех, чьи родители родились за границей, и к гражданству это понятие жестко не привязывается. В тех странах, где подобный статистический учет не ведется, международные организации при сборе данных о детях из семей международных мигрантов причисляют к детям-мигрантам всех детей, имеющих иностранное гражданство.

В Российской Федерации дети из семей мигрантов как социальная категория, требующая особого внимания, в том числе в сфере образования, пока практически не упоминается. В этой связи автор, рассматривая российские реалии, предпочитает пользоваться термином «дети из семей мигрантов», поскольку «мигрант» пока — единственный термин, используемый российским законодательством.

Доступ к образованию детей из семей мигрантов: законодательство и практика

Право на образование утверждено многими международными нормативными документами и является одним из базовых прав человека и ребенка. Об этом говорится в Конвенции о правах ребенка⁴, в Протоколе № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁵, во Всемирной

⁴ Конвенция о правах ребенка. Принята Резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 года. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения: 27.02.2018).

⁵ Протокол № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Париж, 20 марта 1959 г.). URL: <http://docs.cntd.ru/document/901867999> (дата обращения: 27.02.2018).

декларации «Об образовании для всех»⁶. Однако дети из семей мигрантов, иногда именуемые «невольными мигрантами», часто находятся в зоне риска с точки зрения доступа к получению качественного образования.

В большинстве стран мира сейчас доступ к базовому (начальному) образованию обеспечивается вне зависимости от правового положения ребенка⁷. По мере продвижения к уровню средней школы доступ к образованию сокращается, а качество его для детей из семей мигрантов может ухудшаться. В дополнение к этому до сих пор есть страны (например, Малайзия), где нелегальные мигранты не имеют права учиться в государственных школах, и эта ситуация получила отражение в законодательстве [Lumayag 2016: 192]. По статистике ЮНЕСКО, вообще не посещают школу примерно 1,75 млн детей в возрасте от 7 до 12 лет. Так, в Египте и Йемене процент детей, находящихся вне системы образования, составляет примерно 40%, а в пакистанских лагерях для беженцев доходит до 80%⁸.

В Российской Федерации действуют более 230 правовых актов, так или иначе регулирующих миграцию. Тем не менее, по мнению экспертов, единая и четкая система воздействия на миграцию до сих пор не сформирована [Назарова 2010: 42]. Требования Конвенции о правах ребенка и Конституции Российской Федерации (ст. 43, пп. 1—2, 4) в целом соблюдаются: право на начальное и даже на среднее образование большинство детей международных мигрантов получают, хотя и через преодоление ряда проблем. Технические сложности, которые возникают в процессе получения доступа, в основном связаны с переходом большинства регионов на электронную систему записи в образовательные организации (а для этого необходимо, например, наличие регистрации в системе пенсионного обеспечения — номера СНИЛС).

⁶ Всемирная декларация «Об образовании для всех». Джомтьен, 5—9 марта 1990 г. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0012/001211/121147r.pdf> (дата обращения: 27.02.2018).

⁷ Concept Note for the 2019 Global Education Monitoring Report on Education and Migration // UNESCO. 2017. URL: <https://en.unesco.org/gem-report/sites/gem-report/files/Concept%20Note%205%20April%20Final.pdf> (accessed: 24.12.2018).

⁸ Education: Gross Enrollment Ratio by Level of Education // UNESCO Institute of Statistics. 2016. URL: <http://data.uis.unesco.org/?queryid=142> (accessed: 26.11.2018).

Открытой статистики по детям из семей мигрантов, находящимся вне российской системы образования, в стране не имеется, но результаты экспертных опросов свидетельствуют о том, что далеко не все дети из семей мигрантов регулярно посещают детские сады и школы. Так, исследование проблем детей, не имеющих российского гражданства, проведенное в 2017 г. в Москве РОО «Центр миграционных исследований» (объем выборки — 529 иностранных граждан, имеющих детей в возрасте от 0 до 17 лет), показало, что школу не посещают около 15% детей школьного возраста (среди них выходцы из Сирии, Афганистана, Киргизии, Узбекистана), при этом 49% респондентов, дети которых посещают школу, сообщили о преодолении ряда проблем при их устройстве на учебу [Проблемы защиты прав детей... 2018: 74]. Предпринятые в 2010-х гг. исследования ЮНИФЕМ-МОТ, в рамках которых проводились выборочные опросы трудящихся мигрантов-женщин (Москва, Московская область, Самарская область, Санкт-Петербург), включали данные о проживании в России вместе с матерями детей до 16 лет. Оказалось, что из всех опрошенных около трети женщин живут в нашей стране вместе с детьми, при этом каждая десятая мама заявила, что дети школьного возраста в школу здесь не ходят, а четверть опрошенных заявила о наличии проблем при устройстве детей в школу [Тюрюканова и др. 2011: 47].

Чем выше уровень дохода жителей, тем меньше процент детей, которые не посещают школу. Средний показатель вовлеченности детей в школьное образование во всем мире составляет около 75%, в странах с низким уровнем дохода он, как правило, не превышает 40%⁹.

Дети из семей мигрантов в образовательных учреждениях: масштаб проблемы

С начала XXI в. в большинстве государств Европы стабильно растет доля детей иностранного происхождения среди учащихся общеобразовательных школ. Об этом свидетельствуют данные докладов Организации по безопасности и со-

трудничеству в Европе (ОБСЕ) о ситуации в таких странах, как Австрия, Дания, Ирландия, Нидерланды, Норвегия, Швеция, Финляндия и др. В основном рост происходит за счет детей иммигрантов из стран Азии и Африки, но для некоторых государств (например, Ирландии) характерно и появление довольно крупных групп иммигрантов из стран Восточной Европы. Растет доля именно тех детей, для которых государственный язык — основной язык обучения — не является родным. Так, в некоторых районах Вены, Гааги, Амстердама, Утрехта, Стокгольма, Мальмо и других крупных городов уже в 2007 г. каждый третий учащийся общеобразовательных школ относился к этой категории, и очевидно, что прошедшие десять лет еще увеличили соотношение в пользу детей из семей иммигрантов. Общее число таких детей в Италии (в том числе так называемых «иммигрантов второго поколения» — родившихся в семьях иностранцев, но уже в новой стране) составляло, по состоянию на 2013 г., около 760 тыс. человек, при этом большинство обучалось в школах севера страны [Омельченко 2018: 178—190].

По данным на 5 апреля 2016 г., на территории Российской Федерации находилось более миллиона иностранных граждан в возрасте до 17 лет¹⁰. Если при этом проанализировать статистику по целям их пребывания в России и не учитывать тех, кто находится в стране транзитом или в туристической поездке, а также малышей в возрасте до 3 лет, останется, по разным данным, от 600 до 800 тыс. юных иностранных граждан — потенциальных учащихся российских школ и воспитанников детских садов. К сожалению, более поздних данных по возрастному распределению иммигрантов, въезжающих в Российскую Федерацию, в открытых источниках пока не имеется, поэтому количественный анализ проблематики детей из семей иностранных мигрантов в российских школах крайне затруднен.

Не все страны, принимающие мигрантов, имеют необходимые ресурсы для адаптации системы образования под решение вопросов быстрого включения новых учеников в образователь-

⁹ Education: Gross Enrollment Ratio by Level of Education // UNESCO Institute of Statistics. 2016. URL: <http://data.uis.unesco.org/?queryid=142> (accessed: 26.11.2018).

¹⁰ Данные ГУВМ. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/11445156/> (дата обращения: 25.06.2018).

ную среду. Проблема не всегда в денежных ресурсах, но, например, в отсутствии необходимой инфраструктуры, быстро создать которую невозможно, особенно в условиях значительных миграционных потоков. Спрос на образование растет, изменяются демографические тренды, и следствием этих процессов нередко становится переполнение школ и ухудшение качества образования. Коллективы учащихся становятся более сложными с точки зрения языкового и этнического состава, разного уровня владения социальными нормами.

На основе анализа большого объема зарубежной и отечественной литературы и собственного исследовательского опыта автор может выделить следующие основные проблемы, препятствующие быстрому включению в образовательную среду детей из семей международных мигрантов:

1) недостаточный (или нулевой) уровень владения государственным языком — языком страны проживания;

2) несоответствие уровня знаний, полученных в стране исхода, образовательным стандартам нового государства проживания, делающее необходимым форсированную адаптацию ребенка из семьи мигрантов, которая ставит школу, учителя и ученика в экстремальное положение;

3) несоответствие возраста и уровня знаний в связи с разными требованиями и учебными программами в стране исхода и стране проживания;

4) ограниченные возможности школ по организации работы по языковой и социально-культурной адаптации детей из семей иноэтничных мигрантов в малых группах из-за недостаточности финансирования, выделяемого на эти цели;

5) изолированность детей из семей мигрантов от местных детей за пределами образовательной организации, ограниченные возможности совместного проведения досуга, в частности, в русскоязычной среде;

6) для подростков — низкая мотивация на достижение высоких образовательных результатов в связи с отсутствием возможности (в большинстве стран) получения бесплатного высшего образования и, соответственно, хорошо оплачиваемой работы в перспективе (кроме случаев оформления гражданства);

7) культурная дезориентация детей из семей мигрантов — состояние, когда традиционные цен-

ности как образец поведения уже могут быть утрачены, а нормы поведения, характерные для «новой родины», еще не вошли в привычку, что формирует угрозу девиантного поведения детей и подростков;

8) негативные стереотипы по отношению к иноэтничным мигрантам и даже, порой, ксенофобные настроения у части преподавательского состава, непосредственно взаимодействующего с детьми из семей мигрантов;

9) настороженное, а иногда и враждебное отношение к одноклассникам из семей иноэтничных мигрантов со стороны родителей «местных» детей, родившихся и выросших в конкретном регионе; при этом ксенофобные настроения родителей могут передаваться их детям;

10) ограниченные возможности целевого повышения квалификации и других форм непрерывного образования педагогов, работающих с детьми из семей иноэтничных мигрантов.

Интеграция детей из семей мигрантов средствами образования: из зарубежного опыта

В Европе понимание интеграции детей из семей иммигрантов в последние годы все больше связывается с общим пониманием социальной инклюзии. Регулярно выпускаются документы, посвященные проблемам улучшения интеграции иммигрантов через мультилингвальное образование (2005 г.), межкультурное образование (2006, 2008 гг.), подготовку учителей (2008 г.). В 2008 г. вышла Зеленая книга Европейской комиссии «Миграция и мобильность», которая спровоцировала широкое обсуждение с целью выявления образцов практики, наиболее эффективно способствующих повышению уровня образования детей из семей иммигрантов. Принятая Европейским союзом программа «Образование и подготовка 2010» [Teacher Education for Inclusion 2010: 11—12] формулирует следующие три задачи, связанные с интеграцией мигрантов: сокращение отсева из школ; грамотность в области чтения и письма; увеличение числа выпускников с общим средним образованием [Ломакина 2015: 124].

Соответственно, основными направлениями работы в сфере интеграции детей из семей иммигрантов в европейских странах определены:

1) интеграция детей из семей иммигрантов в дошкольное образование для улучшения знания языка и перспектив дальнейшего обучения; 2) реализация инициатив в области предотвращения отсева из школ и решения проблемы неблагоприятной социальной среды; 3) реализация внеурочных мероприятий, создание «местных партнерств», привлечение родителей, улучшение условий для работы педагогов и обучения учащихся.

Можно привести несколько конкретных примеров организации работы по интеграции детей из семей мигрантов в зарубежных странах. Это, например, организация бесплатных курсов по изучению языка принимающей страны, расширению охвата детей иммигрантов дошкольным воспитанием. Есть опыт создания в школах «классов выравнивания», реализации программ профессиональной ориентации для иммигрантской молодежи, ведется индивидуальная работа педагогов и психологов с детьми иммигрантов и родителями учащихся [Вульфсон 2015: 69]. В Нидерландах и Швеции новые учащиеся, не владевшие соответственно голландским и шведским языком, получали так называемые «языковые сертификаты», чтобы до поступления в школу пройти языковые курсы в районных общеобразовательных школах или специальных лингвистических центрах. Европейские эксперты считали, что направление этой категории учащихся в класс вместе с теми, кто знает основной язык обучения и готов к усвоению учебного материала, оказывало бы отрицательное влияние на качество образования и местных детей, и детей мигрантов.

В 1990-х и начале 2000-х гг. в Германии действовала национальная программа «ForMig», в рамках которой этническим меньшинствам помогали в освоении базовых учебных навыков. Особенно успешной была программа «Rucksackprojekt» в Берлине. В рамках этого проекта учителя начальных классов и воспитатели детских садов проводили инструктаж с родителями-мигрантами на их родном языке по поводу темы, которой будет посвящено следующее занятие. Родители, таким образом, имели возможность помогать своим детям в освоении школьной программы. И сейчас в разных федеральных землях Германии школы имеют собственные программы по поддержке иностранных детей в изучении не-

мецкого языка [Уша 2014: 29]. Помощь может оказываться в формате подготовительных классов для иностранных учащихся-инофонов; в формате языковых курсов, которые совмещают обучение по основным предметам с интенсивным обучением немецкому языку; в формате двуязычных курсов на немецком и родном языках; в формате интенсивных курсов немецкого как иностранного и через вспомогательные уроки для учащихся интегрированных классов, нуждающихся в улучшении коммуникативных навыков на немецком языке. Для языковой адаптации детей-инофонов созданы программы дополнительного обучения чтению и письму, реализуемые на базе школы во внеурочные часы. Проводятся уроки по сохранению национальной самобытности и родного языка детей из семей иноэтничных мигрантов, а также для сохранения культурной самобытности иностранным обучающимся преподают на их родном языке географию, историю и культуру их родной страны.

Законом Итальянской Республики запрещено создавать специальные классы для детей иммигрантов, но по правилам не рекомендуется зачисление в класс более пяти детей — неитальянцев, принадлежащих к одной языковой группе, чтобы избежать процесса «анклавизации» внутри класса [Животовская 2006: 128]. Первоначально в итальянских школах не предусматривалось создание специальных условий для изучения итальянского языка. Предполагалось, что метод «погружения» обеспечит успешную языковую адаптацию для всех категорий «новых итальянцев». Однако на практике эти ожидания не всегда оправдывались, и многие учителя, имеющие в своих классах иноэтничных мигрантов, проводили дополнительные занятия по итальянскому языку.

Например, для учащихся начальных классов предусматривались: специальный курс углубленного изучения итальянского языка перед началом учебного года; специальные программы обучения грамотности, выполнение которых постоянно контролируется в течение учебного года; прикрепление наставника, отслеживавшего ситуацию с обучением учащегося-иммигранта. При этом в школе создавались условия для ознакомления всех учащихся с культурой стран, откуда приехали школьники-иммигранты. Параллельно предлагались программы для сохранения детьми из семей

иммигрантов родного языка и культуры: так, в некоторых школах действовали двухлетние курсы изучения письменного арабского языка, чтобы привлечь детей из семей мигрантов-мусульман к посещению обычных школ [Животовская 2006: 129, 138—139].

Интеграционные программы: оценка эффективности

На эффективность обучения детей из семей мигрантов сильно влияют особенности конкретной школы и шире — действующей в стране системы образования. При подобном происхождении и социально-экономическом положении дети могут демонстрировать разные образовательные результаты, и определяться это будет той школой, которую они посещают. Так, у детей с родным арабским языком в Нидерландах фиксируются более высокие результаты, чем у тех, которые уехали с родителями жить не в Европу, а в Катар¹¹.

Организационный аспект языковой адаптации детей из семей мигрантов — один из наиболее сложных и дискуссионных. Следует ли сразу вводить детей из семей мигрантов в основные классы? Или на первом этапе адаптировать их в особые языковых группах, обеспечивая интенсивное изучение нового для них, государственного языка? Данные Организации по экономическому сотрудничеству и развитию 2015 г. свидетельствуют о том, что дети из семей мигрантов, пережившие «погружение» в основные классы, в 15-летнем возрасте показали более высокие результаты на тестировании PISA. Есть мнения, что при выделении детей из семей мигрантов в работающие по своему плану языковые группы у таких учеников формируются и закрепляются ощущения «отличия, заниженной самооценки и стереотипного восприятия своей культуры» [Ломакина 2015: 22]. При этом уровень освоения ими языковых норм и правил, объем новой лексики может оказаться значительно выше, чем у детей, обучавшихся по схеме «погружения», ведь они посещали отдельные занятия с целью интенсивного изучения языка.

¹¹ Helping Immigrant Students to Succeed at School — and Beyond // OECD Publishing, Paris. 2015. URL: <https://www.oecd.org/education/Helping-immigrant-students-to-succeed-at-school-and-beyond.pdf> (accessed: 22.12.2018).

Еще один вопрос, занимающий исследователей, связан с использованием родного языка в программах обучения и адаптации мигрантов. С одной стороны, специалистами доказано, что начальное обучение на родном языке дает детям возможность лучше освоить базовые навыки, применение родного языка поддерживает в детях чувство самоуважения и способствует достижению ими лучших образовательных результатов [Taguma, Kim, Brink, Teltemann 2010]. В ряде государств прилагаются определенные усилия для официального признания важности обучения детей на их родном языке и внедрения соответствующих адаптационных программ. Опыт этих государств можно использовать как пример организации учебного процесса для детей мигрантов. Например, в 1977 г. Швеция ввела программы обучения на родном языке для детей из семей мигрантов, основываясь на уже имевшемся опыте преподавания на родном языке проживающим в этой стране меньшинствам — саами и финнам [Jacobs 2013: 6]. Другие страны, однако, не принимают данный подход, полагая, что использование родного языка в обучении удлиняет адаптационные процессы и отдаляет перспективу интеграции.

В целом опыт зарубежных стран по интеграции детей из семей мигрантов можно оценить положительно. Так, сравнительное исследование турецких мигрантов в ряде европейских стран показало, что социальные системы, где осуществляется поддержка мигрантов, ассоциируются с большей экономической мобильностью второго поколения мигрантов [Schnell 2014]. Данные исследования PISA об образовательных результатах мигрантов второго поколения доказывают, что успехи учеников находятся в прямой зависимости от уровня образования их родителей. Это означает, что успешная интеграция первого поколения мигрантов в образовательное пространство, скорее всего, приведет через поколение к полной и успешной интеграции в принимающее общество их детей. Вклад в адаптацию сферы образования под потребности детей из семей иноязычных и инокультурных мигрантов помогает принимающей стране своевременно отвечать на вызовы, лучше решать возникающие проблемы, а также эффективнее использовать возможности, которые приносит стране миграция.

Из опыта интеграции детей из семей мигрантов в российских школах

В Российской Федерации пока не существует государственного, даже рамочного регулирования системы интеграции мигрантов посредством образования. В каждом регионе и в каждой образовательной организации пути к решению проблем, возникающих в ходе адаптации таких учеников, ищут самостоятельно. Начиная с 2000 г. профильное министерство не издало ни одного нормативного или хотя бы рекомендательного методического документа, который бы регулировал сферу обучения и интеграции детей из семей мигрантов средствами образования.

Единственным документом на уровне Министерства общего и профессионального образования РФ (ныне — Министерства просвещения), известным автору данной статьи и упоминающим проблемы языковой и социально-культурной адаптации детей из семей мигрантов, являются Рекомендации по организации обучения детей из семей беженцев и вынужденных переселенцев в общеобразовательных учреждениях Российской Федерации¹². В нем органам управления образования в субъектах РФ предложен ряд мер, необходимых для организации обучения такого контингента детей, включая слабо владеющих русским языком. Министерство подтверждает право вышеупомянутого контингента детей на получение школьного образования и рекомендует вовлечь в комплексную работу по интеграции таких детей в образовательную среду весь педагогический коллектив образовательного учреждения, упоминая о проблеме как языковой, так и социально-психологической адаптации.

Авторами документа допускается возможность организации подготовительных занятий по русскому языку для детей, слабо им владеющих, и даже рекомендуются определенные учебники. Говорится и о важности проведения пропедевтических курсов, вводящих будущих учеников в ту или иную область науки и знакомящих их с основными понятиями. Предусмотрена не-

обходимость подготовки учителей к работе с детьми из семей мигрантов: местным (региональным) институтам повышения квалификации работников образования советуют организовать курсы переподготовки и разработать соответствующие пособия. А в классах «компенсирующего обучения» (так в документе именуется группы интенсивной подготовки детей из семей беженцев и вынужденных переселенцев) предлагается делить классы на группы и проводить дополнительные занятия, в том числе за счет вариативной части базисного учебного плана. Прописана даже рекомендованная длительность таких занятий: в начальной школе — 1—2 часа в неделю, в основной и старшей школе — от 2 до 4 часов в неделю. В качестве итогового экзамена по русскому языку в девятом классе для таких детей предлагалось изложение без грамматических заданий как для учащихся школ с родным (нерусским) языком обучения.

Из описания данного рекомендательного документа видно, что за почти 20 лет многое изменилось: часть используемых понятий уже не соответствует действующим сейчас нормативным документам (уже нет базисного учебного плана, кардинально изменен порядок финансирования образовательных организаций, исчезли классы компенсирующего обучения, итоговый экзамен по русскому языку стал единым для всех и т.п.). Тем не менее, других регулирующих документов не издавалось, хотя и названный сформировал неплохую основу для проявления инициатив в конкретных субъектах Российской Федерации. Наиболее значимым и успешным является опыт московской системы образования по созданию так называемых «Школ русского языка» и общей системы языковой и социально-культурной адаптации детей из семей мигрантов, описанный в ряде статей и монографий (см., например: [Интеграция мигрантов... 2008]). С 2006 по 2012 г. в Москве действовала сеть подготовительных групп на базе общеобразовательных школ, где ежегодно проходили интенсивную языковую и социально-культурную адаптацию около 500 школьников из 25—34 зарубежных стран.

Модель одногодичной «Школы русского языка» как средства адаптации и интеграции детей мигрантов была востребована и вызывала большой интерес у регионов России и зарубежных

¹² Письмо Министерства общего и профессионального образования РФ от 7 мая 1999 г. № 682/11-12. URL: <http://docs.cntd.ru/document/58863360> (дата обращения: 27.02.2018).

стран. Но в связи с внедрением в Москве (а чуть позже — и на федеральном уровне) новых принципов финансирования образования с 2013 г. расходы по содержанию «Школ русского языка» постепенно перекладывались на бюджет самих образовательных организаций. Численность групп, в которых обучаются русскому языку дети мигрантов, не может, по международным стандартам, превышать 8—12 человек, иначе процесс обучения будет неэффективным. Поддерживать в течение года такие маленькие подготовительные классы стало невыгодным и, соответственно, нежелательным даже для тех школ, где традиционно училось много детей-инофонов.

С 2012—2013 гг. системная работа по адаптации и интеграции мигрантов в столичной системе образования отошла на второй план. Более важными стали задачи укрупнения московских образовательных организаций — создания больших образовательных комплексов, внедрения новых управленческих и финансовых механизмов, повышения качества образования и участия в разнообразных международных рейтингах. Постепенно «Школы русского языка» стали одна за другой закрываться, с наступлением 2017/2018 учебного года их работа была полностью прекращена. Таким образом, уникальный опыт, наработанный в московской системе образования, сейчас остается невостребованным и, к сожалению, не имеет развития.

В других субъектах РФ также отработывался ряд методик и технологий адаптации и интеграции мигрантов (в том числе детей) средствами образования. Центры дополнительного изучения русского языка работали на протяжении ряда лет в нескольких школах Красноярска [Петрищев 2014: 6—7], и представители красноярской педагогической общественности последовательно продолжают доказывать необходимость изучения учителями основ «культуры тех народов, детей которых они обучают, чтобы установить хоть какое-то взаимопонимание», а также организации «специальной подготовки учителя к работе с таким контингентом учащихся».

В Пермском крае в 2000-х гг. в тесном взаимодействии с общественными и национально-культурными организациями реализовывался проект «Школа мигранта», включавший 40-часовой курс занятий по таким темам, как миграци-

онное право и миграционная политика России, психология межэтнической напряженности, этническая история Урала и Прикамья, история (в том числе исторические сведения об этнической группе, представители которых посещали занятия), курс интенсивного изучения русского языка [Мусин 2010: 105]. Интенсивное изучение русского языка для школьников из семей мигрантов в обычных школах не вводилось, но для этого использовался ресурс учреждений с этнокультурным компонентом образования (где русский язык преподавался как неродной), которых в Пермском крае немало.

Интересен опыт образовательных организаций региона Ханты-Мансийский автономный округ — Югра (ХМАО — Югра). Обучение детей в школах этого региона осуществляется по стандартной программе, в обычных классах, но и с использованием дополнительных часов на языковую подготовку [Зборовский, Шуклина, Засыпкин 2015: 94]. Практически каждая школа в ХМАО — Югре имеет серьезные проекты по формированию культуры толерантности, организована воспитательная работа через внеучебные мероприятия: конкурсы, праздники, фестивали, посвященные национальным культурам. Эти мероприятия не только знакомят учащихся с культурой других народов, но и дают возможность увидеть ее проявления в своих одноклассниках, людях, которые окружают их ежедневно, что крайне важно.

Распространенной ошибкой при организации обучения и адаптации детей из семей мигрантов является их объединение в одни группы с детьми с ограниченными возможностями (в российской традиции такие группы назывались коррекционными классами). Языковые проблемы часто принимаются школой за недостаточный уровень развития, результатом становится неправильное управленческое решение. Такой подход только подчеркивает отличия детей мигрантов от их сверстников в принимающей стране и негативно влияет на интеграцию в новую образовательную среду [Waslin 2016].

Ключевые выводы

Сфера образования является ключевым инструментом интеграции мигрантов в принимающее общество. Образовательные учреждения

на практике решают задачу адаптации учащихся из семей иностранных мигрантов, содействуют их социализации и аккультурации в новых условиях — даже тогда, когда культурная дистанция между иммигрантами и основным населением довольно большая. Это способствует достижению не только четвертой, но и других Целей устойчивого развития.

В мире накоплен достаточно обширный опыт реализации программ, направленных на интеграцию мигрантов в сфере образования. Оценивать его как однозначно успешный опыт пока рано, поскольку миграционная ситуация постоянно меняется, а на успешность интеграции влияет множество факторов. Однако ряд успешных практик применим и в современных российских условиях.

Несмотря на позитивный опыт ряда российских регионов, в российском образовательном пространстве общая концепция социально-культурной, языковой и социально-психологической адаптации обучающихся из семей иноэтничных мигрантов до сих пор не разработана. Не сформированы подходы к диагностике процесса и результатов интеграции средствами образования, не создано законодательной основы регулирования интеграционных процессов. Это проблемы, которые требуют срочного решения с активным участием российских органов власти и гражданского общества. Обеспечение получения детьми из семей мигрантов качественного образования — это вклад не только в их будущее, но и в будущее всего населения их стран, в будущее мира, вклад в устойчивое развитие.

Библиографический список

- Вульфсон Б.Л. Аккультурация иммигрантов на европейском образовательном пространстве. М.: МПСУ, 2015.
- Животовская И.Г. Иммигранты в Италии: проблемы интеграции // Актуальные проблемы Европы. Иммигранты в Европе. Проблемы социальной и культурной адаптации: сборник научных трудов РАН. М.: ИНИОН, 2006. С. 115—151.
- Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А., Засыпкин В.П. Образовательно-адаптационные практики трудовых мигрантов и их детей (на материалах исследований в ХМАО-Югре) // Социология образования. 2015. № 3. С. 70—83.
- Интеграция мигрантов средствами образования: опыт Москвы. М.: Этносфера, 2008.
- Ломакина И.С. Проблемы мультикультурализма в сфере образования ЕС // Педагогика. 2015. № 2. С. 118—126.
- Мусин Д.А. Этнокультурная политика в Пермском крае: опыт гармонизации межнациональных отношений // *Acta Administrandi*. 2010. № 2. С. 97—113.
- Назарова Е.А. Внешние мигранты в Москве и их влияние на современные социальные процессы: автореф. дис. ... д-ра социол. н. М., 2010.
- Омельченко Е.А. Интеграция мигрантов средствами образования: российский и мировой опыт. М.: Этносфера, 2018.
- Петрищев В.И. Социально-культурная адаптация детей из семей мигрантов: причина успехов в учебе одних мигрантов и неудач других // Социально-культурная адаптация и интеграция мигрантской молодежи к поликультурному образовательному пространству. Проблемы, поиски, решения. Красноярск: КГПУ, 2014.
- Проблемы защиты прав детей, не имеющих гражданства Российской Федерации, в городе Москве. М.: 2018. URL: <https://is.gd/oe30xS> (дата обращения: 10.01.2019).
- Ридель С. Мусульмане в Европейском союзе. Национальные концепции интеграции в сравнении // Вестник аналитики. 2007. № 2. С. 103—115.
- Тюрюканова Е.В., Зайончковская Ж.А., Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В., Полетаев Д.В., Флоринская Ю.Ф. Женщины-мигранты из стран СНГ в России / под ред. Е.В. Тюрюкановой. М.: МАКС Пресс, 2011.
- Уша Т.Ю. Опыт языковой адаптации инофонов как отражение миграционной политики // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2014. № 170. С. 26—34.
- Jacobs D. The Educational Integration of Migrants. What is the Role of Sending Society Actors and Is There a Transnational Educational Field? INTERACT Research Report 2013/03. URL: <http://www.interact-project.eu/docs/publications/Research%20Report/INTERACT-RR-2013-03.pdf> (accessed: 24.12.2018).
- Lumayag L.A. A Question of Access: Education Needs of Undocumented Children in Malaysia // *Asian Studies Review*. 2016. Vol. 40. No 2. P. 192—210. DOI: <https://doi.org/10.1080/10357823.2016.1158238>.
- Schnell P. Education Mobility of Second-Generation Turks. IMISCOE Research Series. 2014. URL: <https://www.imiscoe.org/publications/library/2-imiscoe-research-series/6-educational-mobility-of-second-generation-turks> (accessed: 24.12.2018).
- Taguma M., Kim M., Brink S., Teltemann J. Sweden. OECD Reviews of Migrant Education. 2010. URL: <https://www.oecd.org/sweden/44862803.pdf> (accessed: 13.11.2018).

Teacher Education for Inclusion. International Literature Review. European Agency for Development in Special Needs Education. 2010. URL: <https://www.european-agency.org/sites/default/files/TE4I-Literature-Review.pdf> (accessed: 13.01.2019).

Waslin M. Undocumented Children Face These Challenges in Accessing Public Education. URL: <http://immigrationimpact.com/2016/04/14/undocumented-children-public-education/> (accessed: 24.12.2018).

Дата поступления статьи: 13.02.2019

Для цитирования: Омельченко Е.А. Образование детей международных мигрантов как вклад в устойчивое развитие? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 2. С. 306—316. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-306-316.

Сведения об авторе: Омельченко Елена Александровна — кандидат исторических наук, директор Центра историко-культурных исследований религии и межкультурных отношений, профессор Московского педагогического государственного университета (e-mail: ea.omelchenko@mpgu.su).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-306-316

Education of International Migrants' Children: A Contribution to the Sustainable Development?

E.A. Omelchenko

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

Abstract. Due to the Agenda for Sustainable Development adopted by the UN General Assembly in 2015, the world community is to obtain a quality education and a possibility for life-long education for everybody. Children from the families of international migrants are the most vulnerable category of the population. At the end of 2017 nearly 36 million of school age children grew in the families of international migrants. The author describes problems of the education of migrants' children in the context of the importance of achieving Sustainable Development Goals, stated by the international community.

There is an analysis of the European and Russian experience in the sphere of organizing access of migrants' children to pre-school, primary and secondary education. The author has gathered concrete statistics concerning the percentage of international migrants' children at schools in different countries. Some approaches to teaching and creating a comfortable integration-oriented environment for such children are described. Based on analyzing Russian and foreign publications, as well as on her own research experience, the author names main problems that prevent international migrants' children from the integration into a new educational environment.

Special attention is paid to the linguistic, social and cultural adaptation of such pupils. The efficiency of several concrete integration practices and the potential to apply them in Russia is searched. The author shows that there are no approaches to diagnose processes and results of integration by means of education. There is also no legislative basis for the regulation of such processes. It is shown that it is crucial for Russia to elaborate and implement the united conceptual approach to the organization of social, cultural, linguistic and psychological adaptation of children from the families of international migrants. The author proves that the education of such children is an important strategic priority and investment into the future of the whole world.

Key words: international migration, right for education, education of migrants' children, access to education, adaptation and integration of migrants, sustainable development, educational achievements

References

- Integration of Migrants by Means of Education: Moscow Experience*. (2008). Moscow: Etnosfera publ. (In Russian).
- Jacobs, D. (2013). *The Educational Integration of Migrants. What Is the Role of Sending Society Actors and Is There a Transnational Educational Field?* INTERACT Research Report, March. URL: <http://www.interact-project.eu/docs/publications/Research%20Report/INTERACT-RR-2013-03.pdf> (accessed: 24.12.2018).
- Lomakina, I.S. (2015). Problems of Multiculturalism in the Sphere of Education in the European Union. *Pedagogics*, 2, 118—126. (In Russian).
- Lumayag, L.A. (2016). A Question of Access: Education Needs of Undocumented Children in Malaysia. *Asian Studies Review*, 40 (2), 192—210. DOI: <https://doi.org/10.1080/10357823.2016.1158238>.

- Musin, D.A. (2010). Ethno-Cultural Policy in Permskij Kraj: the Experience of Harmonization of Inter-Ethnic Relations. *Ars Administrandi*, 2, 97—113. (In Russian).
- Omelchenko, E.A. (2018). *Integration of Migrants by Means of Education: Russian and World Experience*. Moscow: Etnosfera publ. (In Russian).
- Petrishchev, V.I. (2014). Social and Cultural Adaptation of Children from Migrants' Families: the Reason of Success in Teaching Some Migrants and Non-Success in Teaching Others. In: *Social and Cultural Adaptation and Integration of Migrant Youth to a Multicultural Educational Environment. Problems, Searches, Solutions*. Krasnoyarsk: KGPU publ. (In Russian).
- Problems of Defending the Rights of Children Who Do Not Have Russian Citizen in Moscow*. (2018). Moscow. URL: <https://is.gd/oe30xS> (accessed: 27.01.2018). (In Russian).
- Ridel, S. (2007). Muslims in the European Union. Comparing National Concepts of Integration. *Bulletin of Analytics*, 2, 103—115. (In Russian).
- Schnell, P. (2014). *Education Mobility of Second-Generation Turks*. IMISCOE Research Series. URL: <https://www.imiscoe.org/publications/library/2-imiscoe-research-series/6-educational-mobility-of-second-generation-turks> (accessed: 24.12.2018).
- Taguma, M., Kim, M., Brink, S. & Teltemann, J. (2010). Sweden. *OECD Reviews of Migrant Education*. URL: <https://www.oecd.org/sweden/44862803.pdf> (accessed: 13.11.2018).
- Teacher Education for Inclusion (2010). *International Literature Review*. European Agency for Development in Special Needs Education. URL: <https://www.european-agency.org/sites/default/files/TE4I-Literature-Review.pdf> (accessed: 13.01.2019).
- Tyuryukanova, E.V., Zajonchkovskaya, Zh.A., Karachurina, L.B., Mkrtchyan, N.V., Poletaev, D.V. & Florinskaya, Yu.F. (2011). *Migrant Women from the CIS Countries in Russia*. Moscow: MAX Press publ. (In Russian).
- Usha, T.Yu. (2014). The Experience of Linguistic Adaptation of Migrants' Children as a Reflection of Migration Policy. *News of Herzen Russian State Pedagogical University*, 170, 26—34. (In Russian).
- Vulfson, B.L. (2015). *Acculturation of Migrants in the European Educational Space*. Moscow: MPSU publ. (In Russian).
- Waslin, M. (2016). *Undocumented Children Face These Challenges in Accessing Public Education*. URL: <http://immigrationimpact.com/2016/04/14/undocumented-children-public-education/> (accessed: 24.12.2018).
- Zborovskij, G.E., Shuklina, E.A. & Zasyrkin, V.P. (2015). Educational and Adaptation Practices of Labour Migrants and Their Children (based on the data of the research in Khanty-Mansijsk Autonomous Region). *Sociology of Education*, 3, 70—83. (In Russian).
- Zhivotovskaya, I.G. (2006). Immigrants in Italy: Problems of Integration. In: *Actual Problems of Europe. Immigrants in Europe. Problems of Social and Cultural Adaptation*. Collection of scientific articles of the Russian Academy of Science. Moscow: INION publ. (In Russian).

Received: 13.02.2019

For citations: Omelchenko, E.A. (2019). Education of International Migrants' Children: A Contribution to the Sustainable Development? *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (2), 306—316. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-306-316.

About the author: *Omelchenko Elena Aleksandrovna* — PhD in History, director of the Center for Historical and Cultural Studies of Religion and Cross-Civilizational Relations, professor, Moscow State Pedagogical University (e-mail: ea.omelchenko@mpgu.s).

© Омельченко Е.А., 2019

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-317-319

**Рецензия на учебное пособие:
Исламская общественно-политическая мысль
перед вызовами современности / под ред. Л.М. Ефимовой,
М.А. Сапроновой. — М.: МГИМО-Университет, 2018. — 192 с.**

Г.Н. Валиахметова

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Российская Федерация

Вопрос о путях адаптации исламского мира к набирающим динамику масштабным трансформациям международно-политического развития XXI в. остается предметом острых научных и политических дискуссий. Скептики доказывают методологическую уязвимость изучения религиозного измерения социально-политических процессов как таковых и ставят под сомнение саму возможность выработать конструктивный ответ на глобальные вызовы современности в рамках исламской традиции, подпитывая тем самым широко растиражированный на Западе стереотип об отсталости и консервативности мусульманских сообществ. Мусульманские богословы и интеллектуалы со своей стороны считают обреченными на провал попытки изучения ислама иноверцами. Российская исламоведческая школа занимает особое, по сути промежуточное, место между западными исламскими исследованиями и собственно исламскими науками о вере, стремясь придерживаться сбалансированных научных подходов к изучению традиционного и современного ислама [Аликберов 2016: 6—22].

В этом отношении учебное пособие, подготовленное коллективом авторов МГИМО-Университета, выполнено в лучших традициях российского академического исламоведения. В нем отсутствуют оценочные суждения в рамках дихотомий «прогрессивное — консервативное», «передовое — отсталое», «позитивное — негативное», «светское — религиозное»; авторы не стремятся вступить в дискуссию с представителями различных идеологических течений со-

временного ислама и не ставят своей задачей рассмотреть все разнообразие альтернативных исламских проектов. «Пособие только знакомит с основными идейными направлениями, ...представленными политическими деятелями и идеологами разных мусульманских государств... Предполагается выявить специфику отражения в их взглядах глобальных вызовов современности и рассмотреть их в конкретно-страновом преломлении, проанализировав воздействие той или иной теории на политическое развитие государства и общества» [Исламская общественно-политическая мысль... 2018: 8].

Обозначенное авторами предметное поле обусловило структуру учебного пособия и критерии отбора материалов, которые позволили наглядно проиллюстрировать исключительное многообразие подходов и противоречивость идеологических исканий современной исламской мысли. Здесь в равной степени представлены концепции фундаменталистского и реформистского (модернистского) толка ислама и вполне обоснованно сделан акцент на отсутствии в современном исламоведческом дискурсе единого категориального аппарата. В этой связи авторы предлагают обобщенный подход к содержанию терминов «фундаментализм» и «реформизм», что позволяет раскрыть общие черты доктрин и течений, присущих соответствующим направлениям политического ислама.

Географический охват работы (Иран, Пакистан, Палестина, Египет, Алжир, Тунис, Индонезия, Малайзия) подчеркивает особенности экст-

раполяции глобальных мегатрендов на региональные и страновые уровни, а также высвечивает круг проблем развития отдельных стран, требующих решения в рамках исламской традиции. На фоне довольно обширной научной литературы, посвященной воззрениям мусульманских идеологов, безусловно, новаторским является обращение авторов пособия «к анализу их взглядов как на глобальные проблемы, так и на проблемы хозяйственного развития отдельных стран традиционного распространения ислама» [Исламская общественно-политическая мысль... 2018: 7—8]. Поэтому не случаен и отбор персоналий, представленных в пособии: аятолла Р.М. Хомейни, Аббаси Мадани, Рашид аль-Ганнуши, шейх Ахмед Исмаил Ясин, Джавед Ахмад Гамиди и др. — все они не только теоретики, но и практики. Практическая деятельность оказала существенное влияние на эволюцию их воззрений, подтверждая тезис о том, что «их победа на политическом поприще зачастую приводит к размышлению самой идеи исламизма и демонстрирует зыбкость исламской политической конструкции, нечеткость ее теоретических положений» [Исламская общественно-политическая мысль... 2018: 13]. Иными словами, практика свидетельствует о том, что реалии повседневной жизни продвигают исламский мир гораздо дальше по пути интеграции в общемировые процессы, нежели исламская общественно-политическая мысль, которая стремится концептуально обосновать условия и пределы подобного вектора развития.

Несомненным достоинством учебного пособия являются глубоко проработанные дидактические разделы. В библиографические списки включены труды ведущих отечественных и зарубежных исламоведов, отражающие различные методологические подходы к изучению ислам-

ской интеллектуальной мысли и ее влияния на социально-политические трансформации в мусульманских странах и сообществах. Задания для самостоятельной работы нацелены на развитие у студентов навыков системного анализа и формирование критического мышления, толерантности, понимания специфики интеграции исламского мира в глобальные процессы современности. Эти навыки исключительно важны для профессионального становления будущих востоковедов, регионоведов и международников, которые и являются главной целевой аудиторией авторов публикации.

Нельзя обойти вниманием еще одну особенность пособия — это блестящий литературный стиль и умение авторов доступным для студентов языком излагать результаты системного анализа довольно сложных социально-политических явлений. Это свидетельствует о глубоких теоретических знаниях и наличии внушительного практического опыта у авторского коллектива, который представлен авангардом российского востоковедения (Л.М. Ефимовой, М.А. Сапроновой, С.Б. Дружиловским, Б.В. Долговым, Ю.Н. Зининым, А.В. Крыловым, В.М. Морозовым, Н.В. Мелехиной).

В целом, с точки зрения методологических подходов и методических приемов, структуры и содержания, принципов систематизации и форм изложения материала, информационной насыщенности и практической значимости, рецензируемое издание должно стать заметным явлением не только в образовательном сегменте российского исламоведения. Пособие также вносит существенный вклад в углубленное понимание особенностей исламской общественно-политической мысли и ее роли в процессе поиска конструктивных ответов на глобальные вызовы современности.

Библиографический список

- Аликберов А.К. Исламский взгляд на западное исламоведение // Ал-Вири М. Изучение ислама на Западе. М.: ООО «Садра», 2016. С. 6—22.
- Исламская общественно-политическая мысль перед вызовами современности / под ред. Л.М. Ефимовой, М.А. Сапроновой. М.: МГИМО-Университет, 2018. 192 с.

Дата поступления статьи: 28.02.2019

Для цитирования: Валиахметова Г.Н. Рецензия на учебное пособие: Исламская общественно-политическая мысль перед вызовами современности / под ред. Л.М. Ефимовой, М.А. Сапроновой. — М.: МГИМО-Университет, 2018. — 192 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 2. С. 317—319. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-317-319.

Сведения об авторе: *Валиахметова Гульнара Ниловна* — доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Уральского федерального университета (e-mail: vgulnara@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-317-319

Book Review:
Efimova, L.M. & Sapronova, M.A. (Eds.). (2018).
Islamic Social and Political Thought Facing the Challenges of Today.
Moscow: MGIMO-University publ., 192 p. (In Russian)

G.N. Valiakhmetova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation

References

- Alikberov, A.K. (2016). Islamic Perspective on the Western Islamic Studies. In: Al-Viri, M. *Understanding Islam in the West*. Moscow: Sadra publ. (In Russian).
Efimova, L.M. & Sapronova, M.A. (Eds.). (2018). *Islamic Social and Political Thought Facing the Challenges of Today*. Moscow: MGIMO-University publ. (In Russian).

Received: 28.02.2019

For citations: Valiakhmetova, G.N. (2019). Book Review: Efimova, L.M. & Sapronova, M.A. (Eds.). (2018). *Islamic Social and Political Thought Facing the Challenges of Today*. Moscow: MGIMO-University publ., 192 p. (In Russian). *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (2), 317—319. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-317-319.

About the author: *Valiakhmetova Gulnara Nilovna* — PhD, Dr. of Science (History), Professor of the Department of Oriental Studies, Ural Federal University (UrFU) (e-mail: vgulnara@mail.ru).

© Валиахметова Г.Н., 2019

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-320-323

Book Review:
**Shahi, D. (2018). *Kautilya and Non-Western IR Theory*.
Palgrave Pivot, 167 p.**

A.V. Kanisetti

The Takshashila Institution, Bangaluru, India

Rediscovered by accident in the early 20th century, the “Arthashastra” is one of the most remarkable ancient Indian texts. It was originally compiled by Kautilya who served as the prime minister of an early North Indian emperor. Kautilya’s Arthashastra was repeatedly expanded and re-adapted till the 3rd century CE. It eventually turned out to be an encyclopaedic text that contains everything from comprehensive descriptions of complex bureaucracies, to firm statements on the duties and responsibilities of the king, to meticulous instructions on fortification and war-elephant diets, and to theoretical explanations of interstate relations. Given its distinct position as a foundational South Asian text on polity and policy, referenced for centuries after¹, Kautilya’s Arthashastra is increasingly evoked as a reservoir of those non-Eurocentric ideas that can possibly transform the academic discipline of International Relations (IR) from a field dominated by theories grounded in Western historical experiences into a “Global” one.

However, rather than seeing Kautilya as a genuine component of non-Western intellectual tradition in his own right, his conceptualizations — such as the famous “circle of kings” — have been inconsiderately used to shoehorn him into a pre-existing school: that is, “Political Realism”. Ever since Max Weber (who was the first influential Western scholar to identify Arthashastra as a seminal text on political thought) labeled Kautilya as “Machiavellian” [Weber 1919], the later generations of Indian and Western scholars

(including Benoy Kumar Sarkar [1919] and Roger Boesche [2003]) reiterated the tendency to depict Kautilya as an unscrupulous Machiavellian schemer² devoted to the Political Realist goal of maximization of power at all costs. Even though Kautilya comes from a specific non-Western historical tradition and overtly situates his account of state behavior on a non-Western philosophical base (different from the Western one), the voluminous academic works on Kautilya’s Arthashastra have stripped it of its historical and philosophical contexts, thereby misleadingly interpreting it as a replica of Western Political Realism.

Uncritical studies on Kautilya’s Arthashastra abound, using a tautological approach to fit models thousands of years old to a drastically different modern world (or say, post-modern world) in an interesting but not in a revolutionary way. Quite refreshingly, a scholar has stepped up to articulate a clear path for understanding Kautilya’s Arthashastra on its own merits, starting with its “philosophical presuppositions” rather than its “political conclusions” — as Deepshikha Shahi’s *Kautilya and Non-Western IR Theory* sets out to “reinvent Arthashastra” [Shahi 2018: 131], foreground its “extra-Political Realist elements” [Shahi 2018: 129], and formulate a Kautilyan “non-Western eclectic theory” for grasping contemporary global politics [Shahi 2018: 137], it most certainly lays the foundation for a new era in Global IR.

¹ Kamandaka, the author of ‘Nitisara’ (c. 5th—6th CE), explicitly refers to Kautilya as his preceptor. Likewise, Somaveda, the author of ‘Nitivakyamrita’ (c. 10th CE), considerably draws inspirations from Kautilya’s Arthashastra. In fact, both these ancient Indian texts remained highly influential in South Asian strategic thought.

² Notwithstanding a few recent studies that attempt to extract a ‘moral theory’ out of Machiavelli’s work [Lamus 2016], the term “Machiavellian” is still popularly accepted in terms of its established dictionary meaning — that is, ‘cunning, scheming and unscrupulous, especially in politics’.

Kautilyan Worldview: A New Old Philosophy

Considering that Kautilya is quite upfront with his philosophical base (as he clearly mentions it at the very beginning of Arthashastra), it is surprising that most IR scholars do not attempt to examine this philosophical base before jumping to a Political Realist re-reading of Kautilya's Arthashastra which, in turn, unjustifiably assigns it an "essentially immoral, deterministic, and nativist character? [Shahi 2018: 6]. This is one of the key problems that Shahi tackles. To her, Kautilya is representative of a non-Western philosophical base which contains a different set of assumptions and arrives at a different set of conclusions. Kautilya's philosophical base is a fusion of contemporaneous South Asian bodies of thought — namely *Sāṃkhya*, *Yōga* and *Lokāyata*.

The "orthodox" schools of *Sāṃkhya* and *Yōga* hold that primordial matter evolved from interaction with the spirit / soul; thus, there is a division between the soul and the bodily elements to which it is attached, and calls for moderation and non-violence to achieve well-being of both.

To this, Kautilya adds an apparently contradictory non-orthodox school of *Lokāyata*, which is relentlessly empirical, interested in material wealth and comfort, and admits to no independent soul or even consciousness beyond the body. From a purely pragmatic standpoint, *Lokāyata* also believes in moderation and non-violence to achieve well-being (otherwise a would-be hedonist would die of gluttony before she is able to really enjoy life)³. At their intersection, shows Shahi, is the Kautilyan worldview which demands that humans — whether they are made of bodies or souls or both — must be provided for both materially and spiritually.

Western "realpolitik", Shahi points out, seems to be based on an Augustinian view that the world is fallen thanks to the original sin of humankind and that one must either "eat or be eaten" no matter what the moral costs. By contrast, Western "moralpolitik" is a reactionary response that criticizes the use of violence and prefers the use of morally superior methods. There is a wide and an ever-present gulf between

the two. But for Kautilya, argues Shahi, there is no gulf between the ideas of realpolitik and moralpolitik (despite the Western claim that Kautilya is the first "unrelenting Political Realist" and other similarly dramatic proclamations).

In fact, Kautilya uses a material-spiritual framework to temper all his ostensibly amoral methods. Furthermore, his amoral methods serve moral goals. And this perspective clearly informs every aspect of the Arthashastra — assassinations, for example, help stabilise the king's rule, but this is not meant to help the king cling to power for power's sake — rather, it is meant to ensure stability in the kingdom, and ultimately, the welfare of the subjects⁴. Shahi arouses the same material-spiritual framework to credibly refute those geographically deterministic analyses of Kautilya's Arthashastra whereby a neighboring state is to be compulsorily visualized as an enemy state.

Most importantly, Shahi shows that the philosophical base espoused by Kautilya appears to have guided the behaviour of ancient Indian states. The example she chooses is the Mauryan Empire — whether Ashoka's Mauryan Empire was consciously following Kautilya's Arthashastra or not, it seemed to pursue a peculiar Kautilya-inspired exemplar of domestic governance and international relations. At the outset, Shahi's investigation of Ashoka's rule as the historical test case for Kautilyan thought (or conflation of Ashoka's Buddhist ethics with Kautilyan philosophy) might seem problematical. However, this problematical aspect gets diluted when Shahi skips a whole-sale amalgamation of Ashoka's Buddhist ethics and Kautilyan philosophy. She, rather, recasts Ashoka's rule as an "eclectic" mix of the selected commonalities between "Kautilyan thought" (usually depicted as realpolitik); and "Buddhist thought" (generally accepted as moralpolitik) [Shahi 2018: 57]. By way of mainstreaming the eclectic philosophical base of Kautilya's Arthashastra, Shahi has struck

³ For a detailed experiential analysis of *Sāṃkhya* and *Yōga*, see: [Burley 2007]. For a critical study of the nuances of *Lokayata* and its relationship to other Indian philosophical traditions, see: [Gokhale 2015].

⁴ This might seem strikingly reminiscent of the idea of the social contract — which is, incidentally, quite evident in many ancient Indian texts, where kings are chosen by the gods or people to ensure the safety of their subjects and are empowered to collect taxes and inflict punishment to do so. Though the foundational legend used to justify kingship would later change, that change happened well after the compilation of the Arthashastra. For an elaborate discussion on this issue, see: [Singh 2002].

upon a rich, previously unexplored literary-philosophical vein which bears tremendous potential to contribute to the ongoing discourses on Global IR.

Kautilya's Eclecticism: A Passage to Global International Relations

With the positioning of Kautilya as an eclectic thinker who sits astride the realist — reflectivist debate (or *realpolitik* — *moralpolitik* debate), Shahi offers a platform for innovative scholarship which can move the academic discipline of IR beyond the feedback loops into which it seems to have settled of late. It also provides a breath of fresh air to those Indian studies of Arthashastra which have inclined towards nativism, proclaiming Kautilya's primacy and focussing on the fragments which seem most recognisable to present-day IR rather than studying the text as a whole to discern the nuances of ancient Indian strategic thinking. While the scholars like Kanti Bajpai are wary of nativism and therefore skeptical about an Indianized foregrounding of Kautilya in IR [Bajpai 2005], the scholars like Balbir Sihag promote a nativist (or rigidly Indianized) foregrounding of Kautilya in IR [Sihag 2004].

Shahi considers both these scholarly attitudes as unfruitful: she thinks Kautilya's work must be acknowledged as an Indian intellectual resource, but the “non-Western eclectic theory” emanating from Kautilya's work must be recognized as not only “Indian IR” (capable of explaining Indian realities) but also “Global IR” (capable of explaining the realities across the globe).

However, Shahi does not deny miscellaneous traces of present-day IR theories in Kautilya's Arthashastra (such as Political Realism, Social Constructivism, and Eclecticism) — for instance, she asserts that Kautilya's “circle of kings” is based on both “neorealist capabilities” and “social constructivist identities” precisely because one can witness a shift in identities with the change in capabilities; thus, identities and capabilities are correlated in both

Wendt's Social Constructivism and Kautilya's “circle of states”. Nevertheless, Shahi discards a thoroughly “presentist” study of Kautilya's Arthashastra by way of bringing forth its “unconventional traits” (that is, the traits which are “not present” in either Western Political Realism or Social Constructivism).

For instance, Shahi demonstrates how Kautilya's Arthashastra is “unusual in the way it withstands the rational / prudent self-interests of states defined in terms of power, and yet goes ahead and establishes the abstract universal ideals of the protection of the earth as a necessary condition for fulfillment of those rational / prudent self-interests”, thereby destabilizing the power vs. morality debates that perpetually affects Western IR [Shahi 2018: 118]. Likewise, she elucidates how Kautilya's Arthashastra “puts maximum emphasis upon the detached personal (re)actions of the rulers of international politics (irrespective of their institutional status as state or non-state actors)”, thereby trivializing the issue of institutional superiority / inferiority of state or non-state actors in international politics that continues to baffle Western IR [Shahi 2018: 119].

Shahi has developed a convincing theoretical and methodological foundation that could probably renovate the field of Arthashastra studies. But more importantly, this theoretical and methodological foundation can be used to study other ancient Indian theories of state behaviour and develop larger ideas on international relations based on non-Western philosophies and historical experiences. Though it will take a lighthouse to shine a light through the many questions that have been asked and remain to be asked, Shahi provides a lamp to guide the way. Overall, *Kautilya and Non-Western IR Theory* is an important contribution to Global, and especially Indian, understandings of strategic culture. As per Shahi's openly expressed intention, the book stands to creatively enhance the status of “both Indian IR and Global IR” [Shahi 2018: 143].

References

- Bajpai, K. (2005). International Studies in India: Bringing Theory (Back) Home. In: *International Relations in India: Bringing Theory Back Home* / Ed. by K. Bajpai, S. Mallavarapu. New Delhi: Orient Longman.
- Boesche, R. (2003). *The First Great Political Realist: Kautilya and His Arthashastra*. Lanham: Lexington Books.
- Burley, M. (2007). *Classical Samkhya and Yoga: An Indian Metaphysics of Experience*. London and New York: Routledge.
- Gokhale, P. (2015). *Lokāyata / Cārvāka: A Philosophical Inquiry*. Oxford: Oxford University Press.
- Lamus, F. (2016). *Machiavelli's Moral Theory: Moral Christianity versus Civic Virtue*. MA Thesis. Duke University.

- Sarkar, B.K. (1919). The Hindu Theory of International Relations. *The American Political Science Review*, 13 (3), 400—414.
- Shahi, D. (2018). *Kautilya and Non-Western IR Theory*. Palgrave Pivot. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-01728-6>
- Sihag, B.S. (2004). Kautilya on the Scope and Methodology of Accounting, Organizational Design and the Role of Ethics in Ancient India. *Accounting Historians Journal*, 31 (2), 125—148.
- Singh, U. (2002). *Political Violence in Ancient India*. Harvard: Harvard University Press.
- Weber, M. (1919). Politics as a Vocation. A Speech Delivered at Munich University. In: *Max Weber: Selections in Translation* / Ed. by W. Runciman. Cambridge: Cambridge University Press.

Received: 03.05.2019

For citations: Kanisetti, A.V. (2019). Book Review: Shahi, D. (2018). *Kautilya and Non-Western IR Theory*. Palgrave Pivot, 167 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (2), 320—323. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-320-323.

About the author: Anirudh V. Kanisetti — Research analyst, The Takshashila Institution, Bangaluru, India.

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-320-323

**Рецензия на монографию:
Shahi D. *Kautilya and Non-Western IR Theory*.
Palgrave Pivot, 2018. 167 p.**

А.В. Канисетти

Институт Такшасила, Бангалор, Индия

Дата поступления статьи: 03.05.2019

Для цитирования: *Канисетти А.В.* Рецензия на монографию: Shahi D. *Kautilya and Non-Western IR Theory*. Palgrave Pivot, 2018. 167 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 2. С. 320—323. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-320-323.

Сведения об авторе: *Анирудх Канисетти* — аналитик-исследователь в Институте Такшасила, Бангалор, Индия.

© Kanisetti A.V., 2019

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-324-326

**Рецензия на монографию:
От биполярного к многополярному миру:
латиноамериканский вектор международных отношений в XXI веке /
отв. ред. В.Л. Хейфец. — М.: РОССПЭН, 2019. — 494 с.**

Р.В. Костюк

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Коллективная монография под редакцией В.Л. Хейфеца (среди авторов — сотрудники Санкт-Петербургского государственного университета и Института Латинской Америки РАН) является, на наш взгляд, наиболее полным на сегодняшний день исследованием политического и социально-экономического развития стран Латинской Америки в контексте международных отношений, предпринятым в отечественной историографии в последние годы. Оно успешно дополняет ряд блестящих работ, ранее опубликованных сотрудниками ИЛА РАН, но уже успевших устареть ввиду стремительно меняющейся ситуации в Западном полушарии. Актуальность затронутой проблематики отражена уже в названии: с точки зрения многих отечественных и зарубежных ученых, современная система мироустройства перешла в постбиполярную фазу под влиянием множества взаимосвязанных факторов. Эти изменения происходили и происходят в разном темпе, что оставляет открытым вопрос о том, характеризовать ли последние десятилетия как переходный период либо же констатировать, что многополярный мировой порядок окончательно сформировался.

Настоящее исследование направлено на формирование системного взгляда на актуальное международное положение Латинской Америки как в полушарном, так и в глобальном измерении. Монография состоит из введения, пяти глав и заключения, а также списка сокращений и предметно-именного указателя, значительно упрощающего навигацию по тексту.

В первой главе авторы фокусируются на крупных региональных трендах: укреплении свя-

зей региона со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, эскалации старых и появлении новых территориальных споров, вызовах региональной безопасности и др. [От биполярного к многополярному миру... 2019]. Актуальным и оправданным представляется формирование исследовательского взгляда на весь регион в целом, в отличие от доминирующего в современной литературе страноведческого и «блокового» подхода.

Вторая глава посвящена региональной интеграции и зарождению новых центров силы, в том числе осуществлен анализ текущих свойств, трансформации и взаимодействия элементов интеграционных систем региона. Ни одно значимое объединение не было упущено — от международных организаций (ОАГ) и макроблоков СЕЛАК и УНАСУР до субрегиональных единиц, таких как АЛБА или Тихоокеанский альянс. Очевидно, для авторов также значима и внутривнутриполитическая динамика отдельных стран в связи с меняющимися внешнеполитическими векторами, а также место латиноамериканских межгосударственных образований в формировании глобального образа региона. Заслуживает упоминания, что авторы, не став следовать распространенным в России представлениям о радужных перспективах СЕЛАК, сумели показать многие кризисные явления в интеграционных процессах, продемонстрировали слабые места СЕЛАК, АЛБА и УНАСУР, могущие привести к свертыванию их деятельности [От биполярного к многополярному миру... 2019].

Третья глава представляется особенно важной, так как в ней рассматриваются отношения региона с внерегиональными и внеполушарными

актерами мировой политики — США, странами Азии, Европейским союзом и Россией. Авторы провели впечатляющую аналитическую работу по обобщению разрозненных внешнеполитических в относительно единую картину, также векторов отдельных стран Латинской Америки уделив должное внимание таким актуальным отдельным сюжетам, как, например, трехсторонняя конфигурация Латинская Америка — Россия — Китай.

Сегодня Россия активно наблюдает за успехами и неудачами латиноамериканских стран как для выработки оптимального внешнеполитического курса по отношению к этим странам, так и для имплементации латиноамериканского опыта в собственной борьбе за влияние в новой глобальной конфигурации. Несмотря на то, что изменчивая партийно-политическая конъюнктура отдельных стран Латинской Америки превращает отношения с Россией в череду взлетов и падений, потенциал долгосрочного и взаимовыгодного партнерства нельзя сбрасывать со счетов, что обуславливает необходимость постоянного поиска российскими экспертами и аналитиками новых форм сотрудничества. В монографии предпринята попытка комплексного анализа наиболее значимых этапов взаимодействия России и Латинской Америки, постепенная интенсификация которого в последние годы приводит авторов к выводу, что Россия заново «открывает» для себя регион. Многие из заключений авторов оказываются особенно уместными в свете нынешней фазы венесуэльского кризиса, поставившего на грань риска сохранение присутствия Москвы в Венесуэле и заставляющего думать о переформатировании российской политики в регионе в целом.

В четвертой главе рассматриваются роль и место Латинской Америки в современной мировой политике с учетом глобальных вызовов, в равной степени стоящих перед всеми актерами международных отношений. С институциональной точки зрения новый мир преимущественно унаследовал оставшиеся от ушедшей системы международные институты, однако их повестка и расстановка сил внутри них, бесспорно, изменились. На примере БРИКС, ООН, ВТО, G20 авторы

доказывают, что для Латинской Америки этот период несет в себе беспрецедентный потенциал для развития и увеличения влияния на международной арене, однако для этого качественного рывка региону необходим и столь же беспрецедентный уровень консолидации усилий. В условиях усиления роли развивающихся стран, новых форм интеграции и межрегиональных связей государства Латинской Америки начинают влиять на формирование мировой повестки, участвовать в решении полушарных и глобальных проблем и формулировать общерегиональную точку зрения по основным вопросам [От биполярного к многополярному миру... 2019].

Последняя глава объединяет пять обзоров внешней политики отдельных стран, в том числе Бразилии, Мексики, Аргентины, Кубы и Венесуэлы. В главе раскрыты основные внешнеполитические приоритеты и внутренние мотивы действий этих государств на международной арене в XXI в., а также даны обобщающие комментарии о достижениях и перспективах проводимой политики в региональном и глобальном масштабе. Выделяя именно эти страны, авторы подводят читателя к пониманию уникальности роли каждой из них в новом миропорядке, показывая особенности внешней политики левых и правых правительств региона во втором десятилетии XXI в.

Несмотря на то что авторы монографии говорят о возможных сценариях политического и социально-экономического развития региона, можно было бы, на наш взгляд, представить их чуть более детально, сформулировав векторы их сценариев в контексте интересов России.

Выводы монографии прошли апробацию на международных конференциях в России и за рубежом, текст исследования стал главным итогом работы авторского коллектива по реализации гранта Российского фонда фундаментальных исследований. Результаты апробации свидетельствуют о высоком методическом уровне, практической ценности рецензируемого научного труда, безусловно рекомендуемого к изучению всем российским исследователям Латинской Америки, как начинающим, так и желающим расширить уже имеющиеся познания.

Библиографический список

От биполярного к многополярному миру: латиноамериканский вектор международных отношений в XXI веке / отв. ред. В.Л. Хейфец. М.: РОССПЭН, 2019.

Дата поступления статьи: 12.03.2019

Для цитирования: Костюк Р.В. Рецензия на монографию: От биполярного к многополярному миру: латиноамериканский вектор международных отношений в XXI веке / отв. ред. В.Л. Хейфец. — М.: РОССПЭН, 2019. — 494 с. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2019. Т. 19. № 2. С. 324—326. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-324-326.

Сведения об авторе: Костюк Руслан Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: rouslan_k@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-324-326

Book Review:
**Heifetz, V.L. (Eds.). (2019). From Bipolar to Multipolar World:
Latin American Vector of International Relations in the 21st century.
Moscow: ROSSPEN publ., 494 p. (In Russian)**

R.V. Kostiuk

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation

References

Heifetz, V.L. (Eds.). (2019). *From Bipolar to Multipolar World: Latin American Vector of International Relations in the 21st century*. Moscow: ROSSPEN publ. (In Russian).

Received: 12.03.2019

For citations: Kostiuk, R.V. (2019). Book Review: Heifetz, V.L. (Eds.). (2019). *From Bipolar to Multipolar World: Latin American Vector of International Relations in the 21st century*. Moscow: ROSSPEN publ., 494 p. (In Russian). *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (2), 324—326. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-324-326.

About the author: Kostiuk Rouslan Vasilievich — PhD, Dr. of Science (History), Professor of the Chair of the Theory and History of International Relations, Faculty of International Relations, Saint-Petersburg State University (e-mail: rouslan_k@mail.ru).

© Костюк Р.В., 2019

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-327-328

Book Review:
Iñiguez de Heredia, M. & Wai, Z. (Eds.). (2018). *Recentring Africa in International Relations*. NY: Palgrave Macmillan, 349 p.

C.A. Amuhaya

People's Friendship University of Russia (RUDN University),
Moscow, Russian Federation

“Recentring Africa in International Relations” draws a reader into a new understanding of the contemporary Africa. The book is formed as a collection of essays with different research focus but one shared research question — whether Africa is included or excluded from world politics? “Does the persistent peripheralization of Africa owe to the fact that it has very little to contribute to global politics or whether it is because the dominant trends, and modalities of the discipline of international relations (IR), as well as the ideological concerns of its major practitioners, are such that they consistently obfuscate and write over the very important ways the continent constitutes, and is constitutive, of world politics and global power”. The authors are examining rather complicated relationship between Africa and the power-knowledge IR regimes, and ask how the dominant modalities and the discourses of the discipline, which is still Western-based by its origins, construct Africa as an object of knowledge and what the implications of these constructions mean for the continent. The strong point is the vast majority of issues covered by the contributors — from anthropology with focus on the “independence generation” of African leaders to the current agenda issues, like armed conflicts, state failures, local practices and regional ideas.

The starting point of the book that unifies in some way all authors' approaches is that “Africa is a world-historical region that has, at least in the context of modernity, always been an essential / integral part of the global system and remains a major constitutive site for world politics and global power”. The novelty of the book could be described in its fair, rather transparent and not simplified character. The authors rightly suggest that the issue of Africa's position in global politics cannot be reduced to discourses of inclusion / exclusion. This way of thinking is too simple, as the idea of the continent's exclusion is

in fact a myth, for it has always been a major constitutive part of capitalist modernity. Critical scholarship about Africa has many times argued that the problem of Africa is not its exclusion, but in fact the ways in which it has been inserted in world politics and its web of trade, institutions, and knowledge production mechanisms. In this logic most authors seem to be inclined in some way to the neo-Liberal or even Constructivist approaches, assuming that the whole analyses about the role of Africa in IR should be about how it is inserted in this system and what this has meant for its people. On the other hand, when it comes to Africa, the existing theoretical and practical approaches look too simple and straight forward; the whole issue should be approached with a little bit of caution. The authors indeed are demonstrating in the various chapters, that Africa has had, is having and will have a place in international relations system, once it is able to be identified not through the eyes of the West but Africans themselves.

A strong advantage of the book is the attempt to provide examples for exploring Africa's contribution to the international relations in all ways and forms. For instance, African philosophers, like Anton Wilhelm Amo, who made contributions to empiricists' epistemologies. Africa is full of world-historical political figures, like Haile Selassie, the Emperor of Ethiopia, who gave birth in his famous speech in 1936 to the concepts of “collective security” and “international morality” that became truly dominant.

Within this context, the book is as refreshing as authors employ metaphors not only showing the Africa's place in international relations, but also trying to understand the reasons of the continent's marginalization, by exploring the issues of colonial past, colonial education, situation with the so-called failed states from Eurocentric view point, and others. But even more significantly the authors try to address

ways of fixing these issues. They discuss the assumption that salvation lays with western interventions which are Eurocentric invention of Africa and they offer a paradigm shift from idea of Africa to the African idea [Iñiguez de Heredia, Wai 2018: 284] as one of the many solutions.

The vast number of concluding remarks could be summarized in one short thesis — Africa has a place in international relations and it has contributed hugely to the field, in spite of the fact that Africa is still represented and largely analyzed through the prism of failure and past challenges. “Despite the fact that the continent has been and continues to be an essential part of the making of the modern world, its relevance to IR is not seen as self-evident, and despite years of critical intervention or even attempts to illustrate otherwise, the dominant renditions of IR and world politics still treats Africa, its peoples, cultures, and histories with scant regard; negating its contributions which are either written over or appropriated unacknowledged, while its knowledge, especially

that produced by scholars based on the continent, is largely ignored”. The book tries to get read of stereotypes and traditional tags about Africa, but the authors forming some big idea about the interlink between the continent and the globe are far from sharing all the assumptions. The approaches, for instance, to the colonial past, colonial library and others are different. This greatly contributes to the debate, and largely enhances it. For Wai and Mudimbe, the most fundamental task is to know Africa, its history and present. For Amina Mama, the answer is necessarily complex because it takes particular understandings to produce a counter-weight to the unethical ways in which Africa is generally studied. What Mama argues is that studying Africa can be ethical if it is self-reflective of the reproduction of tropes and forms of exploitation and also if it works towards social justice. In different formats proposed by the authors, recentering Africa means recentering IR, showing in the process that they are co-constitutive.

References / Библиографический список

Iñiguez de Heredia, M. & Wai, Z. (Eds.). (2018). *Recentering Africa in International Relations*. NY: Palgrave Macmillan.

Received: 15.01.2019

For citations: Amuhaya, C.A. (2019). Book Review: Iñiguez de Heredia, M. & Wai, Z. (Eds.). (2018). *Recentering Africa in International Relations*. NY: Palgrave Macmillan, 349 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (2), 327—328. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-327-328.

About the author: *Amuhaya Claire Ayuma* — PhD Student, Assistant of the Department of Theory and History of International Relations, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University) (e-mail: amukhaya-k@rudn.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-327-328

Рецензия на монографию: **Recentering Africa in International Relations /** **Ed. by M. Iñiguez de Heredia and Z. Wai.** **NY: Palgrave Macmillan, 2018. 349 p.**

К.А. Амухайя

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Дата поступления статьи: 15.01.2019

Для цитирования: *Амухайя К.А.* Рецензия на монографию: *Recentering Africa in International Relations / Ed. by M. Iñiguez de Heredia and Z. Wai.* NY: Palgrave Macmillan, 2018. 349 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 2. С. 327—328. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-327-328.

Сведения об авторе: *Амухайя Клэр Аюма* — аспирант, ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (e-mail: amukhaya-k@rudn.ru).

© Amuhaya C.A., 2019

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-329-331

Рецензия на монографию: **Mthembu Ph. China and India's Development Cooperation in Africa. The Rise of Southern Powers. L.: Palgrave Macmillan, 2018. 199 p.**

Т.Л. Дейч, В.А. Усов

Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация

Растущее влияние Китая и Индии в мировой политике, активность этих стран в Африке все чаще становятся предметом анализа отечественных и зарубежных исследователей. Данной теме посвятил свою книгу «Сотрудничество Китая и Индии в развитии Африки» и ученый из Института глобального диалога ЮАР Ф. Мтембу. Книга вышла в серии работ по международной политической экономии, издаваемой в США под редакцией профессора Тимоти М. Шоу. Серия фокусируется на «восходящих» экономиках, информируя международное сообщество об упадке Трансатлантического Севера и подъеме стран Юга, в первую очередь БРИКС.

Анализируя помощь Китая и Индии развитию Африки, Ф. Мтембу вводит в научный оборот термин «южные державы», призванный заменить термин «восходящие страны». Он называет подъем «южных держав» наиболее «интригующей динамикой глобальной политики с момента падения Берлинской стены», подчеркивая, что эти страны занимают все более важное место не только в своих регионах, но и на международных платформах. Термин «восходящие страны» больше не подходит для этой группы государств, которые «уже играют главную роль в международных делах, оспаривая претензии на гегемонию США и формируя „полюса“ власти и влияния в многополярном мире» [Mthembu 2018: 1—2].

Хотя финансовые ресурсы, предоставляемые «южными державами», важны для развивающихся стран, не менее значимы и привносимые этими державами новые идеи экономического роста, сокращения бедности и т.д., нашедшие, к примеру, отражение в китайском и индийском опыте внедрения информационных технологий. Как важный исторический сдвиг автор рассматривает

потерю развитыми странами монополии на такого рода идеи. То, что, скажем, Китай и Индия обретают большую ответственность в мировых делах, ставит под вопрос существующую международную систему и открывает новые возможности для стран Африки, которые ранее были идеологически зависимы от западных доноров [Mthembu 2018: 4].

В монографии поставлена задача провести качественный сравнительный анализ (QCA) программ помощи Китая и Индии развитию Африки. Для этого суммируются данные о более чем 1000 проектах, реализованных Китаем и Индией в Африке с 2000 по 2010 г. Источником информации послужила база данных AidData, формируемая на базе Колледжа Уильяма и Мэри, одного из старейших американских государственных исследовательских университетов. Для анализа автор взял четыре параметра.

Первый — стратегическая важность африканских государств — взят из Сводного индекса национального потенциала (*Composite Index of National Capability, CINC*), базы данных по военным конфликтам, сформированной в 1963 г. американским политологом Д. Сингером.

Второй параметр — экономическая важность африканских стран — реципиентов помощи, для определения которой берутся данные объемов торговли Китая и Индии со странами Африки.

Третий параметр — гуманитарная ситуация в африканских странах, определяемая по данным Индекса человеческого развития ООН. Если при анализе первых двух параметров более высокая оценка давалась странам с лучшими показателями стратегической важности и объема торговли, то в третьем параметре более высокую оценку получали страны с худшей гуманитарной ситуацией.

В качестве четвертого параметра взяты размеры индийской и китайской диаспор в странах — реципиентах китайской и индийской помощи развитию.

Суммируя результаты по всем четырем параметрам, автор приходит к выводу, что для Китая наиболее значимым фактором, определяющим объемы предоставляемой помощи развитию, является стратегическая значимость африканской страны, а для Индии — ее экономический потенциал. При этом для обоих государств вторым по значимости критерием выбора служит гуманитарная ситуация в стране — получателе помощи, тогда как размеры диаспоры практически не влияют на предпочтения при выборе страны-реципиента. Таким образом, хотя стратегические интересы Китая делают его наиболее важным драйвером развития континента, это происходит лишь, когда эти интересы сочетаются с гуманитарными. Так же обстоит дело и с Индией, экономические интересы которой превращают страну в самого крупного драйвера, но лишь в том случае, когда они сочетаются с гуманитарными интересами. Хотя сотрудничество Китая и Индии с Африкой испытывает воздействие многих факторов, способствующих превращению их усилий в более эффективные, чем усилия других стран, в целом эмпирические результаты исследования подтверждают ключевые принципы сотрудничества Юг—Юг: сочетание принципа взаимной выгоды («*win-win approach*») и гуманитарной составляющей [Mthembu 2018: 145].

Осознавая, что полученные результаты не всем покажутся очевидными, Ф. Мтембу уде-

ляет внимание анализу используемых им параметров [Mthembu 2018: 93]. Так, он критически оценивает включение в базу AidData как помощь развитию ряда проектов, которые, по его мнению, представляют собой коммерческие инициативы, основанные на экспортных или покупательских кредитах. В качестве примеров он приводит выделенные Китаем Гане покупательский кредит на 253 млн долл. США и кредит на 464 млн долл. США, предоставленный Китайско-африканским фондом развития (CADF), призывая учесть, что CADF получает финансовые ресурсы от Китайского банка развития (CDB), который официально заявляет, что все его займы — коммерческие, а потому включать их в помощь развитию некорректно [Mthembu 2018: 116—117].

Ограниченность анализа 2010 годом снижает возможности его применения для оценки современного участия Китая и Индии в развитии Африки, поскольку, например, не учитывает итоги последних саммитов Китай — Африка (2015 и 2018 гг.) и Индия — Африка (2015 г.), оказавших заметное влияние на объемы помощи развитию. В целом, однако, можно признать, что монография Ф. Мтембу — серьезное исследование, проведенное с использованием большого объема источников и методики качественного сравнительного анализа. Хотя некоторые из привлеченных автором статистических данных нуждаются в уточнении, а выводы — в актуализации, монография будет, безусловно, полезна не только китаистам, индологам и африканистам, но и широкому кругу исследователей.

Библиографический список

Mthembu Ph. *China and India's Development Cooperation in Africa. The Rise of Southern Powers*. L.: Palgrave Macmillan, 2018.

Дата поступления статьи: 20.02.2019

Для цитирования: Дейч Т.Л., Усов В.А. Рецензия на монографию: Mthembu Ph. *China and India's Development Cooperation in Africa. The Rise of Southern Powers*. L.: Palgrave Macmillan, 2018. 199 p. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2019. Т. 19. № 2. С. 329—331. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-329-331.

Сведения об авторах: Дейч Татьяна Лазаревна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения российско-африканских отношений и внешней политики стран Африки Института Африки РАН (e-mail: tdeich@yandex.ru).

Усов Вячеслав Александрович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра глобальных и стратегических исследований Института Африки РАН (e-mail: usowa@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-329-331

Book Review:
Mthembu, Ph. (2018). *China and India's Development Cooperation in Africa. The Rise of Southern Powers*. London: Palgrave Macmillan, 199 p.

T.L. Deych, V.A. Usov

Institute for African Studies, Russian Academy of Science,
Moscow, Russian Federation

References

Mthembu, Ph. (2018). *China and India's Development Cooperation in Africa. The Rise of Southern Powers*. London: Palgrave Macmillan.

Received: 20.02.2019

For citations: Deych, T.L. & Usov, V.A. (2019). Book Review: Mthembu, Ph. (2018). *China and India's Development Cooperation in Africa. The Rise of Southern Powers*. London: Palgrave Macmillan, 199 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 19 (2), 329—331. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-2-329-331.

About the authors: *Deych Tatiana Lazarevna* — PhD, Dr. of Science (History), Leading Research Fellow, Centre for the Study of the Russian-African Relations and African States' Foreign Policy, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: tdeich@yandex.ru).

Usov Vyacheslav Alexandrovich — PhD in History, Senior Research Fellow, Centre of Global and Strategic Studies, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: usowa@mail.ru).

© Дейч Т.Л., Усов В.А., 2019

Редакция выражает свои соболезнования в связи с кончиной члена редколлегии Вестника Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения, профессора Школы востоковедных и африканских исследований Лондонского университета Ширин Акинер (6 апреля 2019 г.). Свою профессиональную деятельность она посвятила изучению международных отношений, до последнего дня внося вклад в развитие постсоветских исследований, а также в совершенствование нашего журнала. За год до кончины, в № 2 Вестника за 2018 г., вышло интервью с Ширин Акинер на тему «Исследования Центральной Азии в Великобритании». Мы даже не могли представить, что это будет ее последний материал для журнала. Уход Ширин — огромная утрата для нас. Редакция журнала искренне соболезнует родным и близким Ширин Акинер.

КАФЕДРА ТЕОРИИ И ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ РУДН

НАУЧНЫЙ СЕМИНАР НА ТЕМУ «НЕЗАПАДНЫЕ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ. ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ШКОЛ МО В СТРАНАХ АЗИИ, АФРИКИ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ»

2-й год — Индия, Ближний и Средний Восток, Африка

Координатор семинара — к.и.н., ст. преп. кафедры теории и истории международных отношений РУДН О.С. Чикризова

Предыстория: В 2018/2019 учебном году успешно прошел первый год научного семинара. Рассматривалось евразийство как основа российской ТМО (30.10.2018); японские, корейские и монгольские концепции мироустройства (23.11.2018); китайские ТМО (01.03.2019) и концепции международных отношений стран Юго-Восточной Азии (26.04.2019). В мероприятии приняли участие ведущие международники и регионоведы РФ, зарубежных стран, в том числе в формате телемостов.

Проблематика: обсуждаются национальные школы международных отношений и основные концепции и теории мировосприятия в странах «Глобального Юга». В 2019/2020 учебном году акцент будет сделан на странах Ближнего и Среднего Востока (арабские страны, Турция, Иран), Африки, а также Индии. В конце 2020 года будет рассматриваться Латинская Америка.

Участники: представители ведущих вузов РФ (РУДН, МГИМО, МГУ им. М.В. Ломоносова, СПбГУ), институтов РАН (Институт Дальнего Востока РАН, Институт востоковедения РАН, Институт Африки РАН), региональных вузов, ученые из стран «Глобального Юга» и ведущие западные исследователи (в формате телемостов).

Итог работы: коллективная научная монография на русском языке (издательство Аспект Пресс).

Темы семинаров на 2019—2020 гг.:

Октябрь 2019 — Индийская школа международных отношений

Ноябрь 2019 — ТМО Турции

Февраль 2020 — Международные отношения в арабских странах

Март 2020 — Иранская школа международных отношений

Апрель 2020 — Исследования международных отношений в странах Африки

Координаты:

Чикризова Ольга Сергеевна: chikrizova-os@rudn.ru

Кафедра ТИМО РУДН: humanities.ir@rudn.ru

В 2019 г. в издательстве Аспект Пресс выходит коллективная монография «Незападные ТМО. Азиатские, африканские и латиноамериканские концепции мироустройства». Это итог многолетней совместной работы коллектива кафедры ТИМО РУДН с представителями ведущих российских и зарубежных вузов, а также исследователями Российской академии наук.